

Императорской Московской Духовной Академии
В. П. Виноградовъ, напечатанъ въ Москвѣ

В. П. Виноградовъ,

доцентъ Императорской Московской Духовной Академии

УСТАВНЫЯ ЧТЕНІЯ.

Выпускъ третій.

Очерки по исторіи греко-славянской церковно-учительной
литературы.

63777

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Гипографія Св. Тр. Сергіевой Лавры
1915.

63777

Предисловіе.

Издавая въ прошломъ году первый выпускъ своего изслѣдованія „Уставныя Чтенія“, посвященный *Уставной регламентаціи Чтеній въ Греческой Церкви* (Сергіевъ Посадъ, 1914 г.), я во введеніи къ нему намѣтилъ второй выпускъ посвятить *Уставной регламентаціи Чтеній въ Русской Церкви*, а дальнѣйшіе—опубликованію матеріаловъ и наблюденій по вопросамъ второй и третьей частей изслѣдованія Уставныхъ Чтеній: о происхожденіи, литературной исторіи и религіозно-культурномъ значеніи сборниковъ и вообще учительнаго матеріала Уставныхъ Чтеній.

Вслѣдствіе трудностей технического и матеріальнаго свойства, связанныхъ съ изданіемъ матеріаловъ, относящихся ко второму выпуску, этотъ послѣдній долженъ выйти нѣсколько позже. Въ настоящее же время мною издается дальнѣйшій, третій выпускъ, посвященный вопросамъ второй части изслѣдованія Уставныхъ Чтеній.

Настоящій выпускъ (равно какъ и послѣдующіе) не имѣетъ характера цѣлостнаго изслѣдованія, но содержитъ въ себѣ эпизодическое изложеніе наблюденій и выводовъ по изученію учительнаго матеріала и литературной исторіи сборниковъ Уставныхъ Чтеній, въ видѣ *очерковъ по исторіи греческо-славянской церковно-учительной литературы*.

Въ качествѣ введенія мы помѣщаемъ здѣсь рѣчь предъ защитой перваго выпуска нашей работы въ качествѣ магистерской диссертации, выясняющую понятіе „Уставныхъ Чтеній“ и задачи ихъ научнаго изслѣдованія. Такъ Уставныя Чтенія являются главнѣйшимъ факторомъ и одновременно, съ другой стороны, результатомъ древне-русскаго просвѣще-

нія, то историко-литературному анализу учительнаго матеріала Уставныхъ Чтеній, мы предпосылаемъ обзоръ тѣхъ свѣдѣній по исторіи древне-русскаго просвѣщенія, которыя намъ удалось отмѣтить въ житійно-повѣствовательномъ отдѣлѣ самихъ же Уставныхъ Чтеній. Затѣмъ идутъ два очерка, посвященные вопросамъ первоначальной литературной исторіи на Руси двухъ основныхъ и неразрывно-родственныхъ сборниковъ Уставныхъ Чтеній—Торжественника и Златоуста. Дальнѣйшимъ вопросамъ этой исторіи будутъ посвящены слѣдующіе выпуски.

6 декабря 1915 г.

УСТАВНЫЯ ЧТЕНІЯ,

какъ предметъ изученія съ историко-гомилетической и историко-литургической точекъ зрѣнія ¹⁾.

Ваше Преосвященство,
Высокочтимое ученое собраніе!!

Право всякаго ученаго изслѣдованія на существованіе и на ученое признаніе основывается на вносимыхъ имъ въ разработку чередныхъ научныхъ проблемъ *новыхъ* тезисахъ или, по крайней мѣрѣ, *новыхъ* данныхъ, средствахъ и методахъ для обоснованія *старыхъ* тезисовъ.

Выступая сейчасъ предъ Вашимъ ученымъ судомъ защищать научныя права моей книги, я позволю себѣ, пользуясь предоставляемымъ мнѣ академической традиціей правомъ перваго слова, изложить главнѣйшія изъ тѣхъ основаній, которыя даютъ мнѣ рѣшимость претендовать на усвоеніе моей книгѣ права ученаго бытія: что *новаго*, какіе *новые* тезисы или *новыя* данныя и для выясненія *какихъ* именно научныхъ проблемъ вносить въ науку моя книга?

Предметъ моего изслѣдованія составляетъ исторія группы сборниковъ *проповѣднической* и вообще богослужебно-учительной литературы греко-славянскаго міра, обнимаемыхъ понятіемъ „Уставныхъ Чтеній“. Въ этомъ смыслѣ, т.-е. по существу изучаемаго мною предмета, *мое изслѣдованіе историко-литературнаго и точнѣе историко-гомилетическаго характера*. Но въ подлежащемъ Вашему ученому суду *первомъ* выпускѣ мое изслѣдованіе захватываетъ предметъ съ той

¹⁾ Рѣчь, произнесенная въ собраніи Совѣта Моск. Дух. Академіи 22 мая 1914 г. предъ защитой магистерской диссертации на тему: „Уставныя Чтенія (Проповѣдь книги). Историко-гомилетическое изслѣдованіе. Выпускъ первый. Уставная регламентация Чтеній въ Греческой Церкви. Сергіевъ Посадъ. 1914 г.“

его корневой стороны, гдѣ его жизнь органически сливается съ исторіей богослуженія и гдѣ, поэтому, историко-гомилетическія проблемы неразрывно переплетаются съ историко-литургическими. Отсюда, моя работа, преслѣдуя историко-литературныя задачи, спускается въ область *литургическихъ* источниковъ и вноситъ тезисы въ направленіи *одновременно* и гомилетическихъ и литургическихъ проблемъ.

Выборъ предмета моего изслѣдованія обусловленъ интересами исторіи древне-русской проповѣди. Исторія древне-русской проповѣди имѣетъ своеобразныя особенности.

Обычно въ исторіи проповѣди того или другого народа той или другой эпохи отдѣльныя явленія проповѣдническаго творчества выступаютъ на почвѣ извѣстной определенной личности, какъ ея индивидуальный продуктъ, органически связанный съ другими духовными проявленіями той же личности. Задача историка проповѣди здѣсь заключается въ томъ, чтобы понять тотъ или другой рядъ произведеній проповѣдническаго творчества, какъ продуктъ *определенной* личности, ея природныхъ свойствъ, *школы*, въ которой эта личность выросла и сложилась, наконецъ, *условіи эпохи* и общественной *среды*, подъ воздѣйствіемъ которыхъ протекла вся жизнедѣятельность изучаемой личности. Въ исторіи древне-русской проповѣди этотъ методъ изслѣдованія мало приложимъ. Подавляющее большинство произведеній древне-русскаго проповѣдничества выступаетъ предъ изслѣдователемъ, такъ сказать, безъ литературнаго рода и племени. Они не носятъ въ надписаніяхъ именъ своихъ дѣйствительныхъ авторовъ, какъ не носятъ въ своемъ содержаніи сколько-нибудь ясной печати индивидуальной личности этихъ авторовъ и *условіи* определеннаго историческаго момента своего происхожденія; о многихъ изъ нихъ невозможно установить даже точно: принадлежать ли они Руси, или славянскому югу, или же просто представляютъ переводъ греческаго оригинала. Что же дѣлать историку проповѣди съ этимъ матеріаломъ? Систематизировать находящіяся въ немъ догматическія, нравственныя, обрядовыя, каноническія, библейско-историческія истины? Такъ сдѣлали авторы двухъ единственныхъ попытокъ общаго обзорѣнія всей исторіи древне-русской проповѣди: извѣстный Аскоченскій, отъ котораго мы имѣемъ книгу „Русское проповѣдни-

чество, историческое его обзорѣніе и взглядъ на современное его направленіе“ (СПБ. 1876), и анонимный авторъ „Историческаго очерка русскаго проповѣдничества“. Но что они дали наукѣ? *Каталожный* сводъ мыслей, и при томъ *какихъ* мыслей? По совершенно вѣрному замѣчанію, дѣлаемому однимъ изъ указанныхъ авторовъ, „строго говоря, русскіе проповѣдники почти не сказали ничего самобытнаго“¹⁾. Спрашивается: для чего же нуженъ сводъ нисколько не оригинальныхъ идей и мыслей, оторванныхъ отъ исторической почвы? Можно ли назвать эту каталогизацію исторіей?

Но съ другой стороны: какъ же быть, если исторія древне-русской проповѣди имѣетъ дѣло съ произведеніями, несвязанными ни номинально, ни органически-идейно съ определенными историческими личностями, съ определенными историческими моментами? Исторія предполагаетъ развитіе, послѣдовательное поступательное движеніе, смѣну явленій. Какое же поступательное движеніе, какой историческій жизненный процессъ творчества скрываетъ въ себѣ длинная вереница древне-русскихъ безымянныхъ поученій?

Когда я задумывался надъ этимъ вопросомъ, я обратилъ вниманіе на то, что если древне-русскія поученія предстаютъ предъ изслѣдователемъ не на почвѣ *личности*, однако вмѣсто того они имѣютъ своеобразную почву: во всякомъ случаѣ они выступаютъ на почвѣ *книги*, какъ составной элементъ *сборника определеннаго типа*. Я задался вопросомъ: въ какомъ взаимоотношеніи вообще стоятъ эти два явленія: сборникъ и каждое входящее въ него новое поученіе? Является ли сборникъ только необходимымъ складочнымъ мѣстомъ независимо отъ него появившагося произведенія, или же быть можетъ сборникъ имѣлъ какую-либо причинную роль въ самомъ процессѣ появленія входящаго въ него произведенія? Пробный анализъ двухъ извѣстнѣйшихъ древне-русскихъ сборниковъ поученій—Торжественника и Златоуста убѣдилъ меня въ послѣднемъ предположеніи: для древне-русскаго поученія сборникъ не только складочное мѣсто, но и источникъ его содержанія, образецъ его строенія и главный импульсъ его появленія. Древне-русскія анонимныя поученія возникли какъ реакціонное не на со-

¹⁾ Историческій очеркъ русскаго проповѣдничества, стр. 741.

временную практическую жизнь, а на то идейное содержание, литературные приемы и формы, которые предносили древне-русскому человеку *готовый сборник* произведений проповеднического творчества. Въ этомъ—*истинный секретъ индивидуальной жизни*, повидимому, безцвѣтнаго, безхарактернаго древне-русскаго поученія. Понять индивидуальную сущность древне-русскаго поученія, это значитъ установить тѣ импульсивные элементы древне-русскихъ проповѣдническихъ сборниковъ, отраженіемъ которыхъ данное поученіе явилось. Отсюда построить исторію древне-русской проповѣди не мыслимо внѣ исторіи развитія древне-русскихъ проповѣдническихъ сборниковъ. Мнѣ стало очевидно, что чередная научная задача историка древне-русской проповѣди— вскрыть исторію происхожденія, формации и литературнаго вліянія древне-русскихъ, *греко-славянскихъ по происхожденію*, проповѣдническихъ и вообще церковно-учительныхъ сборниковъ.

Выполненіе этой задачи, разумѣется, дѣло коллективной ученой работы, которая насчитываетъ за собой уже не одно десятилѣтіе и ни одно славное ученое имя, изъ числа историковъ древне-русской письменности. На меня, какъ на историка проповѣди, выпала здѣсь доля разработки сборниковъ, представляющихъ наибольшую цѣнность съ историко-гомилетической точки зрѣнія. Таковы именно и суть сборники, возникшіе или по крайней мѣрѣ разившіеся и распространявшіеся въ силу ихъ *богослужебнаго* учительнаго употребленія, чтенія въ положенное Церковнымъ Уставомъ время и по опредѣленному Ц. Уставомъ порядку. Кратко, технически выражаясь, это суть сборники *Уставныхъ Чтеній*, главнѣйшіе изъ которыхъ суть Толковое Евангеліе, Торжественникъ и Златоустъ, Четьи-Минеи.

Высокая честь перваго прозрѣнія особой цѣнности этой группы сборниковъ принадлежитъ незабвенному профессору и ректору нашей Академіи прот. А. В. Горскому. По мнѣнію современнаго извѣстнаго знатока древне-русской письменности проф. Н. К. Никольскаго сборникамъ этой группы принадлежитъ исключительная, первостепенная роль въ исторіи всего древне-русскаго просвѣщенія и древне-русской письменности. Въ актовомъ рѣчи въ С.П.Б. Дух. Академіи 17 февраля 1900 г. онъ заявилъ слѣдующія положенія проблематическаго характера.

„Уставнымъ Чтеніямъ выпало на долю быть главнымъ источникомъ русскихъ духовныхъ идеаловъ... Складъ идеальныхъ понятій древне-русскаго человека и его убѣжденій свою основу имѣлъ въ томъ ученіи, которымъ Церковь надѣляла его въ Уставныхъ Чтеніяхъ. Типикарныя чтенія управляли духовнымъ воспитаніемъ народа;.. распространеніемъ христіанскаго просвѣщенія и церковнаго быта наша древняя отсталая Русь была обязана болѣе книгѣ, чѣмъ устному слову, особенно въ виду того факта, что на ряду съ прочитываніемъ божественныхъ писаній въ церкви, тотъ же устный матеріалъ употреблялся и для домашняго или келейнаго чтенія, которое въ древности было почти равносильнымъ, хотя и менѣе общедоступнымъ источникомъ просвѣщенія... Огромное большинство памятниковъ древне-русской *оригинальной* литературы возникло въ силу житейскихъ потребностей, между которыми самыми существенными были требованія Церковнаго Устава, разъясняющія намъ происхожденіе преобладающихъ особенностей такъ называемой древне-русской литературы. Въ исторіи церковнаго Устава и назначеннымъ имъ чтеніямъ слѣдуетъ искать разгадку и основного направленія древне-русской литературы, и послѣдствительности въ ея развитія, и частныхъ интересовъ ея и стилистическихъ вкусовъ ея писателей, жившихъ до половины XVII вѣка включительно. Наиболѣе яркіе выразители теченій общественной мысли XV и XVI вѣка преподобные Иосифъ Волоцкій и Нилъ Сорскій, митрополиты Даниилъ и Макарій (а я въ свою очередь добавилъ бы: а также такіе знаменитые представители древне-русской проповѣди, какъ Ѳеодосій Печерскій, Кирилль Туровскій, Григорій Памблакъ и другіе) могутъ быть правильно поняты только послѣ сопоставленія ихъ трудовъ съ суммою типикарныхъ чтеній ихъ эпохи. *Переводный* четивъ матеріалъ, среди котораго *произведенія древнихъ* русскихъ писателей кажутся незначительной крупницей, распространялся въ тысячахъ списковъ прежде всего вслѣдствіе *богослужебныхъ* потребностей. Исторія развитія этой богатой письменности долгое время почти исключительно отражала на себѣ насущную потребность въ кругѣ Уставныхъ Чтеній. Почти до половины XVII вѣка церковно-учительныя задачи не покидали нашей библиотечной письменности, если не во всей ея совокупности, то въ самомъ

обширномъ ея отдѣлѣ. Доступныя нашему изученію древне-русскія бібліотеки были не хранилищами памятниковъ науки и литературы, но хранилищами богослужебнаго и церковно-учительнаго матеріала¹⁾.

Нельзя сказать, чтобы сборники этой столь важной группы не были вовсе изучаемы. Наоборотъ, нужно сказать, что изученіе ихъ, особенно въ ихъ греческой основѣ, имѣетъ весьма почтенную давность. Въдѣ, всѣ эти орегa omnia почти всѣхъ отцовъ, учителей и писателей церковныхъ древняго времени въ отдѣлѣ проповѣдническихъ произведеній впервые найдены и собраны изъ разсѣянія во едино ни откуда иначе, какъ изъ сборниковъ Уставныхъ Чтеній—Панигириконовъ, на основаніи сравнительнаго изученія ихъ состава и прежде всего на основаніи тѣхъ показаній, какія даются здѣсь въ надписаніяхъ отдѣльныхъ статей... Въдѣ, всѣ эти, можно сказать, безчисленныя житія и мученія, безъ изученія которыхъ не можетъ обойтись ни одинъ церковный историкъ или патрологъ, и которыя мы имѣемъ теперь въ отдѣльныхъ самостоятельныхъ изданіяхъ, сохранились и извлечены впервые ни откуда иначе, какъ изъ тѣхъ же сборниковъ Уставныхъ Чтеній типа Четіихъ Миней. Изученіе всѣхъ этихъ произведеній есть собственно изученіе *отдѣльныхъ элементовъ* сборниковъ Уставныхъ Чтеній. Трудовъ въ этомъ родѣ весьма много. Но чѣмъ болѣе они выростають, тѣмъ ощутительнѣе становится потребность, для ихъ плодотворнаго выполнения, въ разработкѣ *исторіи развитія самихъ этихъ сборниковъ, какъ сборниковъ опредѣленнаго типа, ихъ появленія, формации, усложненія, распространенія и вліянія*. Работа въ этомъ направленіи—чередная научная задача исторіи греко-славянской письменности, задача, врѣзывающаяся

¹⁾ Историческія особенности въ постановкѣ церковно-учительнаго дѣла въ Московской Руси. Христ. Чтеніе 1901 г. ч. I, стр. 220—236. Тѣ же положенія снова были высказаны тѣмъ же Н. К. Никольскимъ въ сообщеніи „Ближайшія задачи изученія древне-русской книжности“. Стр. 1—32. Памятники древней письменности и искусства LXLVII. СПБ. 1902. Одновременно Уставными Чтеніями заинтересовался К. П. Побѣдоносцевъ. по порученію котораго тѣмъ же проф. Никольскимъ былъ изданъ „Сборникъ церковно-учительныхъ чтеній на дни страстной седмицы“ (М. 1900) въ русскомъ переводѣ, а также отдѣльныя произведенія изъ состава Уставныхъ Чтеній.

въ самую глубь любопытнѣйшаго и мало выясненнаго вопроса о вліяніи византійской литературы на славяно-русскую.

Тайна жизни и развитія каждаго изъ сборниковъ Уставныхъ Чтеній, какъ и всякихъ сборниковъ вообще, вскрывается двумя параллельными путями, съ одной стороны путемъ сравнительнаго бібліографическаго обзора состава извѣстныхъ намъ списковъ того или другого вида сборниковъ; съ другой—путемъ сравнительнаго анализа статей сборниковъ со стороны ихъ взаимоотношенія и литературныхъ источниковъ. Эти два пути и были мною примѣнены для спеціальнаго изслѣдованія двухъ основныхъ и неразрывно родственныхъ сборниковъ—Торжественника и Златоуста. Результатамъ этой моей работы (нѣкоторые изъ которыхъ опубликованы мною въ изданіи Импер. Общ. Люб. Др. Письменности—выходящей подъ редакціей проф. Н. К. Никольскаго „Бібліографической лѣтописи“ Выпускъ 1-й 1914 г.) будутъ посвящены дальнѣйшіе выпуски моего изслѣдованія. Въ настоящемъ же, первомъ выпускѣ моей работы я сосредоточиваю свое вниманіе на той сторонѣ дѣла, которая составляетъ *общій исходный* опорный пунктъ для изслѣдованія *всей* вообще цѣлой группы сборниковъ, обнимаемыхъ понятіемъ Уставныхъ Чтеній.

Коренной источникъ и стимулъ жизни и развитія сборниковъ этой группы—богослужебная практика Уставныхъ Чтеній. Очевидно, что именно въ памятникахъ богослужебной практики *вообще* должно прежде всего искать какъ основныхъ условій, принциповъ и нормъ, подъ дѣйствіемъ которыхъ зародились и жили сборники Уставныхъ Чтеній, такъ и отдѣльныхъ моментовъ развитія этихъ сборниковъ. Очевидно, что исходнымъ пунктомъ изслѣдованія исторіи сборниковъ Уставныхъ Чтеній должно быть выясненіе того: *какъ представляются Уставныя Чтенія въ памятникахъ богослужебной практики и Церковнаго Устава*. Этому выясненію и посвящена подлежащая Вашему ученому суду моя книга.

Характеръ моей книги всецѣло опредѣляется съ одной стороны характеромъ и наличной степенью разработки тѣхъ литургическихъ памятниковъ, надъ которыми я оперировалъ, съ другой—существомъ *историко-литературныхъ* интересовъ и назначенія моей работы. Дѣло въ томъ, что *наличные* ли-

тургическіе памятники при *наличномъ* состояніи литургической науки не даютъ и не могутъ дать сколько-нибудь цѣльной и послѣдовательной исторіи литургической практики Уставныхъ Чтеній: исторія развитія Уставныхъ Чтеній—органической части богослужебнаго строя не мыслима внѣ исторіи развитія богослужебнаго строя вообще и регламентирующаго его Церковнаго Устава въ особенности, но для такой исторіи еще не пришло время: наличные литургическіе памятники слишкомъ неполны, слишкомъ отрывочны, недостаточно разработаны. Въ настоящій моментъ литургическая наука находится пока въ *предварительномъ* періодѣ собиранія, опубликованія и *частичной* разработки *отдѣльныхъ* литургическихъ памятниковъ. *Взаимоотношеніе* этихъ памятниковъ со стороны описываемаго ими богослужебнаго строя остается пока невыясненнымъ, сколько-нибудь прочно, но лишь намѣчается проблематически; такъ обстоитъ дѣло даже съ основнымъ и центральнымъ вопросомъ всѣхъ литургическихъ построений: о взаимоотношеніи двухъ основныхъ развѣтвленій монастырскаго строя и Устава—Студійскаго и Иерусалимскаго; не лучше съ вопросомъ о взаимоотношеніи памятниковъ соборно-приходскаго строя службы—Уставовъ Великой Церкви Константинопольской и Иерусалимской Святотроубской—между собою и въ отношеніи къ монастырскому уставу. Но особенно плохо дѣло съ данными по исторіи богослуженія до IX вѣка: здѣсь данныя настолько отрывочны и скудны, что связывать ихъ сколько-нибудь послѣдовательно можно только путемъ очень смѣлыхъ гипотезъ, основанія которыхъ висятъ болѣе, чѣмъ наполовину въ воздухѣ.—При такомъ положеніи дѣла представители литургической науки, въ частности такіе выдающіеся русскіе литургисты, какъ покойный профессоръ нашей Академіи Мансветовъ, и нынѣ здравствующие кореніи русской литургической науки А. А. Дмитріевскій и М. Н. Скабаллановичъ въ трудахъ, посвященныхъ „исторіи Ц. Устава“, даютъ не исторію развитія *богослужебнаго строя*, и не исторію *послѣдовательнаго органическаго развитія* Устава, какъ литературнаго памятника, но лишь *сравнительное историческое изложеніе содержанія памятниковъ литургической практики*, сопровождаемое въ сущности отрывочными и гипотетическими заключеніями о взаимоотношеніи самыхъ памятниковъ и изло-

женнаго въ нихъ богослужебнаго строя. Стоя на уровнѣ современныхъ научно-литургическихъ построений, въ предѣлахъ научной возможности, и я, съ своей стороны, и въ отношеніи къ своему предмету, очевидно, долженъ былъ сдѣлать то же самое: дать сравнительное обзорѣніе и анализъ литургическихъ памятниковъ богослужебной практики Уставныхъ Чтеній, пытаюсь, однако, попутно и частично, по мѣрѣ открывающейся возможности, освѣтить отдѣльныя стадіи развитія богослужебной практики Чтеній. Это именно и представляетъ моя книга.

Поставивъ себѣ задачей сравнительное обзорѣніе и анализъ памятниковъ литургической практики чтеній, я естественно долженъ былъ дать это обзорѣніе и анализъ памятниковъ *въ той послѣдовательности, въ какой эти памятники наиболее освѣщаютъ другъ друга и даютъ наиболее устойчивыя и связныя заключенія по исторіи развитія литургической практики Уставныхъ Чтеній*. Этимъ обусловливается планъ моей книги. Первыя двѣ трети книги я посвящаю сравнительному аналитическому обзору наиболее опредѣленныхъ памятниковъ *двухъ* основныхъ развѣтвленій богослужебнаго строя и Церковнаго Устава—Студійско-Константинопольскаго и Иерусалимскаго. Выводы изъ этого анализа даютъ точку опоры для послѣдовательнаго обзорѣнія и анализа въ послѣдней трети моей книги всѣхъ остальныхъ менѣе опредѣленныхъ и полныхъ и даже совершенно отрывочныхъ памятниковъ и свидѣтельствъ отъ начала христіанскаго богослуженія и до нашего времени. При такомъ построеніи моей работы мнѣ удалось сдѣлать и, кажется, научно обосновать цѣлый рядъ, по моему мнѣнію, цѣнныхъ, заключеній. Общіе мои выводы сводятся къ тремъ слѣдующимъ.

Оказалось:

1. Уставныя Чтенія въ строѣ богослуженія представляютъ вовсе не второстепенный, несущественный, малозначительный элементъ, какъ это кажется съ точки зрѣнія дѣйствующей практики, *а одинъ изъ крупнѣйшихъ, первостепенныхъ элементовъ*, существенно связанный съ организмомъ богослужебнаго строя и имѣющій *спеціально-дидактическій* характеръ.

2. Каждое изъ основныхъ развѣтвленій Церковнаго Устава

и богослужебнаго строя имѣть свою *опредѣленную* по строю и составу систему чтеній, фиксирующую лишь нормальный *minimum* четьяго матеріала, но оставляющую *maximum* на произволеніе настоятеля и въ зависимость отъ мѣстныхъ условій ¹⁾).

3. Системы чтеній *всѣхъ* уставовъ при *всѣхъ* своихъ различіяхъ находятся въ *несомнѣнномъ* *сродствѣ* ²⁾), имѣютъ общую основу, восходящую къ самому началу христіанскаго богослуженія.

Въ частности непосредственные главнѣйшіе результаты моихъ изысканій заключаются въ слѣдующемъ.

1. Анализъ системы чтеній двухъ единственныхъ полныхъ представителей константинопольскихъ ктиторскихъ типиконъ—Алексѣевскаго 30-хъ годовъ XI столѣтія и Евергетидскаго половины XII ст. открылъ замѣчательнѣйшій литературный фактъ: оказалось, списокъ и распisanіе четьихъ произведеній Алексѣевскаго Устава почти полностью и въ неизмѣнномъ видѣ входитъ въ составъ такого же списка и распisanія Евергетидскаго Типикона, образуя въ немъ *основное примитивное ядро*.

2. Изученіе греческихъ и славянскихъ списковъ *Іерусалимскаго* Устава показало, что всѣ списки воспроизводятъ, съ небольшими лишь вариантами, *одинъ и тотъ же* списокъ чтеній, а не каждый свой особый, какъ предполагали доселѣ историки древней письменности. Выдѣливъ путемъ сравнительнаго анализа варианты отдѣльныхъ греческихъ и славянскихъ списковъ *Іерусалимскаго* Устава, мнѣ удалось реконструировать *первоначальный списокъ чтеній первооригинала* всѣхъ наличныхъ списковъ *Іерусалимскаго* Устава, первооригинала, принадлежащаго ко второй половинѣ XII вѣка.

3. Сравнивъ этотъ реконструированный мною списокъ чтеній литературнаго первооригинала *Іерусалимскаго* Устава съ

1) Мѣстно-русскій максимумъ чтеній зафиксированъ въ монастырскихъ специальныхъ *указателяхъ* чтеній, обзоръіе которыхъ должно войти во 2 выпускъ моего изслѣдованія. Одинъ изъ нихъ опубликованъ одновременно съ появленіемъ моей книги проф. Шляпкинымъ въ изданіи Общ. Люб. Древн. Письменности: Указецъ книгохранителя Спасо-Прилуцкаго монастыря Арсенія Высокаго 1584 г. Пам. древн. писем. и искусства. CLXXXIV (1914 г.).

2) Ср. рецензію на мою книгу проф. Карабинова въ Церк. Вѣстникѣ 1914 г., № 13, ст. 411—412.

равнѣ установленнымъ *общимъ ядромъ* списковъ чтеній Алексѣевскаго и Евергетидскаго Уставовъ, я открылъ, что списокъ чтеній *Іерусалимскаго* первооригинала относится къ этому общему ядру какъ еще *болѣе примитивное*, но нѣсколько усложненное *основное ядро*. Выдѣливъ элементы усложненія, я получилъ возможность приблизительно реконструировать это *примитивное ядро* *трехъ* уставовъ, значительно предшествовавшее выросшей изъ него общей примитивной основѣ Алексѣевскаго и Евергетидскаго Уставовъ, и потому очевидно возникшее не позже второй половины X вѣка.

4. 5. Отыскивая генеалогію этого *примитивнаго общаго* ядра *трехъ* уставовъ, я подвергаю анализу наиболѣе родственный и наиболѣе близкій Алексѣевскому Уставу литургическій памятникъ, именно связанный съ именемъ знаменитаго организатора литургической практики студійской обители преп. Теодора Студита—*Употѣловисъ*, и произвожу этотъ анализъ въ тѣсной связи, съ одной стороны, съ несомнѣнно подлинными твореніями Теодора Студита, а съ другой—съ воспроизводящимъ содержаніе *Употѣловисъ*-а литургическимъ памятникомъ второй половины X вѣка—*Лиаѣловисъ*-омъ св. Аѳанасія Аѳонскаго. Детальный текстуальный анализъ двухъ наличныхъ редакцій *Употѣловисъ*-а сравнительно съ *Лиаѣловисъ*-омъ открылъ мнѣ, что *Лиаѣловисъ*, по крайней мѣрѣ въ области регламентаціи литургической практики, есть ничто иное, какъ памятникъ новой *третьей* редакціи *Употѣловисъ*-а, средней между наличными: *краткой*, изданной, Maii и Migne, и *распространенной*, недавно изданной по Ватопедской рукописи Дмитріевскимъ. Я попытался путемъ сравнительнаго анализа всѣхъ трехъ редакцій *Употѣловисъ*-а опредѣлить приблизительно *первоначальный* объемъ и видъ этого памятника въ литургическомъ отношеніи и нашелъ, что *Употѣловисъ* въ наличномъ его видѣ есть плодъ *долговременнаго* коллективнаго творчества, что наличному виду предшествовало еще не менѣе двухъ редакцій, или, по крайней мѣрѣ, двухъ направленій процесса постепеннаго усложненія и видоизмѣненія текста въ X вѣкѣ и ранѣе, и что, наконецъ, регламентація чтеній есть коренная принадлежность уже первоначальнаго текста, а регламентируемый здѣсь строй чтеній совпадаетъ съ порядкомъ чтеній примитивнаго ядра всѣхъ

трехъ полныхъ уставовъ. Подвергнувъ специальному обследованію *оглашенія* св. Теодора Студита (впервые въ ихъ полномъ объемѣ, въ какомъ они стали доступны послѣ изданія Паладопуло-Керамевсомъ второй книги Великаго Оглашенія и Петербургской Академіей русскаго перевода, съ патмосской рукописи, неизданныхъ доселѣ многихъ словъ первой и третьей частей Велик. Оглашенія), я нашелъ здѣсь данныя, съ несомнѣнностью свидѣтельствующія, что уже при св. Теодорѣ въ его студійской обители существовалъ тотъ же по существу общій строй и составъ чтеній, какой указанъ въ *Ἐποῦλωσις-ѣ* и характеризуетъ примитивную основу трехъ монастырскихъ уставовъ. Такимъ образомъ, мнѣ удалось установить, что примитивное ядро системъ чтеній всѣхъ трехъ Уставовъ восходитъ къ первой четверти IX вѣка.

6. Анализъ другихъ древнѣйшихъ памятниковъ *монастырскаго* богослужебнаго строя, именно памятниковъ западной половины греческаго Востока: 1) только что въ 1909 году открытаго Аеонскаго „Великаго Синаксаря“ XI вѣка и 2) ктиторскихъ типиконовъ южно-италійскихъ монастырей восточнаго обряда отъ XII вѣка и позднѣйшихъ (въ отрывкахъ изданныхъ въ Ad Turisа Тоскани и въ *Теллхѣ* Дмитріевскаго) даетъ основанія полагать, что ихъ строй чтеній имѣетъ въ основѣ примитивное ядро трехъ Уставовъ уже въ томъ *позднѣйшемъ* его видѣ, въ какомъ оно легло въ основу лишь Алексѣевскаго и Евергетидскаго Уставовъ. Въ частности, составъ чтеній южно-италійскихъ типиконовъ даетъ основанія полагать, что эта древняя основа Алексѣевскаго и Евергетидскаго Уставовъ заимствована въ южно-италійскіе монастыри съ Аэона; во всякомъ случаѣ составъ и распорядокъ чтеній всѣхъ южно-италійскихъ типиконовъ имѣетъ характерныя особенности аеонской практики Великаго Синаксаря, а вторая редакція кромѣ того слѣды вліянія Іерусалимскаго Устава.

7. Анализъ памятниковъ *соборно-приходскаго* богослужебнаго строя IX—X вѣковъ—Устава Великой Церкви Константинопольской и Устава Святогробской Іерусалимской Церкви обнаруживаетъ, что системы чтеній въ *первомъ*—по строю и составу, а во-второмъ—только по составу, рѣзко отличны отъ системы, характеризующей общее примитивное *ядро* трехъ главнѣйшихъ монастырскихъ уставовъ, но что, въ то же

время, несомнѣнно, имѣютъ съ этимъ ядромъ монастырскихъ уставовъ начала IX вѣка общую основу, восходящую къ первымъ вѣкамъ христіанства.

8. Исходя изъ установленнаго мною представленія примитивнаго ядра чтеній монастырскихъ уставовъ начала IX вѣка, я спускаюсь въ темную для исторіи богослуженія эпоху первыхъ восьми вѣковъ, отъ которой имѣются лишь очень отрывочныя свѣдѣнія по исторіи богослуженія вообще и совершенно скудныя и мало опредѣленныя по исторіи Уставныхъ Чтеній. Уставныя Чтенія, оказывается, представляютъ нѣчто совершенно отличное и по своей идейной основѣ, и по происхожденію отъ печальнаго обычая замѣны собственныхъ живыхъ проповѣдей готовыми чужими; не отъ этого жалкаго *testimonium paupertatis* ведетъ свою генеологію богослужебная практика Уставныхъ Чтеній, какъ это принято думать. Источниками ихъ жизни являются два элемента первохристіанскаго богослуженія: *длинные* (*longiores lectiones*) библейскія чтенія, съ одной стороны, и чтеніе *дѣловыхъ* письменныхъ актовъ въ видѣ дѣловыхъ посланій, мученическихъ актовъ—съ другой. Съ появленіемъ монашества эти два элемента получили различное развитіе въ монашескомъ богослуженіи и въ соборно-приходскомъ, при чемъ въ монашескомъ Уставныя Чтенія развились преимущественно изъ длинныхъ библейскихъ чтеній, которыя собственно и составляютъ первичный основной элементъ Чтеній, а въ приходскомъ—на корнѣ дѣловыхъ чтеній изъ мученическихъ актовъ. Святоотеческія толкованія Свящ. Писанія вошли въ систему чтеній взамѣнъ длинныхъ библейскихъ чтеній Свящ. Писанія, какъ ихъ эквиваленты; другія нравоучительныя творенія св. отцевъ вошли по внутренней связи съ толковательными ихъ твореніями. Мученія и житія святыхъ вошли въ богослужебный строй, какъ однородныя съ мученическими актами; похвальныя праздничныя слова—какъ однородныя съ житіями и мученіями. *По своей идейной сущности* Уставныя Чтенія являются такимъ же *специально-дидактическимъ* элементомъ богослуженія, какъ и *проповѣдь* вообще. Но здѣсь дидактической элементъ гораздо высшаго авторитета, чѣмъ въ живомъ словѣ отдѣльнаго частнаго лица, всегда способнаго погрѣшить въ своихъ сужденіяхъ. Учительное слово Уставныхъ Чтеній, слово *не личнаго* частнаго погрѣ-

шающаго авторитета, но непогрѣшимаго авторитета заступающей мѣсто Свящ. Писанія *церковной книги*. Уставныя Чтенія въ богослужебномъ строѣ являются своеобразной *проповѣдью книги*, возвѣщающей вѣчныя и непреходящія истины церковной вѣры и жизни, не въ замѣнъ, а въ дополненіе, или, вѣрнѣе, въ обоснованіе *проповѣди* живой, возвѣщающей конкретные пути примѣненія вѣчныхъ и непреходящихъ истинъ къ наличнымъ условіямъ каждаго наличнаго момента жизни.

Таковы *главнѣйшіе непосредственные* результаты моей работы. Интересъ ихъ, какъ я уже сказалъ, *двусторонній* и прежде всего, конечно, въ направленіи *историко-литургическихъ* проблемъ.

Историко-литургическій интересъ моихъ выводовъ обуславливается тѣмъ, что я оперирую надъ отдѣломъ уставной регламентаціи не только первостепенной важности, но и состоящимъ изъ наиболѣе опредѣленныхъ и твердыхъ звеньевъ (наименованій произведеній), въ отношеніи которыхъ послѣдовательное совпаденіе отдѣльныхъ уставовъ не можетъ быть случайнымъ, а необходимо предполагаетъ прямую генетическую зависимость ихъ отъ одного общаго источника.

Совершенно невозможно, чтобы редакторъ Евергетидскаго Устава совершенно самостоятельно набралъ тотъ же самый составъ произведеній, что и авторъ Алексѣевского, и при томъ распредѣлилъ этотъ составъ точь-въ-точь такъ же, какъ и этотъ послѣдній; тутъ можетъ быть только одно объясненіе: редакторъ позднѣйшаго, Евергетидскаго Типикона, несомнѣнно неимѣвшій подъ руками Алексѣевского Устава (такъ какъ всѣ свои источники онъ указываетъ) заимствовалъ основной составъ и распорядокъ четьяго матеріала изъ общаго съ Алексѣевскимъ Уставомъ источника, существовавшаго не только до Алексѣевского Устава, т.-е. до 30 годовъ XI ст., но и *послѣ* появленія этого Устава, однако независимо отъ него, даже до половины XII вѣка—времени происхожденія нынѣшней редакціи Евергетидскаго Типикона. Итакъ, мы уже имѣемъ фактъ чрезвычайной важности: оказывается, ктиторскій Евергетидскій Типиконъ, по крайней мѣрѣ въ одномъ изъ своихъ важнѣйшихъ отдѣловъ, имѣетъ въ своей основѣ какой-то *общій* источникъ съ ктиторскимъ Алексѣевскимъ, какою то *общую богослужебную*

практику, существовавшую до Алексѣевского Устава и *послѣ* его появленія *независимо* отъ него; при чемъ эта *общая* практика и тѣмъ и другимъ Уставомъ описывается не какъ откуда то заимствованная, а какъ собственная практика родины того и другого Уставовъ—Алексѣевского и Евергетидскаго монастырей. Что же это за практика, никому монастырю въ частности не принадлежавшая, но дѣйствовавшая въ каждомъ монастырѣ, какъ своя? Мнѣ кажется,—отвѣтъ можетъ быть только одинъ. Это—практика *общая монастырская* для всѣхъ константинопольскихъ монастырей, установившаяся, очевидно, еще до начала XI вѣка. Такимъ образомъ, получается возможность установить, не только то, что Алексѣевскій и Евергетидскій ктиторскіе типиконы возникли на почвѣ одной *общей* литургической практики, но и что это была не какая-либо особенная, но общемонастырская практика, установившаяся еще до XI вѣка.

Этотъ мой тезисъ, бросаетъ, по моему мнѣнію, нѣсколько новый свѣтъ на важнѣйшія проблемы литургической науки. Въ литургической наукѣ центральная проблема первостепенной важности—вопросъ о характерѣ Студійскаго Устава и студійскаго типа богослужебнаго строя въ его отличіе отъ Иерусалимскаго. По заявленію нашего выдающагося современнаго литургиста проф. Дмитріевскаго „безъ опредѣленнаго и яснаго рѣшенія—что такое студійскій Синаксарь, или Уставъ и каковы его отличительныя особенности—дальнѣйшая работа надъ историческою судьбою нашего типикона невозможна“¹⁾. До работъ проф. Дмитріевскаго представителемъ студійскаго устава считался Алексѣевскій Уставъ; таковъ взглядъ покойныхъ профф. нашей Академіи Горскаго, Мансветова, Голубинскаго²⁾. Дмитріевскій выступилъ съ тезисомъ, что этотъ уставъ вовсе не есть собственно студійскій, а ктиторскій, составленный, какъ и всѣ ктиторскіе типиконы, изъ *разныхъ* элементовъ и лишь между прочимъ изъ элементовъ студійскаго строя³⁾. Два-три года назадъ тезисъ Дмитріевскаго по-

¹⁾ Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ бібліотекахъ православнаго востока. Т. I. *Твлижя*. (Кіевъ, 1895), СХLIII.

²⁾ См. Прот. М. Лисицына „Первоначальный славяно-русскій типиконъ“. Историко-археологическое изслѣдованіе. (СПб. 1911), стр. II—VIII; 167—172.

³⁾ Рецензія на книгу проф. Мансветова. Хр. Чт. 1888 г, Сент.—Окт., стр. 499. *Твлижя*, XXXV.

лучилъ специальное обоснованіе въ изслѣдованіи прот. Лисицына „Первоначальный славяно-русскій типиконъ“, гдѣ утверждается, что Алексѣевскій Уставъ имѣетъ столько же близости къ уставу Студійскому, сколько и къ уставу Великой Церкви и къ разнымъ другимъ ¹⁾. Такимъ образомъ, мы лишаемся единственнаго памятника, который представлялъ бы намъ полный студійскій строй службы. Но противъ тезиса Дмитріевскаго и Лисицына рѣшительно возсталъ проф. Скабаллановичъ, который въ рецензіи на кн. Лисицына отстаиваетъ старый взглядъ на Алексѣевскій Уставъ, какъ на студійскій ²⁾. Моя книга въ этомъ ученомъ спорѣ вноситъ данныя, утверждающія старую позицію, занятую теперь Скабаллановичемъ. Противъ положеній Дмитріевскаго и Лисицына, Скабаллановичъ высказываетъ прежде всего то *априорное* соображеніе, что ктиторы-авторы ктиторскихъ типиконовъ могли лишь записывать *существующій* богослужебный строй, но не могли создавать, сочинять свой собственный. Установленный въ моей книгѣ тезисъ даетъ фактическое обоснованіе *априорнаго* предположенія Скабаллановича: Алексѣевскій Уставъ, какъ и другой ктиторскій же типиконъ—Евергетидскій, дѣйствительно воспроизводятъ *дѣйствующую общемонастырскую* константинопольскую практику. Если, продолжаетъ далѣе проф. Скабаллановичъ, патріархъ Алексѣй записалъ уже дѣйствующій богослужебный строй, то это строй несомнѣнно былъ студійскій, такъ какъ патріархъ Алексѣй былъ изъ епископовъ студійской обители и въ самомъ Константинополѣ во второй половинѣ XI вѣка, (какъ видно изъ дѣла полученія устава на Руси преп. Феодосіемъ Печерскимъ), уставъ Алексѣя считался студійскимъ. Этотъ доводъ Скабаллановича былъ бы рѣшительнымъ, если бы противъ не стоялъ одинъ фактъ, не допускающій, повидимому, совершенно возможности считать Алексѣевскій уставъ студійскимъ; дѣло въ томъ, что въ Уставѣ патр. Алексѣя не разъ порядки студійскаго монастыря противопоставляются описываемому въ уставѣ строю, какъ нѣчто отличное, столь же

¹⁾ „Перв. слав.-русск. типиконъ“, особенно стр. 267—279, 280, 349, 355, 167, 168, 198, 208, 220, 230, 235, 235—6, 254, 262.

²⁾ Журналы Совѣта Киевск. Дух. Ак. 1910—11 акад. года; журналъ 9 іюня 1911 г., стр. 441—442. Сравн. въ нашемъ изслѣдованіи стр. 38—39 прим.

особое, какъ и порядки Устава Великой Церкви ¹⁾. Если бы патріархъ Алексѣй описывалъ именно студійскій богослужебный строй, онъ не могъ бы отличать этотъ строй отъ строя студійской обители—таковъ главный доводъ Дмитріевскаго и Лисицына, не устраненный Скабаллановичемъ, и повидимому, не устранимый. Мой тезисъ, мнѣ кажется совершенно устраняетъ эту неприступную цитадель противниковъ студійскаго характера Алексѣевскаго Устава. Если, какъ я установилъ, Алексѣевскій (какъ и Евергетидскій) Уставъ фиксируетъ дѣйствующую *общемонастырскую* практику, установившуюся до XI вѣка, то какова была эта практика мы можемъ заключить изъ *Улоубис-а* и *Латубис-а*—памятниковъ IX—X вѣковъ: по ихъ свидѣтельству, большинство монастырей издавна усвоило богослужебную практику именно студійскаго монастыря. Итакъ, общемонастырская практика ко времени патр. Алексѣя была студійскою по своему первоначальному происхожденію и характеру; и именно эту *общемонастырскую* студійскую практику описываетъ патр. Алексѣй въ своемъ Уставѣ. Но на ряду съ этой *общемонастырской* студійской практикой должна была существовать студійская практика въ самомъ студійскомъ монастырѣ—*мѣстно*—студійская практика, какъ она жила и развивалась вѣками безысходно въ стѣнахъ студійской обители и естественно получила нѣкоторыя мѣстныя особенности отъ общемонастырскаго. Практика студійскаго монастыря была, конечно, для всѣхъ другихъ монастырей самымъ авторитетнымъ живымъ образцомъ, но отнюдь не безусловно во всемъ обязательнымъ закономъ для ихъ собственной богослужебной практики. Но поскольку строй студійской обители былъ тождествененъ со студійскимъ строемъ, дѣйствовавшимъ во всѣхъ монастыряхъ, онъ сознавался тамъ *не какъ студійскій, а какъ общецерковный*; студійскими лишь признавались *мѣстныя особенности*, дѣйствовавшія въ студійскомъ монастырѣ. Это именно мы и видимъ въ уставѣ патріарха Алексѣя; копируя точнѣйшимъ, почти механическимъ образомъ для своего монастыря практику студійской обители ²⁾, онъ не

¹⁾ Лисицынъ, Перв. слав. русск. типиконъ, стр. 236, 268, 277, 278, 279 и друг.

²⁾ См. въ нашемъ изслѣдованіи стр. 39 прим.

представляет ее собственно-студійской, поскольку она являлась для него тождественной съ общепринятой практикой *всѣхъ* монастырей, но поскольку практика студійскаго монастыря въ нѣкоторыхъ деталяхъ слишкомъ рельефно отличалась отъ общепринятой, онъ, перенося ихъ въ свой Уставъ, отличалъ ихъ какъ собственную принадлежность студійской обители, *собственно ихъ называя студійскими*. Такимъ образомъ, Уставъ патр. Алексѣя есть воспроизведение практики студійскаго монастыря начала XI вѣка, какъ въ ея общецерковной сущности, такъ и въ ея мѣстныхъ особенностяхъ.

Не менѣе важный выводъ слѣдуетъ въ отношеніи Евергетидскаго Типикона. Если доселѣ господствовалъ взглядъ проф. Дмитріевскаго ¹⁾ и Красносельцева ²⁾, что Евергетидскій Типиконъ созданъ на основѣ Устава Великой Церкви, и лишь приуроченъ къ монастырскому быту и богослуженію, то теперь мы имѣемъ важное доказательство болѣе правильной правильности взгляда Скабаллановича, что это есть Уставъ „въ общемъ студійскій“. Судя по системѣ чтеній, Евергетидскій Типиконъ представляетъ общемонастырскую студійскую практику въ томъ видѣ, какого она (вышедши еще до Алексѣевского устава за стѣны Студ. обители) достигла между концомъ XI и серединой XII вѣка подъ сильнымъ *вліяніемъ* Устава Великой Церкви и Іерусалимской богослужебной практики.—Съ признаніемъ этихъ мѣстныхъ положеній теряется особая необходимость предпринятыхъ нашимъ знаменитымъ литургистомъ (А. А. Дмитріевскимъ) поисковъ цѣльныхъ списковъ студійскаго типикона, т.-е. такихъ списковъ, которые были бы сдѣланы специально для студійскаго монастыря и находились бы въ этомъ монастырѣ въ практическомъ употребленіи въ болѣе или менѣе длинные промежутки времени“ ³⁾. Въдѣ этимъ искомымъ спискамъ придается значеніе въ предположеніи, что они точнѣе всего должны представлять студійскую практику *общецерковную* ⁴⁾, между тѣмъ (какъ слѣдуетъ изъ моего утвержденія) это

¹⁾ *Толки*, XII.

²⁾ Рецензія на *Толки* проф. Дмитріевскаго. Византійскій Временникъ IV, 1897, 898.

³⁾ Красносельцевъ. Рецензія на *Толки* проф. Дмитріевскаго. Визант. Временникъ IV (1897) стр. 605.

⁴⁾ Лисицынъ, Перв. слав.-русск. типиконъ, стр. 208, 268, 279.

предположеніе совершенно ошибочно: такіе списки были бы просто *мысленно-студійскимъ* уставомъ и выражали бы общецерковную практику не только не больше, но едва ли не менѣе, чѣмъ ктиторскіе типиконы Алексѣевскій и Евергетидскій ¹⁾. Если же Алексѣевскій и Евергетидскій Уставы представляютъ именно *общецерковный* монастырскій богослужебный студійскій строй разныхъ лишь моментовъ его развитія, то *вопросъ о характерныхъ особенностяхъ этого строя долженъ получить совершенно иную постановку, чѣмъ онъ имѣлъ доселѣ*. Онъ отнюдь не долженъ былъ ставимъ какъ вопросъ о характерныхъ особенностяхъ богослужебной практики собственно студійскаго монастыря, каковой вопросъ имѣетъ болѣе частный интересъ, но какъ вопросъ о характерныхъ особенностяхъ *константинопольской* общецерковной богослужебной практики, ведущей свой корень изъ студійской обители. Такъ какъ въ разное время эти особенности терпѣли измѣненія и усложненія, то и самый этотъ вопросъ долженъ стать вопросомъ о томъ, что въ студійскомъ строѣ, представленномъ наличными студійскими уставами, есть болѣе древнее и что болѣе позднее. Для выясненія послѣдняго вопроса уставы Алексѣевскій и Евергетидскій, какъ отражающіе различные моменты состоянія константинопольской общецерковной студійской практики, даютъ изслѣдователю полную возможность.

Съ произведеніемъ этой работы открылась бы затѣмъ возможность возстановленія древнѣйшей основы богослужебнаго строя темной эпохи до IX в. и отдѣльныхъ стадій развитія и взаимодействія студійскаго и іерусалимскаго богослужеб-

¹⁾ Весьма близко подходит къ этой мысли проф. Красносельцевъ, когда заявляетъ по поводу поисковъ Дмитріевскаго „цѣльнаго“ специально-студійскаго типикона: „Безспорно найти такой списокъ чрезвычайно важно и было бы весьма хорошо, если бы онъ былъ найденъ; еще лучше было бы если бы найдено было нѣсколько такихъ списковъ изъ разныхъ вѣковъ начиная съ IX по XIII. Тогда... узнали бы, можетъ быть, что наши древніе славянскіе переводы суть точные переводы именно цѣльнаго студійскаго типикона и что типикъ этотъ уже и въ XI в. содержалъ въ себѣ и посторонніе элементы, былъ до нѣкоторой степени компилятивнымъ, такъ какъ слѣды взаимовліянія типиконовъ въ церковныхъ мы замѣчаемъ уже въ X в.; напримѣръ, въ Іерусалимскомъ уставѣ богослуженія страстной седмицы мы находимъ уже ссылку на уставъ Романійскій“ (Визант. Врем. IV, (1897) стр. 105).

наго строя. Моя работа надъ составомъ чтеній показала, что для этого необходимо сравнить *коренное* содержаніе студійской практики—съ одной стороны, и позднѣйшее—съ другой съ богослужебнымъ строемъ литературнаго памятника извѣстнаго подъ именемъ Іерусалимскаго Устава, возстановивши сначала содержаніе первооригинала наличныхъ списковъ путемъ обстоятельнаго сравнительнаго текстуальнаго ихъ анализа. Элементы тождества Іерусалимскаго Устава съ *кореннымъ* содержаніемъ студійской практики будутъ означать, говоря вообще, содержаніе ихъ общаго источника, т. е. церковной практики до IX вѣка; элементы тождества Іерусалимскаго Устава съ позднѣйшимъ содержаніемъ студійской практики будутъ означать результаты позднѣйшаго взаимовліянія студійской и іерусалимской богослужебныхъ практикъ. Работа въ этомъ направленіи въ цѣломъ—дѣло специальныхъ служителей литургической науки. Я произвелъ ее лишь въ отношеніи наиболѣе пригоднаго для этой цѣли элемента богослужебнаго строя—состава Уставныхъ Чтеній. И, мнѣ кажется, достаточно выяснилъ, что въ этомъ направленіи работа возможна и обѣщаетъ богатые результаты на пути вскрытія исторіи происхожденія и развитія богослужебнаго строя и Устава.

Нѣкоторую долю ожидаемыхъ результатовъ даетъ, или же, по крайней мѣрѣ, опредѣленно намѣчаетъ уже моя настоящая работа.

Кромѣ вышеуказанныхъ, важнѣйшій результатъ моей работы здѣсь въ томъ, что я въ системѣ чтеній установилъ новый и наиболѣе опредѣленный критерій для различенія основныхъ отраслей Церковнаго Устава. Какъ извѣстно, признаки для отличія Студійскаго Устава отъ Іерусалимскаго, указанные доселѣ, начиная отъ Никона Черногорца XI в. и кончая трудами Мансветова ¹⁾ и Дмитріевскаго ²⁾ не имѣютъ достаточной устойчивости и опредѣленности. Данные мною списки чтеній характернѣйшимъ образомъ отличаютъ студійскую и іерусалимскую отрасли уставовъ между собою и въ отношеніи другихъ. Достаточно иногда

¹⁾ Церковный Уставъ (типиконъ), его образование и судьба въ греческой и русской церкви (М. 1885), стр. 75—83.

²⁾ Рецензія на книгу Мансветова. Хр. Чт. 1888 г. Сент.—Окт., стр. 510—522.

справиться въ моей книгѣ, чтобы опредѣлить довольно рѣшительнымъ образомъ, къ какой отрасли принадлежитъ или преимущественно тяготеетъ данный литургическій памятникъ. Укажу нѣсколько примѣровъ.

I. Въ недавно вышедшемъ солидномъ изслѣдованіи прот. Лисицына „Перв. слав. русскій типиконъ“ почтенный изслѣдователь впадаетъ въ жестокою ошибку, признавая Уставъ XIV в. Имп. Публ. Библиотеки № 39, т. н. Дечанскій, за своеобразный ктиторскій сербскій типиконъ, параллельный студійской и іерусалимской отраслямъ Церковнаго Устава. На такое утвержденіе подвинулъ автора рядъ особенностей, присущихъ этому памятнику, сравнительно съ болѣе поздними редакціями Іерусалимскаго Устава ¹⁾. Между тѣмъ достаточно взглянуть въ мои списки чтеній, чтобы съ очевидностью убѣдиться, что Дечанскій уставъ есть просто одинъ изъ древнихъ списковъ сербской редакціи Іерусалимскаго Устава—точнѣйшей копіи *древней* греческой редакціи ²⁾.

¹⁾ Перв. слав.-русс. типиконъ, стр. 320—335. Послѣ въ отвѣтъ на возраженіе проф. Скабаллановича авторъ отказался отъ своего взгляда (см. Труды Киевск. Ак. 1913 г., январь). Мы прослѣдили за судьбою приведенныхъ у о. Лисицына особенностей Дечанскаго устава по ряду греческихъ и славянскихъ списковъ Іерусалимскаго Устава и сдѣлали любопытныя для исторіи Устава наблюденія. Для примѣра укажу на два. 1. Дечанскій уставъ указываетъ совершеніе литургіи преждеосвященныхъ Даровъ на кануны праздниковъ 2 и 24 февраля, 9 и 25 марта, если эти кануны случаются „въ постѣ“; современный уставъ этого обычая не знаетъ,—однако онъ указанъ наприм. въ греч. списокѣ Синод. б. № 456, сербскомъ списокѣ Рум. Музея № 1458 и русскомъ Син. б. № 328—XIII—XIV вв. 2. Интересное замѣчаніе Дечанскаго устава относительно причины повторенія на литіи всемогнотного бдѣнія 8 мая стихиры—„Сына грома“, о которомъ о. Лисицынъ полагаетъ, что „оно ставитъ насъ прямо лицомъ къ лицу съ составителемъ Дечанскаго „устава“ (стр. 325), на самомъ дѣлѣ—греческаго происхожденія. Оно появляется уже въ греч. списокѣ № 456 (л. 89), однако только въ качествѣ глоссы на полѣ; но въ сербскомъ списокѣ Рум. Музея № 1458 оно входитъ уже въ текстъ (л. 102 об.).

²⁾ Чтеніе Лавсаика и Пролога на утренѣ, Лѣствицы—ва часахъ 3, 6 и 9 великаго поста (см. Перв. сл. русск. тип., стр. 326) есть характерная особенность Іерусалимскаго Устава (см. въ нашей книгѣ, стр. 151—152). Замѣчаніе Дечанскаго устава о числѣ каеизмъ и чтеній по Воздвиженіи (Перв. сл. русск. тип., стр. 321) буквально воспроизводитъ текстъ Іерусалимскихъ списковъ (см. въ нашей книгѣ стр. 143 прим. 3). Не менѣе характерно для Іерус. Устава указаніе подъ 11 ноября на утренѣ чтенія житія св. Іоанна Милостиваго, Завѣта св. Θεодора Студита на трапезѣ (См. въ Перв. сл. русск., тип., стр. 321, въ нашей книгѣ, стр. 175 и 167).

2. Составляетъ важный для исторіи Устава на Руси, но доселѣ не вполнѣ выясненный вопросъ: какой чинъ воспроизводитъ Слѣдованная Псалтирь XIV вѣка, приписываемая митрополиту Кипріану: студійскій или іерусалимскій? ¹⁾ Моя книга вноситъ здѣсь совершенно опредѣленные данныя: воспроизводимая въ псалтири система чтеній несомнѣнно іерусалимская, а отнюдь не студійская ²⁾.

3. Существуетъ литургическій фрагментъ, носящій заглавіе „Уставъ великія церкви св. Софіи списанъ блаженнымъ архіепископомъ Новгородскимъ Климентомъ“. Какая „великая церковь св. Софіи“ здѣсь разумѣется, неясно, но нѣкоторые литургисты, напр., Дмитриевскій ³⁾, Лисицынъ ⁴⁾ и др. склонны разумѣть здѣсь Софію Константинопольскую и относить уставъ Климента къ памятникамъ Устава Великой Церкви. Богослужебный суточный строй Устава Великой Церкви доселѣ составляетъ загадку, несмотря на существованіе цѣльныхъ записей этого устава ⁵⁾, и потому судить о характерѣ Устава Климента наука не имѣетъ сколько нибудь рѣшительныхъ данныхъ. Моя книга вноситъ сюда довольно опредѣленный критерій. Если суточный строй Устава Великой Церкви намъ неизвѣстенъ, то суточный строй чтеній мною выясненъ опредѣленно. Уставъ Великой Церкви отнюдь не имѣетъ чтенія на утреняхъ, но имѣетъ ихъ лишь

¹⁾ См. проф. Мансветова „Митрополитъ Кипріанъ въ его литургической дѣятельности“ (М. 1882), стр. 66—101.

²⁾ Псалтирь Кипріана (Рукопись Моск. Дух. Академіи № 142) указываетъ на великопостныхъ часахъ, начиная съ 3-го, чтеніе Лѣствицы (л. 271; ср. у насъ выше прим. 2), 25 марта на благослов. хлѣбовъ слово празднику, на 6 часѣ слово Златоуста „Паки радость“, а на 9 часѣ—оглашеніе Θεодора Студита (Рукоп. № 142, лл. 240 об.—241; ср. въ моей книгѣ, стр. 170—171 и прим.), въ Пасху по 3 и 6 пп. канона— слова Григорія Богослова и на цѣлованіи—Златоуста „Аще кто благочестивъ“ (Рук. № 142 л. 284 об.—285; ср. въ моей книгѣ, стр. 154—155), въ Вознесеніе на благословеніи хлѣбовъ чтеніе въ Дѣянїяхъ и на поліелеѣ похвальное киръ Андрея (Рук. № 142 л. 288 об.; ср. въ моей книгѣ стр. 153). На праздникъ Пятидесятницы, кромѣ Дѣянїй на благословеніе хлѣбовъ, полагается на поліелеѣ чтеніе, общее и студійскому и іерусалимскому Уставамъ—„чтеніе въ Богословъ“ (№ 142 л. 200; ср. въ моей книгѣ стр. 155).

³⁾ Рецензія, Хр. Чт. 1898 г. Сент.—Окт., стр. 543.

⁴⁾ Пер. слав. русск. тип., стр. 115—123.

⁵⁾ Скабаллановичъ, Толковый Типиконъ I (Кіевъ 1910), стр. 372—375.

между службами, да на панихидахъ. Между тѣмъ, уставъ Климента указываетъ чтенія именно на утренѣ (подъ 1 сентября). Очевидно, что Уставъ Климента не принадлежитъ къ собственнымъ памятникамъ Устава Великой Церкви по всѣмъ признакамъ это есть отрывокъ студійскаго устава ¹⁾.

4. Отношеніе западныхъ типиконовъ и новооткрытаго аеонскаго Великаго Синаксаря къ основнымъ отраслямъ Церковнаго Устава Студійскому, Іерусалимскому и Великой Церкви составляетъ вопросъ, пока еще неразрѣшенный окончательно. Мои списки показываютъ совершенно опредѣленно, что Великій Синаксарь и западные типиконы, находясь въ тѣснѣйшемъ родствѣ, принадлежать несомнѣнно къ студійской отрасли и въ ней образуютъ особое развѣтвленіе (которое предполагаетъ и проф. Мансветовъ ²⁾, параллельное Алексѣевско-Евергедтскому; вліяніе устава Великой Церкви здѣсь лишь второстепенное: таково же и вліяніе Іерусалимскаго Устава (совершенно согласно мнѣнію Мансветова) ³⁾ и при томъ собственно на вторую редакцію западныхъ типиконовъ.

Но реконструированныя мною системы чтеній не только даютъ типичные признаки для опредѣленія основныхъ и второстепенныхъ отраслей Церковнаго Устава и классификаціи литургическихъ памятниковъ, но и вскрываютъ или намѣчаютъ отдѣльные факты и моменты изъ исторіи развитія памятниковъ Церковнаго Устава. Я въ своей книгѣ даю основаніе утверждать, что мѣстомъ написанія литературнаго памятника, извѣстнаго подъ именемъ Іерусалимскаго Устава, отнюдь не былъ Константинополь, и воспроизводимый имъ богослужебный строй отнюдь не былъ списанъ съ богослужебной практики какого-либо изъ константинопольскихъ монастырей. Анализъ списковъ чтеній показываетъ, что Уставъ написанъ въ совершенно другихъ условїяхъ, приличествующихъ болѣе всего Іерусалиму. Тотъ же анализъ показываетъ, что богослужебный строй Іерусалимскаго Устава развился парал-

¹⁾ См. въ моей книгѣ стр. 51 прим. 2, Ср. Скабаллановичъ. Отзывъ о соч. прот. Лисицына. Журналы Совѣта Кіевск. Акад. 1910—1911 г., журналъ 9 іюня.

²⁾ Церковный Уставъ, стр. 121, 124.

³⁾ Церк. Уставъ, стр. 126.

тельно съ студійскимъ, вышедши изъ общаго съ нимъ корня не позже IX вѣка; очевидно далѣе, что и позже между обѣими отраслями было постоянное взаимовліяніе, при чемъ самымъ важнымъ моментомъ въ этомъ отношеніи былъ періодъ между серединой XI и серединой XII вв. Не менѣе очевидно анализъ списковъ вскрываетъ далѣе, что іерусалимскій строй службы развивался съ большей медленностью, чѣмъ студійскій, и что, слѣдовательно, вполне справедливо предположеніе¹⁾ о бѣльшей неподвижности и вѣрности древности имени Іерусалимскаго Устава, а не Студійскаго. Сравнительный анализъ списковъ чтеній аеонскаго Великаго Синаксаря и западныхъ типиконовъ вскрываетъ, что аеонскій строй службы Великаго Синаксаря выдѣлился изъ общаго студійскаго корня еще задолго до Алексѣевскаго Устава, что, навѣрное, западные типиконы получили студійскій строй чрезъ посредство Аѳона.

Наконецъ, укажу, что справки съ моими списками позволяютъ судить по составу чтеній того или другого списка Іерусалимскаго Устава о степени древности и характерѣ той редакціи, къ которой этотъ списокъ принадлежитъ. Напримѣръ, греческій уставъ Син. б. № 381, стнесенный архіеп. Саввой къ XV в., несомнѣнно принадлежитъ къ раннѣйшей эпохѣ, къ XIII—XIV в., такъ какъ составъ чтеній въ немъ одинаковъ съ таковымъ же № 491-го Румянцевскаго Музея и № 456 Синод. б. XIII—XIV в.

Таковъ историко-литургическій интересъ непосредственныхъ результатовъ моей работы. Но, какъ я сказалъ, *моя работа преслѣдуетъ историко-литературныя задачи*, и для меня важны эти результаты въ направленіи собственно историко-гомилетическихъ литературныхъ проблемъ, проблемъ *исторіи сборниковъ Уставныхъ Чтеній*. Я вскрылъ въ моей книгѣ сущность, принципы, нормы и отдѣльныя стадіи развитія основнаго источника и стимула жизни и развитія сборниковъ Уставныхъ Чтеній—богослужебной практики чтеній, какъ она опредѣляется въ литургическихъ памятникахъ. Я нашелъ въ этихъ же литургическихъ источникахъ нѣкоторыя прямыя данныя о видѣ и составѣ сборниковъ въ отдѣльные моменты ихъ развитія. Для историка сборниковъ Уставныхъ Чтеній моя

¹⁾ Скабаллановичъ, Толк. Тип. I, 410.

книга должна служить исходнымъ пунктомъ и справочнымъ руководствомъ при выясненіи какъ общаго типа, общаго характера отдѣльныхъ сборниковъ, такъ и отдѣльныхъ стадій ихъ формации, распространенія и вліянія. Вся система реконструкціи списковъ чтеній отдѣльныхъ литургическихъ памятниковъ и отдѣльныхъ ихъ наслоеній обусловливается у меня именно этимъ назначеніемъ моей книги. Я конструирую списки по тремъ кругамъ церковнаго года не только потому, что это соотвѣтствуетъ дѣленію самого богослужебнаго послѣдованія (но не вполне порядку уставнаго изложенія), а прежде всего потому, что каждый изъ этихъ круговъ обусловливаетъ собою существованіе и развитіе особыхъ родовъ учительныхъ сборниковъ; въ кругѣ минейномъ я различаю специально-учительную и житійно-повѣствовательную группы, такъ какъ первая имѣетъ значеніе для исторіи развитія Панигирикона-Торжественника минейнаго, а вторая Четвѣхъ-Миней. Самое важное въ этихъ спискахъ для исторіи сборниковъ и вообще древней письменности это то, что въ нихъ отмѣчены не только надписанія произведеній, но и ихъ начальныя слова, точно опредѣляющія и ту редакцію каждаго изъ нихъ, какая имѣется въ виду. Литературно-библиографическій смыслъ каждаго такого титула уставной регламентаціи чтеній я раскрываю путемъ указанія одного или нѣсколькихъ извѣстныхъ мнѣ печатныхъ изданій, а въ случаѣ отсутствія ихъ—рукописныхъ источниковъ въ которыхъ соотвѣтствующая данному титулу редакція того или другого литературнаго памятника находится въ оригинальномъ или переводномъ (греческомъ, латинскомъ, русскомъ, славянскомъ) текстахъ. Конкретно значеніе моей работы въ этомъ ея специальномъ назначеніи вполне можетъ выясниться лишь въ самомъ процессѣ изслѣдованія состава сборниковъ Уставныхъ Чтеній¹⁾.

¹⁾ Сужденія общаго характера въ этомъ отношеніи сдѣланы въ рецензіяхъ на мою книгу Н. К. Никольскаго (Библиографическая лѣтопись. В. I, 1914 г., стр. 44—47), А. И. Яцимирскаго (Русскій Филологическій Вѣстникъ 1914 г., № 2, стр. 621—623. Ср. Извѣстія Отд. Русск. Яз. и Слов. Имп. Академіи Наукъ, т. XVI (1911), кн. 2, стр. 206), М. Н. Скабаллановича (Труды Киевск. Акад. 1914, май, стр. 148—150). См. также В. В. Латышева, Двѣ рѣчи Θεодора Дафнопата. Прав. Палест. Сборникъ, в. 59 (1910), стр. LVIII—LVII; Н. О. Красносельцева, Рецензія на кн. Дмитріевскаго, Визант. Временникъ IV (1897), стр. 608; И. Е. Евсѣева, Очерки по исторіи славянскаго перевода Библии. Хр. Чт. 1912, ноябрь, стр. 1285.

Изъ многихъ возможныхъ примѣненій результатовъ моей работы въ этомъ специальномъ ея назначеніи сейчасъ укажу лишь на одну изъ наиболее животрепещущихъ, любопытнѣйшихъ и вмѣстѣ сложнѣйшихъ чередныхъ историко-литературныхъ проблемъ. Я разумѣю вопросъ объ объемѣ и характерѣ литературной дѣятельности Симеона Метафраста въ области Четихъ-Миней. Рядъ попытокъ, предпринятыхъ въ настоящее время на западѣ Ehrhard-омъ, Delehaye ¹⁾, у насъ Васильевскимъ, Латышевымъ, прот. Кекелидзе ²⁾, установить: какія именно редакціи житій принадлежатъ Метафрасту, пока не привелъ къ вполнѣ устойчивымъ результатамъ. Списки житій моей книги вносятъ любопытнѣйшія данныя, отчасти подвигающія рѣшеніе вопроса, отчасти намѣчающія здѣсь новыя перспективы. Симеонъ Метафрастъ работалъ надъ Четей-Минеей въ послѣдней четверти X вѣка. Уставъ патр. Алексѣя составленъ въ 30-хъ годахъ XI столѣтія, т.-е. не позднѣе какъ 30 лѣтъ спустя со дня смерти Симеона Метафраста. Уже теоретически трудно допустить, чтобы авторъ Устава—патріархъ, интересующаяся житійно-повѣствовательной литературой, могъ быть незнакомъ съ работой такого славнаго придворнаго писателя - вельможи, какъ Симеона. Если Вы теперь посмотрите приведенный у меня списокъ произведеній житійно-повѣствовательной группы Алексѣвскаго Устава и обратите вниманіе на мои примѣчанія къ тѣмъ изъ этихъ произведеній, которыя отмѣчены съ начальными словами, Вы увидите любопытнѣйшій фактъ: всѣ они (числомъ 22), кромѣ трехъ, выступаютъ именно въ тѣхъ редакціяхъ, которыя изданы Migne въ числѣ метафрастовскихъ въ CXIV—CXVI томахъ, согласно списку, составленному на основаніи изученія рукописей Алляціемъ: три (на 6 и 20 сентября, 21 окт.), не отмѣченныя здѣсь также числятся въ списокѣ приписываемыхъ Метафрасту Delehaye въ изданіи Болландистовъ—Bibliotheca Hagiographica Graeca, ed. 2 (1909). Мнѣ кажется, что отсюда съ несомнѣнностью слѣдуетъ, что патріархъ Алексѣй воспроизводилъ въ своемъ списокѣ именно составъ метафрастовскихъ Четихъ-Миней. Но кому другому.

¹⁾ Литература см. Bibliotheca Hagiographica Graeca, ed. 2 (Bruxellis 1909), p. 269—275.

²⁾ Христ. Востокъ, I (СПБ. 1912), стр. 325—347. Извѣстія Импер. Академіи Наукъ, серія VI, № 4 (1913), стр. 231—240.

какъ именно патріарху, дѣйствовавшему непосредственно послѣ смерти знаменитаго вельможи Метафраста, было естественно и удобно имѣть экземпляръ метафрастовскихъ Миней въ самой точной къ оригиналу копии, если не въ самомъ оригиналѣ?! Реконструированный мною списокъ чтеній житійно-повѣствовательной группы Алексѣвскаго Устава претендуетъ на роль авторитетнѣйшаго изъ наличныхъ указателя подлинныхъ произведеній первоначальнаго состава метафрастовскихъ Четихъ - Миней. — Дальнѣйшее изученіе этого списка, *сравнительно съ Евергетидскимъ Типикономъ*, открываетъ новыя любопытныя данныя. Патріархъ Алексѣй, указывая для первыхъ двухъ мѣсяцевъ—сентября и октября начала почти всѣхъ перечисленныхъ произведеній, шесть произведеній (15, 16, 24, 30 сентября, 9, 11 октября) между ними отмѣчаетъ безъ начала: очевидно, въ бывшемъ у него подъ руками экземплярѣ метафрастовскихъ Четихъ-Миней этихъ шести произведеній не было. Евергетидскій Типиконъ, появившійся въ наличной редакціи чрезъ столѣтіе послѣ Алексѣвскаго, воспроизводитъ въ точности составные элементы Алексѣвскаго Устава за сентябрь и октябрь, съ тѣми же началами, слѣдовательно, въ тѣхъ же самыхъ редакціяхъ, что и Алексѣвскій Уставъ, но изъ шести произведеній, указанныхъ тамъ безъ началъ, здѣсь четыре отмѣчены съ началами, указывающими редакціи, опять таки изданныя въ CXIV—CXVI томахъ Migne P. Gr. въ числѣ метафрастовскихъ; а двухъ (9, 11 окт.) вовсе нѣтъ, но послѣднія не числятся и въ числѣ метафрастовскихъ и у Болландистовъ. Очевидно, что Евергетидскій Уставъ воспроизводитъ тѣ же самыя, т.-е. метафрастовскія же Четихъ-Миней. Съ ноября мѣсяца патр. Алексѣй начинаетъ указывать произведенія безъ начальныхъ словъ, въ Евергетидскомъ Типиконѣ всѣ эти указанія въ Алексѣвскомъ Уставѣ произведенія кромѣ шести, (11 ноября, 11 дек., 12 марта, 13—15 мая, 20 іюля, 26 авг.; изъ нихъ только житіе Даниила 11 дек. значится у Болландистовъ въ числѣ метафрастовскихъ) выступаютъ (въ числѣ 56) съ началами, принадлежащими редакціямъ, приписываемымъ Метафрасту (изъ нихъ 34 изданы Migne и 21 указаны у Болландистовъ), за исключеніемъ одного лишь мученія Кирика и Іулитты (15 іюля), выступающаго съ началомъ неизвѣстной редакціи. И въ то же время

въ Евергетидскомъ Типиконѣ указывается до 80 произведеній лишнихъ сравнительно съ Алексѣевскимъ Уставомъ, изъ которыхъ 59 отмѣчены началами, слѣдовательно, находились въ бывшемъ подъ руками сборникѣ, а 21 не отмѣченъ началами, при чемъ о трехъ изъ нихъ (17 сент. житіе Филовея, 20 ноября, 19 іюля) прямо сказано, что въ сборникѣ ихъ не было. Изъ этихъ, отмѣченныхъ началами, не значится въ числѣ метафрастовскихъ у Migne и Болландистовъ только пяти (8, 12 янв., 15 окт. ¹⁾ 8, 14 сент. историческое слово), изъ которыхъ одно (15 окт.) вовсе неизвѣстно и одно—историческое слово на 8 сент.—названо въ самомъ типиконѣ словомъ *εις την μεταφρασιν*. Изъ 21 не отмѣченныхъ началами, только два (мученіе Софіи 17 сент. и Мины 10 дек.) приписываются Метафрасту у Болландистовъ. Очевидно, въ общемонастырскомъ богослужебномъ употребленіи экземпляръ метафрастовской Четвѣй-Минеи, бывший подъ руками редактора Евергетидскаго Типикона черезъ столѣтіе послѣ патр. Алексѣя, имѣлъ уже гораздо болѣе сложный составъ (почти вдвое), чѣмъ экземпляръ, бывший подъ руками патр. Алексѣя. *Іерусалимскій Уставъ* имѣетъ въ виду Четвѣй-Минеи Метафраста уже этого послѣдняго, болѣе сложнаго общецерковнаго, общемонастырскаго состава. *Іерусалимскій Уставъ* воспроизводитъ полностью всѣ заглавія (начала не указываются) житійно-повѣствовательной группы Евергетидскаго Типикона, указанные здѣсь съ началами, кромѣ шести (7 февр. Ал.-Еверг.; 15 окт., 18 дек., 2, 12 янв., 17 февр.), изъ которыхъ два не приписываемыхъ нигдѣ Метафрасту. Изъ шести произведеній, указанныхъ безъ началъ въ *обоихъ* константинопольскихъ Уставахъ, *Іерусалимскій* имѣетъ только три (не имѣетъ 11 дек., 13—15 мая, 20 мая); изъ 18 произведеній, указанныхъ безъ началъ только въ Евергетидскомъ Типиконѣ, *Іерус. Уставъ* имѣетъ по-

¹⁾ Въ списокъ метафрастовскихъ произведеній Ehrhard'a изъ всѣхъ агиологическихъ текстовъ, отмѣченныхъ въ Евергетидскомъ Типиконѣ съ началами, не значатся только эти три текста (т. е. на 8, 12 января и 15 октября), да отмѣченное выше мученіе Кирика и Іулитты. См. Васильевскій и Никитинъ. Сказанія о 42 аморійскихъ мученикахъ и церковная служба имъ. Записки Имп. Академіи Наукъ, т. VII, № 2 (СПб. 1905), стр. 237, прим. 1.

ловину, т. е. 9 (не имѣетъ на 18 сент., 6 окт., 10 дек., 13, 17, 20 марта, 25 апр., 21—25 мая, 24 іюня). Всѣ эти данныя представляютъ любопытныя показанія о томъ, что было и чего не было въ авторитетнѣйшемъ, официально-принятомъ для богослужебнаго монастырскаго употребленія кодексѣ метафрастовскихъ твореній въ два главнѣйшихъ момента развитія этого кодекса—въ XI и въ XII вѣковъ. Что означаютъ эти два момента развитія официального кодекса метафрастовскихъ твореній въ отношеніи объема и характера работы Симеона Метафраста, въ частности не принадлежитъ ли второй слой кодекса, появившійся въ Евергетидскомъ Типиконѣ и *Іерусалимскомъ Уставѣ*, продолжателямъ Симеона, а не ему самому, выясненіе этого вопроса требуетъ сравнительнаго анализа произведеній, извѣстныхъ съ именемъ Метафраста, съ точки зрѣнія той классификаціи этихъ произведеній, которая устанавливается въ моей книгѣ.

Сравненіе списковъ произведеній житійно-повѣствовательной группы *обоихъ* константинопольскихъ Уставовъ съ составомъ славянской Четвѣй-Минеи въ ея наиболѣе полномъ видѣ—*Великихъ Четвѣй-Миней*, сдѣланное мною въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, установило фактъ одинаково интересныя какъ для исторіи славянской редакціи Четвѣй-Миней, такъ и для исторіи греческихъ Четвѣй-Миней до—метафрастовскаго періода. Оказывается славянская Четвѣй-Минея имѣетъ произведенія, указанные въ константинопольскихъ Уставахъ почти во всѣхъ случаяхъ, за исключеніемъ 13—15, въ совершенно другихъ редакціяхъ, именно редакціяхъ, неприписываемыхъ Метафрасту. Это значитъ, конечно, что славянская Четвѣй-Минея воспроизводитъ тотъ видъ греческой Минеи, который господствовалъ въ греческой церкви до Метафраста и періода Алексѣевскаго и Евергетидскаго Уставовъ, а метафрастовскіе тексты суть въ немъ позднѣйшія наслоенія. А если такъ, то, выкинувши изъ состава славянскихъ Четвѣй-Миней произведенія, указанные въ константинопольскихъ уставахъ и, слѣдовательно, въ официально-принятомъ кодексѣ послѣ-метафрастовской Четвѣй-Минеи XI—XII вѣка, наука получаетъ возможность продолжить съ еще большей полнотой и твердостію начатую (для первыхъ двухъ мѣсяцевъ церковнаго года) проф. М. Н. Сперан-

скимъ ¹⁾ работу восстановления состава Четъей-Минеи древнѣйшаго, до-метафрастовскаго періода.

Таковы, высокочтимое ученое собраніе, тезисы и данныя, которые, по моему мнѣнію, вносятъ въ науку моя книга и сознание которыхъ дало мнѣ рѣшимость представить мою книгу на Вашъ ученый судъ. Вашему ученому суду предстоитъ рѣшить: правильно ли я представляю свою книгу или нѣтъ.

Если я ошибаюсь здѣсь, мои официальные оппоненты, надѣюсь, докажутъ мнѣ сейчасъ.

Мнѣ же да позволено будетъ закончить свою рѣчь словомъ *искренней сыновней благодарности* моему глубокочтимому учителю и предшественнику по академической кафедрѣ, бывшему ректору нашей Академіи *преосвященнѣйшему епископу Евдокиму*, высокопросвѣщенная мысль котораго направила меня на настоящую работу, а ученое руководство и теплое сердечное участіе поддерживали научные порывы и замыслы при началѣ работы на студенческой скамьѣ.

Василій Виноградовъ.

¹⁾ Сентябрьская Минея-Четья до-макарьевскаго состава. Сборн. Отд. Русск. Яз. и Слов. СПб. 1896; Октябрьская Минея-Четья до-макарьевскаго состава. Извѣстія Отд. Русск. Яз. и Слов. Имп. Ак. Наукъ, т. VI (1901), кн. I, стр. 57—87.

II.

Древне - русская школа и просвѣщеніе по даннымъ уставной агиографической литературы.

Являясь основнымъ факторомъ и одновременно результатомъ древне-русскаго просвѣщенія, Уставныя Чтенія должны быть изслѣдуемы въ связи съ общей исторіей древне-русскаго школьнаго и внѣшкольнаго просвѣщенія. Но исторія русской школы и просвѣщенія—мало разработанная область нашей исторической науки. Въ этой области очень мало установлено твердыхъ научныхъ положеній. Историческія изслѣдованія даютъ здѣсь вмѣсто фактовъ больше субъективныя предположенія, продиктованныя предвзятыми тенденціями. Обстоятельныхъ научныхъ изслѣдованій, которыя бы представляли общую исторію русской школы ¹⁾ и просвѣщенія, можно сказать, нѣтъ. Мы имѣемъ только или общія характеристики школьнаго и просвѣтительнаго дѣла на Руси или же частныя характеристики отдѣльныхъ представителей русскаго просвѣщенія, отдѣльныхъ періодовъ изъ исторіи русской школы ²⁾. Въ отношеніи *древне-русской школы и просвѣщенія* дѣло обстоитъ особен-

¹⁾ Наиболѣе обстоятельнымъ трудомъ въ этомъ отношеніи является книга Лавровскаго „О древне-русскихъ училищахъ“ (по кон. XV в.) (Харьковъ 1854 г.), въ настоящее время представляющая библиографическую рѣдкость. По утверженію А. С. Архангельскаго, она приводитъ къ очень неутѣшительному заключенію: „собранный здѣсь весьма тщательно матеріалъ характеромъ своимъ лучше всего доказываетъ совершенное отсутствіе у насъ въ древнее время (XI—XV в.) какихъ либо училищъ“. „Ниль Сорскій“ (СПБ. 1882 г.), стр. 185 прим.

²⁾ Большинство такихъ трудовъ указаны въ брошюрѣ Леонтовича „Школьный вопросъ въ древней Руси“ стр. 47—51; также въ книгѣ В. Григорьева „Историческій очеркъ русской школы“, стр. IV—V. М. 1900 г.

но печально. Скудость показаній, которыя даются на этот счетъ памятниками историческаго характера, лишаютъ историка возможности дать цѣльную и объективно-точную картину хода школьнаго и просвѣтительнаго дѣла въ древней Руси.

Характерную иллюстрацію того, какъ мало опредѣленнаго и прочнаго даютъ для цѣльной исторіи русской школы и просвѣщенія наши научно-историческія монографіи, представляетъ вышедшая въ 1900 году книга В. В. Григорьева „Историческій очеркъ русской школы“. Авторъ этой компилятивной книги использовалъ всѣ важнѣйшіе труды, относящіеся къ его темѣ, и все же его построения по исторіи древне-русской школы и просвѣщенія обосновываются отъ начала до конца главнымъ образомъ на „теоріи вѣроятностей“.

Характеризуя состояніе русской школы и просвѣщенія въ домонгольскій періодъ, авторъ на первой же страницѣ утверждаетъ: „такъ какъ въ это время (княженіе Владиміра Святого) для распространенія и утвержденія христіанства была существенная потребность въ священникахъ, то въ школахъ обучались главнымъ образомъ тѣ изъ народа, которые готовили себя къ священству. Обучившіеся книжному знанію священники въ свою очередь должны были открывать школы при своихъ домахъ и обучать дѣтей грамотѣ и этимъ содѣйствовать распространенію грамоты“¹⁾. Все это утвержденіе не имѣетъ за собою ни одного прямого историческаго свидѣтельства и есть простое предположеніе²⁾.

Сообщенія автора объ князяхъ: Всеволодѣ Ярославичѣ, Романѣ Ростиславичѣ, Ярославѣ Владиміровичѣ, княжнѣ Янкѣ, дочери Всеволода Ярославича³⁾, что они заботились объ училищахъ и давали на нихъ подавнія, основаны на показаніяхъ Татищевской лѣтописи, а тѣ, по авторитетному мнѣнію Е. Е. Голубинскаго, суть плодъ досужаго вымысла самого Татищева⁴⁾. Поэтому рѣшительное утвержденіе, что „русскіе князья вмѣстѣ съ своими приближенными изъ лицъ высшаго сословія, слѣдуя примѣру великаго князя Владиміра Святого, ревностно заботятся о распростра-

¹⁾ Стр. 6—7.

²⁾ Ср. Голубинскій. Исторія Русской Церкви, т. I, пол. I стр. 725 и 727. Изд. второе. М. 1901 г.

³⁾ Григорьевъ стр. 7—8.

⁴⁾ Голубинскій. Ист. Р. Ц. т. I пол. 1, стр. 871—880.

неніи грамотности, какъ въ своихъ семьяхъ, такъ и своемъ государствѣ, являются первыми водворителями образованія на Руси и его главными двигателями: они повелѣваютъ открывать школы“... висить въ воздухѣ, имѣя своей фактической основой только одинъ примѣръ Ярослава Мудраго. Еще безпочвеннѣе раскрытіе роли духовенства въ дѣлѣ школьнаго образованія. „Уже съ перваго водворенія образованія на Руси, православное духовенство, говоритъ авторъ, является тѣмъ сословіемъ, на которое падаютъ по преимуществу всѣ заботы о народномъ воспитаніи и обученіи. Лица высшей духовной іерархіи даютъ наставленія учителямъ, содѣйствуютъ открытію училищъ... Главными же проводниками образованія въ народную массу являются православные священники, которые, обучившись книжному знанію, по приказанію великихъ князей, должны были открывать при церквахъ школы и знакомить дѣтей съ ученіемъ книжнымъ. Такимъ образомъ, кромѣ своихъ непосредственныхъ обязанностей, какъ пастырей церкви, русскому духовенству, съ перваго его возникновенія, поручается учрежденіе школъ и учительство въ нихъ: приготовляя въ своихъ школахъ будущихъ служителей церкви, обучая также всѣхъ желающихъ изъ народа грамотности и слову Божію, священно и церковно-служители являются первыми русскими народными учителями...¹⁾. Конечно, въ этихъ словахъ очень хорошая, радующая благочестивое сердце русскаго читателя картина, но вотъ бѣда: откуда знаетъ все это авторъ?! Ни древне-русская лѣтопись, ни другіе памятники древнерусской письменности не говорятъ ничего такого. Все это лишь предположенія, которыя выдаются за факты²⁾. Указывая значеніе монастырей, какъ главныхъ разсадниковъ книжнаго образованія и письменности, авторъ утверждаетъ: „упражняясь въ дѣлахъ благочестія, иноки наставляли и всѣхъ приходящихъ въ истинахъ вѣры и въ христіанской добродѣтели; для этой цѣли, между прочими средствами, они сами занимались книжнымъ дѣломъ“³⁾. Что

¹⁾ Григорьевъ, стр. 8 и 9. То же на стр. 14.

²⁾ Проф. Голубинскій утверждаетъ: „мы имѣемъ рѣшительное доказательство, что подъ надзоромъ и вѣдѣніемъ епископовъ въ упомянутое время никакихъ училищъ не находилось“. Ист. Рус. Цер. т. I, пол. I, стр. 723.

³⁾ Григорьевъ, стр. 9.

иноки занимались религиозно-нравственнымъ учительствомъ—это несомнѣнный фактъ, но чтобы они *именно для этой цѣли* сами учились книгамъ—это неправда: они учились ради удовлетворенія собственныхъ духовныхъ запросовъ, а выступленіе на дѣло учительства обусловливалось обстоятельствами, отъ нихъ не зависѣвшими. Утверждая образовательное значеніе женскихъ монастырей, авторъ ссылается только на мнимый фактъ, что св. Евфросинія Полоцкая († 1173), наученная книжному писанію, устроивъ монастырь, „сдѣлала обученіе грамотѣ одною изъ главныхъ обязанностей инокинь“¹⁾. На самомъ же дѣлѣ, изъ историческихъ источниковъ мы знаемъ только, что Евфросинія бралась учить грамотѣ свою родную сестру, которую тутъ же и постригла въ монахини²⁾.

Перечисляя предметы школьнаго обученія, Григорьевъ на ряду со чтеніемъ и письмомъ указываетъ и на церковное пѣніе; но что онъ говоритъ по поводу этого послѣдняго, не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ школьному обученію³⁾. Демественники, о которыхъ сообщаетъ лѣтопись, не имѣли никакого отношенія къ русской школѣ грамоты. По вопросу о дисциплинарныхъ средствахъ авторъ черпаетъ изъ сомнительныхъ показаній Татищевской лѣтописи о дѣятельности первосвятителя Михаила, самое существованіе котораго сомнительно⁴⁾. По характеру своему, школы до монгольскаго періода авторомъ опредѣляются какъ частныя „учебно-воспитательныя заведенія“⁵⁾, но въ подтвержденіе такой характеристики дѣлается ссылка лишь на неопредѣленное показаніе лѣтописи объ устроеніи училища при Владимірѣ. Столь же проблематичны и замѣчанія Григорьева о книжномъ дѣлѣ: „чтеніе книгъ и переводъ ихъ были любимыми занятіями великихъ князей, ихъ семьи, лицъ, приближенныхъ къ нимъ, и народа... изученіе книгъ божественныхъ и составленіе съ нихъ списковъ—было глав-

1) Григорьевъ, стр. 10.

2) Житіе Евфросиніи Полоцкой. Пам. Стар. Рус. Лит. СПб. 1862 IV в.

3) Григорьевъ, стр. 13.

4) Голубинскій. Ист. Рус. Цер. Т. I, пол. I, стр. 722 прим.

5) Стр. 14—15.

нымъ занятіемъ грамотныхъ монаховъ“¹⁾. Изображая состояніе школы и просвѣщенія въ послѣднѣмъ монгольскій періодъ, авторъ присоединяется къ воззрѣнію митр. Макарія и Е. Е. Голубинскаго, что монгольское нашествіе не имѣло рокового значенія въ судьбѣ русской школы и просвѣщенія, но что то и другое оставались „все на той же ступени, правда не высокой, на какой были и до монголовъ“²⁾. Въ характеристикѣ образованности Московской Руси XV—XVII вв. онъ принужденъ опираться только на авторитетъ акад. А. И. Соболевскаго³⁾. Но утвержденія А. И. Соболевскаго о широкой распространенности грамотности среди духовенства⁴⁾ высшаго и низшаго основываются по необходимости (вслѣдствіе недостатка фактическихъ данныхъ) главнымъ образомъ на аргументѣ *e silentio*: „мы не имѣемъ вовсе указаній на существованіе неграмотныхъ“.....; а такого рода аргументъ не является вполне твердымъ и рѣшительнымъ. Весьма проблематично общее утвержденіе относительно распространенности грамотности на Руси въ XV—XVII вѣкахъ: „то количество грамотныхъ, какое было въ Московскомъ государствѣ въ XV—XVII вѣкахъ, казалось людямъ того времени вполне достаточнымъ, и мы совсѣмъ не слышимъ ни отъ правительства, ни отъ частныхъ лицъ жалобъ на недостатокъ въ нихъ; равнымъ образомъ мы не слышимъ ни отъ кого никому никакихъ похвалъ за простую грамотность, не замѣчаемъ, чтобы простая грамотность сколько нибудь высоко цѣнилась“⁵⁾. Всѣ основанія, приводимыя въ пользу этихъ положеній, по необходимости, не имѣютъ рѣшительнаго характера. Отмѣчается „рядъ указаній, что одно умѣнье читать и писать въ XVI и XVII вѣкахъ многихъ не удовлетворяло“. Но единъ тотъ фактъ, что находились люди, которыхъ простая грамотность не удовлетворяла, не можетъ съ рѣшительностью доказывать, что вообще „простая грамотность не высоко цѣнилась“. Затѣмъ ссылаются на извѣстныя слова Геннадія, который идеаломъ

1) Стр. 16.

2) Стр. 24.

3) Соболевскій. Образованность Московской Руси въ XV—XVII в. в. стр. 32—33.

4) Тамъ же стр. 7.

5) Тамъ же, стр. 12.

духовнаго лица ставить знаніе „силы божественныхъ писаній и церковнаго порядка“, но не должно упускать изъ вниманія, что Геннадій скорбитъ собственно не о томъ, что въ его время не было такихъ идеальныхъ духовныхъ лицъ, а о томъ, что онъ не могъ найти достаточно людей, которые были бы, по крайней мѣрѣ, „грамотѣ горазды“; онъ жалуется, что вмѣсто послѣднихъ ему представляли для поставленія „мужиковъ невѣждъ“. Наконецъ, ссылаются на свидѣтельство житія св. Максима Грека. Но тотъ фактъ, что „Максимъ Грекъ былъ хвалимъ за то, что былъ „словеснаго любомудрія зѣло преисполненъ, священныя же философіи до конца навывкъ“, не въ состояніи вполне обосновать заключение, будто „значеніе придавалось тогда лишь людямъ, вполне изучившимъ священное писаніе и святоотеческія творенія и проникшимъ въ ихъ смыслъ, а сверхъ того, свободно-владѣвшимъ церковно-славянскимъ языкомъ“. Изъ свидѣтельства житія Максима слѣдуетъ лишь то, что тогда цѣнили такихъ начитанныхъ людей, но, чтобы тогда мало или вовсе не цѣнились менѣе начитанные люди, этого житіе прямо не говоритъ. Наконецъ, что касается предположенія, будто бы Московская Русь XV—XVII вѣковъ имѣла еще особыя училища, спеціальныя для тѣхъ подростковъ, которые предназначались въ священники и въ діаконы, то ни слова Геннадія и Стоглава ни свидѣтельства житія Александра Ошевенскаго и грамматики Мелетія Смотрицкаго не даютъ что либо рѣшительное въ его пользу. Изученія „силы писаній и церковнаго порядка“ Геннадій и Стоглавы могли требовать и отъ обычныхъ школъ, къ типу которой несомнѣнно принадлежала и школа дьяка „наказавшаго добрѣ божественнымъ писаніемъ“¹⁾ и „преданіемъ св. отецъ“²⁾ преп. Александра Ошевенскаго; Мелетій Смотрицкій зналъ и имѣлъ въ виду древніе обычаи, навѣрное, не Московской Руси, а Литовской.

Такимъ образомъ, очевидна необходимость новыхъ изысканій въ области прямыхъ первоисточниковъ исторіи древнерусской школы и просвѣщенія. Изъ этихъ первоисточниковъ къ числу наименѣе обследованныхъ принадлежитъ одинъ изъ составныхъ элементовъ Уставныхъ Чтеній — *древне-русскія*

¹⁾ Соболевскій, тамъ же, стр. 20. Григорьевъ стр. 36.

²⁾ Соболевскій, тамъ же, стр. 20, прим. I.

житія святыхъ. Литературныхъ работъ, специально-посвященныхъ обследованію древне-русскихъ житій, какъ источника исторіи русской школы и просвѣщенія, до сихъ поръ русская ученая литература не имѣетъ, хотя общее изученіе памятниковъ древне-руско-житійной литературы сдѣлало уже серьезные успѣхи¹⁾.

Правда, ученныя изслѣдованія по литературѣ древнерусскихъ житій святыхъ установили очень низкій взглядъ на нихъ, какъ на историческій источникъ. Три особенности житій обусловливаютъ такой взглядъ. Во первыхъ—сочинительство фактовъ, въ смыслѣ перенесенія событій не только отечественной, но и древней церкви въ жизнь другого лица²⁾. Во вторыхъ, при истинности факта—одностороннее къ нему отношеніе. „Дорожа лишь той стороною явленій, которая обращена къ идеалу, биографъ забывалъ о подробностяхъ обстановки, мѣста и времени, безъ чего для историка не существуетъ историческаго факта“³⁾. „Часто кажется, что въ разсказѣ житія таится мѣткое наблюдение, живая черта дѣйствительности; но при анализѣ остается одно общее мѣсто“⁴⁾. Наконецъ, въ третьихъ,—преобладаніе формы надъ фактическимъ содержаніемъ. „Съ житіемъ въ настоящемъ смыслѣ слова считали неразлучной ту искусственную форму, которая установилась и господствовала въ древне-русской литературѣ съ XV вѣка“. Отсюда, „въ типическомъ образѣ святого, какъ онъ рисуется въ житіяхъ, рядомъ съ чертами индивидуальными, имѣю-

¹⁾ См. Некрасова „Зарожденіе національной литературы въ сѣверной Руси“. (Одесса 1870); В. О. Ключевского „Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ“. (М. 1871 г.) Въ зависимости отъ послѣдняго изслѣдованія явились труды: Кадлубовскаго „Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ. (Варшава 1902 г.), Коноплева „Святые Вологодскаго края“. (Чт. Общ. Ист. и Др. Росс. 1895 г.), Яхонтова „Житія святыхъ сѣверно-русскихъ подвижниковъ Поморскаго края, какъ историческій источникъ“ (Казань 1882.), ученый справочный указатель по литературѣ древне-русскихъ житій Барсукова—„Источники русской агиографіи“. (СПб. 1899 г.)

²⁾ Ключевскій. Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ. М. 1871 г. стр. 432. Кадлубовскій „Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ стр. 13 и др. Варшава 1902.

³⁾ Ключевскій. Древне-русскія житія святыхъ стр. 433.

⁴⁾ Тамъ-же.

щими значение дѣйствительныхъ фактовъ, легко замѣнить черты общія, однообразно повторяющіяся едва ли не въ каждомъ житіи“¹⁾. Уже эти общія научныя положенія объ исторической цѣнности житійнаго матеріала не оставляютъ мѣста для особенно радужныхъ надеждъ на извлечение изъ житійной литературы какихъ либо цѣнныхъ свѣдѣній о русскихъ школахъ и просвѣщеніи. Но есть и еще болѣе частныя выводы, которые сводятъ всякія подобнаго рода надежды до ничтожнаго минимума. Оказывается, что именно тотъ періодъ жизни святыхъ, который наиболѣе важенъ для исторіи русской школы и просвѣщенія, именно періодъ дѣтства и юношества наиболѣе страдалъ отъ неблагоприятныхъ условій житійнаго творчества. Обзоръ источниковъ житій даетъ замѣтить, что біографъ очень рѣдко имѣлъ одинаково полныя свѣдѣнія о всѣхъ періодахъ описываемой жизни. Въ житіяхъ основателей монастырей такія свѣдѣнія ограничивались болѣею частію временемъ жизни святого въ монастырѣ. Вотъ почему рассказъ о судьбѣ святого до этого періода въ житіяхъ особенно обилень общими мѣстами и даетъ мало годнаго историческаго матеріала²⁾. Выводы исторической науки приводятъ здѣсь изслѣдователя исторіи русской школы и просвѣщенія буквально въ отчаяніе. „Рѣдкій біографъ, утверждаетъ она, не начиналъ своего рассказа извѣстіемъ, что святой родился отъ благочестивыхъ родителей и въ извѣстный срокъ духовно-возродился крещеніемъ, и это извѣстіе нисколько не зависѣло отъ того, зналъ или не зналъ біографъ что-нибудь о родителяхъ святого. Таковы же описанія юности святого и его первыхъ опытовъ въ иночествѣ, очень пространно и однообразно излагаемыя въ житіяхъ: это — отвлеченныя характеристики благодѣтельной юности и строгаго иночества вообще, а не черты изъ жизни Антонія Сійскаго или Арсенія Комельскаго; ихъ содержаніе есть лишь развитіе заглавія біографіи, ибо безъ этихъ чертъ описываемая жизнь не могла бы стать предметомъ житія“³⁾. Сюда принадлежатъ „извѣстія, „что святой, родившійся въ глуши древне-русской деревни именно на седьмомъ году,

¹⁾ Тамъ же стр. 427, 429.

²⁾ Ключевскій, тамъ же, стр. 437.

³⁾ Ключевскій, тамъ же, стр. 429.

выучивается грамотѣ и 12 лѣтъ уходитъ въ монастырь, внезапно увлеченный евангельскими словами о тѣхъ, кто оставляетъ родителей ради имени Христа, и біографъ заноситъ это въ рассказъ, хотя бы ничего не зналъ о дѣтствѣ святого“¹⁾. Несмотря на то, все же задача разсмотрѣнія житій святыхъ въ качествѣ источника для исторіи русской школы и просвѣщенія не должна быть оставлена вовсе безъ вниманія. Положимъ, что житія святыхъ даютъ мало годнаго историческаго матеріала, но въ такой скудной матеріаломъ научной области, какъ исторія древне-русской школы и просвѣщенія, чрезвычайно важно всякое свѣдѣніе, вносящее сколько нибудь свѣта въ изучаемую сторону древне-русской жизни. Во-вторыхъ, понятіе „просвѣщенія“ въ примѣненіи къ исторіи древней Руси не должно быть принимаемо только въ узкомъ смѣслѣ общаго интеллектуальнаго развитія, знакомства съ общеобразовательными науками и искусствами. Кромѣ такого просвѣщенія, существуетъ просвѣщеніе религіозно-нравственное, состоящее въ усвоеніи правильныхъ понятій христіанской вѣры и жизни. Если по незнакомству агіографа съ дѣтскимъ и юношескимъ періодомъ жизни святого, онъ не можетъ дать свѣдѣній о школьной жизни послѣдняго, то это нисколько не мѣшаетъ вмѣсто того при описаніи монашескаго періода жизни святого обрисовать степень его просвѣщенности въ первомъ смѣслѣ этого слова и значеніе въ исторіи русскаго просвѣщенія, понимаемаго во второмъ смѣслѣ. Свѣдѣнія послѣдняго рода не могутъ быть вовсе опущены въ содержаніи житій: вѣдь, святые подвижники, какъ руководители религіозно-нравственной жизни монаховъ ли, мірянъ ли, тѣмъ самымъ необходимо являются распространителями религіозно-нравственнаго просвѣщенія. Отсюда, житія могутъ быть разсматриваемы въ качествѣ источника исторіи религіозно-нравственнаго учительства преимущественно русскаго монашества. Особенно это должно сказать о томъ отдѣлѣ каждаго житійнаго повѣствованія, который содержитъ „чудеса святого“, и который историческая наука признаетъ наиболѣе цѣннымъ въ историческомъ отношеніи²⁾. Наконецъ, пусть многія сообщенія имѣютъ шаблонный характеръ, будучи

¹⁾ Тамъ же, стр. 430.

²⁾ Ключевскій, тамъ же.

тождественны многимъ житіямъ, пусть нѣкоторыя свѣдѣнія просто сочинены авторомъ житія, но, вѣдь, и шаблонъ только тогда можетъ удержаться, если онъ не идетъ вполнѣ въ разрѣзъ съ наличной автору дѣйствительностью; но, вѣдь, и сочинять авторъ могъ только путемъ такого или иного перенесенія наличной дѣйствительности въ область прошедшаго. А если такъ, то житія, не выражая тѣхъ бытовыхъ условій, при которыхъ жило описываемое въ нихъ лицо, могутъ выражать тѣ условія, при которыхъ жилъ самъ авторъ житія.

Всѣ эти соображенія и побуждаютъ изслѣдователя Уставныхъ Чтеній при обслѣдованіи древне-русскихъ сборниковъ Уставныхъ Чтеній начать съ обзора тѣхъ сообщений по исторіи древне-русской школы и просвѣщенія, которыя даются однимъ изъ элементовъ этихъ сборниковъ — житіями святыхъ.

I.

Первый и основной вопросъ, предъявляемый ко всякой школѣ, есть вопросъ объ ея типѣ. Ученые изслѣдователи, предъявляя этотъ вопросъ къ древне-русской школѣ, даютъ неодинаковый отвѣтъ относительно двухъ періодовъ древне-русской исторіи: до-монгольскаго и послѣ-монгольскаго. Относительно перваго ученія мнѣнія, какъ извѣстно, расходятся. Одни ученые, во главѣ съ Карамзинымъ, утверждаютъ, что русская школа была во весь этотъ періодъ общеобразовательной школой, дававшей научное просвѣщеніе. Другіе склонны утверждать, что такого просвѣщенія русская школа никогда не давала. Среднее мѣсто занимаетъ между ними Е. Е. Голубинскій, утверждающій, что русская школа, хотя и давала научное просвѣщеніе, но лишь короткое время, въ самомъ началѣ исторіи христіанской Руси—при св. Владимірѣ и его сынѣ Ярославѣ. Изъ литературы древне-русскихъ житій къ указанному спору имѣютъ отношеніе три памятника: Кіево-печерскій Патерикъ, житія Евфросинія, княжны Полоцкой, и Евфросинія, княжны Черниговской.

Въ Кіево-печерскомъ Патерикѣ въ житіи Θεодосія есть

примѣчательное мѣсто: „и датися веля на ученіе божественныхъ книгъ единому отъ учитель, якоже и сотворивъ, скорѣ извыче вся грамматикія всѣмъ чюдитися о премудрости и разума дѣтища и о скоромъ его ученіи“¹⁾. Это мѣсто приводится Е. Е. Голубинскимъ въ качествѣ возможнаго подтвержденія его утвержденія о неудавшейся попыткѣ св. Владиміра ввести на Руси истинное школьное образованіе²⁾. Есть однако основанія думать, что указанное мѣсто совершенно не можетъ служить къ подтвержденію мнѣнія проф. Голубинскаго. Дѣло, во первыхъ, въ томъ, что выраженіе „грамматикія“, подъ которымъ Е. Е. Голубинскій разумѣтъ „всѣ науки“, возможно, не принадлежитъ автору житія, а есть позднѣйшая случайная поправка слова „грамоты“. По крайней мѣрѣ, въ древнѣйшемъ спискѣ житія Θεодосія, принадлежащемъ XII вѣку, вмѣсто выраженія „вся грамматикія“, стоитъ „вся грамоты“³⁾. Одна изъ отрицательныхъ инстанцій сознавалась самимъ проф. Голубинскимъ. Это именно то обстоятельство, что нельзя положительно сказать, что разумѣется въ житіи подъ словомъ „грамматикія“. Утвержденіе, что здѣсь должно разумѣть весь кругъ наукъ, есть утвержденіе въ сущности произвольное. Ссылка на греческое словоупотребленіе⁴⁾ даетъ право на пониманіе слова „грамматикія“ лишь въ смыслѣ грамотности и умѣнія съ пониманіемъ чи-

¹⁾ Изд. Яковлева въ „Памятникахъ русской литературы XII и XIII вѣковъ“. СПб. 1872. См. стр. IV. То же по харатейн. сп. Моск. Усп. Соб. въ изд. Общ. Ист. Древн. Россійскихъ. 1879 г. янв.—мартъ.

²⁾ Голубинскій. Исторія русской церкви т. I-й пол. 1, стр. 707, прим. 2.

³⁾ Патерикъ, изд. Яковлева, стр. IV житія, прим. 10; сравн. предисл. стр. 111. Подобное же явленіе наблюдаемъ и послѣ въ житіи св. Петра, митрополита, сост. Прохоромъ еп. Ростовскимъ: фраза „нача учити грамоту сію (текстъ у Макарія, Исторія Русск. Ц. т. IV прил. № 111, стр. 309) или „нача учитися грамотѣ“ (Славяно-русскій Прологъ. Изд. Пономарева ч. I стр. 197. СПб. 1896) замѣняется въ нѣкоторыхъ спискахъ: „нача учити грамматикію“ (тамъ же). Наконецъ, то-же наблюдаемъ и въ Пахоміевскомъ житіи Сергія Радонежскаго. Синодальный списокъ его вездѣ, говоря, согласно съ другими списками, объ ученіи „грамотѣ“, въ одномъ мѣстѣ въ разрѣзъ съ другими совершенно неожиданно вводитъ слово: „грамматикія“; здѣсь уже не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что это—просто безразличная для смысла случайная вариация. Житіе преп. Сергія, изд. арх. Леонидомъ, стр. 28. См. у насъ ниже.

⁴⁾ Тамъ-же.

татъ всякое письменное произведеніе. Что гораздо ближе къ истинѣ пониманіе слова „грамматикія“ въ смыслѣ наиболѣе близкомъ къ греческому, подтвержденіе этому мы имѣемъ въ житіи св. Евфросиніи Суздальской. Здѣсь мы имѣемъ такое мѣсто: „аще и не во Аѳинѣхъ учися блаженная, но афинейскія премудрости изучи, философію же и риторію, и всю грамматикію, числа и кругомъ обхожденія и вся премудрости ¹⁾. Все это перечисленіе наукъ несомнѣнно списанное изъ какихъ либо греческихъ характеристикъ, показываетъ, что греческое употребленіе слова „грамматикія“ было достаточно извѣстно нашимъ предкамъ. Отсюда же становится возможнымъ иное объясненіе литературнаго факта—появленія слова „грамматикія“, въ характеристикѣ образованности Θεодосія: это—не слѣдствіе нѣкоторой памяти о существовавшемъ у насъ первоначально настоящемъ просвѣщеніи ²⁾, а слѣды вліянія греческой письменности на образъ представленій и выражений русскихъ книжниковъ. Такимъ образомъ, „Патерикъ Печерскій“ не даетъ ничего для рѣшенія спора, и, въ частности, въ пользу мнѣнія Голубинскаго-Немного даютъ и два другихъ житія святыхъ, жившихъ въ домонгольскій періодъ: Евфросиніи Полоцкой и Евфросиніи Суздальской. Оба житія принадлежатъ періоду уже послѣмонгольскому—XV—XVI вв. ³⁾. Первое изъ нихъ „живостью и объемомъ біографическихъ чертъ заставляетъ предполагать у біографа какой нибудь болѣе древній источникъ“ ⁴⁾, однако же объ школьномъ образованіи святой ничего не находимъ здѣсь, кромѣ фразы: „бысть любящи ученіе, якоже чудитися отцу ея о толицѣ любви ученія ея“ ⁵⁾, да еще фразы, позволяющей думать, что образованіе продолжалось не далѣе 12 лѣтъ возраста ⁶⁾. Вмѣсто того, въ

¹⁾ Житіе Евфросиніи Суздальской по списку XVII в., прилож. къ кн. В. Георгіевскаго „Суздальскій Ризоположенскій женскій монастырь. Историко-археологич. описаніе. Владиміръ 1900 г. Приложенія, стр. 36.

²⁾ Голубинскій т. I. пол. I стр. 707 прим. 2.

³⁾ Ключевскій. Древне-русскія житія святыхъ, стр. 262 и 283.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 262.

⁵⁾ „Повѣсть житія и преставленія святыхъ и блаженныхъ и преподобныхъ Евфросиніи“ по рукописи сб. Троицкой Лавры. Памятники старинной русской литературы. Вып. IV, СПб. 1862 стр. 172—3.

⁶⁾ Житіе Евфросиніи Полоцкой, стр. 173.

житіиномъ разсказѣ находится одно случайное замѣчаніе, важное для характеристики русскаго школьнаго образованія того времени. Поселившись при церкви св. Спаса, Евфросинія посылаетъ ко отцу своему, князю Полоцкому, сказать: „пусти ко мнѣ сестру мою Гордиславу; да научится, рече, грамотѣ. Онъ же пусти ю къ ней. И по малѣхъ днѣхъ, продолжаетъ біографъ, присла отецъ къ ней, глаголя: пусти уже сестру свою ко мнѣ. Она же отвѣща: еще не извыче всей грамотѣ“. Въ связи съ указаннымъ раннимъ окончаніемъ ученія, приведенное мѣсто, какъ будто, свидѣтельствуешь, что даже для княжескаго семейства XII вѣка считалось достаточно школьное образованіе, ограничивавшееся однимъ наученіемъ грамотности. Но въ сущности по отношенію къ такимъ лицамъ, какъ члены княжескаго семейства, и не можетъ идти рѣчи о школьномъ образованіи въ собственномъ смыслѣ, понимая школу въ смыслѣ общественнаго института. Члены княжескаго дома обучались, конечно, отдѣльно отъ всѣхъ другихъ, у своихъ домашнихъ учителей, какъ и показываетъ примѣръ Гордиславы. Именно въ виду этого то обстоятельства нельзя сдѣлать никакихъ обобщеній изъ тѣхъ интересныхъ данныхъ, которыя мы имѣемъ въ житіи другой русской женщины, принадлежащей концу монгольскаго періода—Евфросиніи Суздальской. Выше было уже приведено наиболѣе интересное мѣсто изъ этого житія. Такъ какъ, навѣрное, перечисленіе наукъ, которымъ обучалась, будто бы, Евфросинія, списано съ какой либо греческой характеристики, то несомнѣнно историческій фактъ кроющійся подъ этимъ описаніемъ состоитъ, надо полагать, въ томъ, что Евфросинія получила выдающееся образованіе по иностранной греческой системѣ, которая для автора житія представлялась какъ нѣчто мало достижимое какъ „вся премудрости“. Но такое образованіе Евфросинія получила не отъ школьнаго какого либо учителя, а исключительнымъ образомъ. При дворѣ отца ея былъ исключительнымъ образомъ образованный бояринъ Θεодоръ. По утвержденію біографа, онъ былъ „мудръ зѣло“, потому что получилъ образованіе, „учился, отъ философовъ“. Что это за философы? Такъ какъ о существованіи своихъ философовъ, т. е. ученыхъ людей мы не имѣемъ свѣдѣній, то, значитъ, это были люди иностраннаго происхожденія. Очевидно, бояринъ Θεодоръ былъ одной изъ тѣхъ

русских личностей, которые пользовались для цѣлей своего образования помощью случайныхъ ученыхъ выходцевъ изъ грековъ, время отъ времени появлявшихся при княжескихъ домахъ. Самъ усвоивъ греческую образованность, онъ сдѣлался домашнимъ учителемъ дочери своего великаго князя, при чемъ дѣло обстояло такъ, что онъ преподавалъ ей лишь то, чего не могъ преподавать ей отецъ. Послѣдній обучалъ ее „книгамъ“, и прочимъ премудростямъ, т. е. зачаткамъ еллинской науки, которую повидимому самъ усвоилъ у Θεодора ¹⁾, а тотъ „недостаточная поучаше ей“ ²⁾, т. е. сообщалъ Евфросиніи, тогда Θεодулѣ, болѣе высшіе элементы науки, которыхъ не могъ, или не имѣлъ времени сообщить самъ отецъ. Домашнее обученіе Евфросиніи продолжалось около 6—7 лѣтъ, между 8—15 годами ея жизни. При выдающихся способностяхъ и любви къ образованію, которыми, по словамъ біографа, отличалась Θεодула, и которыя обуславливали ея быстрыя успѣхи, домашнее образованіе древне-русской княжны несомнѣнно должно было быть очень высоко. Къ сожалѣнію, біографъ больше ничего не говоритъ объ этомъ образованіи, да и при сообщеніи вышеприведенныхъ свѣдѣній буквально списываетъ съ житія Евфросиніи Полоцкой, давая тѣмъ поводъ заподозрѣвать ихъ историческую цѣнность ³⁾.

¹⁾ Сравни житіе, стр. 45.

²⁾ Житіе, 16.

³⁾ Фактъ буквального заимствованія становится несомнѣннымъ при сопоставленіи слѣдующихъ тирадъ изъ обонхъ житій.

Житіе Евфросиніи Полоцкой, стр. 712—3.

И толма бысть любящи ученіе, якоже чудитися отцу ея о толицѣ любви ученія ея.

Вѣсти же разшедшейся по вѣсѣмъ градомъ о мудрости ея и тѣлеснѣй утвари,—бѣ-бо лѣпа лицомъ, красота же ея многи славныи князи на любленіе приведе къ отцу ея: каждо ихъ тѣшася, дабы пояти ю въ жену сыну своему, и вѣсѣмъ часто присылающимся къ отцу ея, онъ же от-

Житіе Евфросиніи Черниговской, стр. 16.

И толма бысть любящи ученіе, яке чудитися родителемъ ея о толицемъ любви ученія ея.

Вѣсти же разшедшимся (sic!) повсюду о мудрости ея, и о скоромъ поученіи, и о тѣлеснѣй утвари ея, бѣша бо лѣпа отроковица вельми, красота ея многи на любовь привеле, яке пояти ю невѣсту сыномъ своимъ, и вѣсѣмъ служающимъ отцу ея, другъ другу варити хотя, и тѣ-

Во всякомъ случаѣ, житіе Евфросиніи Суздальской вноситъ нѣкоторое дополненіе въ гипотезу Е. Е. Голубинскаго. Вѣдь, если при дворѣ черниговскаго великаго князя были ученые греки, подъ спеціальнымъ именемъ „философовъ“, то для чего они были, какъ не для обученія русскихъ людей по крайней мѣрѣ придворнаго общества? А если такъ, то почему бы имъ не быть и при другихъ великокняжескихъ домахъ? Правда, какъ показываетъ житіе Евфросиніи Полоцкой, ихъ, навѣрное, не было при захолустныхъ удѣльныхъ княжескихъ домахъ и тамъ не помышляли ни о чемъ болшемъ кромѣ грамотности, но въ великихъ княженіяхъ, находившихся въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ съ Византіей, дѣло могло обстоять совершенно иначе. Отсюда, можетъ напрашиваться такое положеніе относительно школьной программы домонгольскаго періода: послѣ Владиміра Святого на Руси господствуетъ типъ школы грамоты, и только въ самомъ верху древне-русскаго общества, среди боярской аристократіи велико-княжескихъ столицъ, все еще время отъ времени появляются настоящіе ученые люди греческаго происхожденія, которые поддерживаютъ струю болѣе или менѣе научнаго образованія.

Въ періодъ *послѣ-монгольскій* типъ школы грамотности, по единогласному утвержденію историковъ, становится безусловно господствующимъ, единственнымъ типомъ русской школы. Наученіе грамотѣ при помощи священныхъ книгъ и для ихъ пониманія—такова задача и цѣль древне-русской школы до Петра Великаго. Древне-русскія житія святыхъ даютъ многочисленныя подтвержденія этого положенія.

Памятникъ 13 вѣка — житіе св. Авраамія Смоленскаго, ограничивается лишь одной фразой объ образованіи этого святого. Авторъ этого житія хотя „по близости къ святому не могъ не знать подробностей о его юности“, но „скрылъ ихъ подъ тѣми неопредѣленными чертами, которыми позд-

вѣщаваше: „воля Господня да будеть“

Единъ преодолѣвавшее славнымъ княженіемъ и богатствомъ...

щимся имъ, отвѣщаваше же отецъ ея, благочестивый великій князь Михаилъ, рече: воля Господня буди...

Единъ преодолѣвая вѣсѣхъ саномъ и гордостію величества отечества своего...

нѣйшіе слагатели житій прикрывали недостатокъ свѣдѣній о молодости святыхъ“¹⁾. Довольно неопредѣленно говоритъ онъ и объ школьномъ ученіи святого: „егда же бѣ отроча-темъ, въ возрастъ смысла пришедшу, родителя его даста книгамъ учити“²⁾.

Въ другомъ памятникѣ того же вѣка—житіи Варлаама Хутынскаго, точнѣе опредѣляется, какимъ книгамъ отдавали тогда учиться. „По времени вданъ бысть учитися божественнымъ книгамъ, тѣмъ же вскорѣ нѣкако, но ясно извыче божественныя писанія, елико мощи и толкованіемъ глаголати, яко и многолѣтнимъ разуму его дивитися и похвалити“³⁾.

Въ началѣ XIV вѣка Прохоръ, еп. Ростовскій, не имѣя свѣдѣній о жизни св. митрополита Петра на югѣ, не будучи въ состояніи „назвать ни матери его, ни мѣста рожденія святого, ни монастыря, гдѣ онъ постригся“⁴⁾, очерчиваетъ его школьное образованіе общею фразою: „нача учитися грамотѣ и вскорѣ навиче всей книжной премудрости“⁵⁾. На грани XIV и XV вѣковъ⁶⁾ митроп. Киприанъ, взявшись переработать сочиненіе Прохора, замѣнилъ первую половину фразы послѣдняго о школьномъ образованіи болѣе краткой: „вданъ бываетъ отрокъ родителема своими книгамъ учитися“. А что значить это „книгамъ учитися“, онъ объясняетъ дальше, поправляя вторую половину фразы: здѣсь обученіе книгамъ сводится къ тому же обученію грамотѣ, о которомъ говоритъ Прохоръ⁷⁾.

¹⁾ Ключевскій. Древне-русс. житія святыхъ, стр. 55.

²⁾ Житіе Авраамія Смоленскаго. Правосл. Соб. 1858 г., III, стр. 140.

³⁾ Памятники славяно-русской письменности, изданные археографическою комиссіею. Великія Минеи Четьи. Ноябрь дни 1—12 столб. 200. СПб. 1881 г. То-же по спискамъ общества Люб. Древ. Письм. Изд. Общ. Люб. Др. Письм. СПб. 1881 г. стр. 4; только здѣсь послѣ „но ясно“ вставка: „и не косно“. Въ спискахъ волок. сб. № 640 Моск. Дух. Ак. сокращено—„и Божіимъ книгамъ учився“ л. 99; № 634 л. 96: и божіимъ книгамъ научився“

⁴⁾ Ключевскій, Др. р. житія св., стр. 77; ср. стр. 76.

⁵⁾ Славяно-русскій Прологъ, Сент.-Дек. Изд. Пономарева, стр. 197. Сравни. Макарія, Истор. Р. Ц. т. IV прил. № III, стр. 308.

⁶⁾ Ключевскій Др. р. ж. св., стр. 88.

⁷⁾ Славяно-русскій Прологъ. Сент.—Декабрь. Изд. Пономарева, стр. 69—70. Подробнѣе объ этомъ см. у насъ ниже.

Въ первомъ или во второмъ десятилѣтіи XV вѣка¹⁾ инокъ Епифаній рассказываетъ о св. Стефанѣ, просвѣтителѣ Перми: „и еще дѣтищемъ сый, измлада вданъ бысть грамотѣ оучитию, онъ же вскорѣ извыче всю грамоту, яко до года, и конархайтнему чтецъ бысть въ сборнѣй церкви; бѣ оубо превзыде паче многихъ сверстниковъ въ родѣ своемъ... и бысть отрокъ... и грамотѣ прилежаще, и книгамъ всякимъ вычению издавсѣ. Ти тако Божіимъ дарованіемъ в малѣ много извыкнувшоу ему, естественною остротою ума своего, научи же ся въ градѣ Устьюзѣ всей грамотничнѣй хитрости и книжной силѣ“²⁾.

Вторая половина сообщенія относится, очевидно, не къ школьному образованію Стефана, а къ его самообразованію, когда онъ сталъ отрокомъ и чтецомъ великой церкви, и потому не можетъ характеризовать русской школы. Зато первая половина тою тѣсною связью, которою соединяется замѣчаніе объ ученіи грамотѣ съ извѣстіемъ о чтеніи въ церкви, даетъ понять, что обученіе грамотѣ шло по богослужебнымъ книгамъ. Этотъ намекъ въ срединѣ житія переходитъ въ прямое сообщеніе. Стефанъ Пермскій, обучая грамотѣ пермяковъ, конечно, долженъ былъ слѣдовать приѣмамъ, практиковавшимся на своей родинѣ, равно и біографъ его Епифаній, если бы не передавалъ здѣсь истины, то во всякомъ случаѣ сочинялъ бы не иначе, какъ перенося въ Пермь порядки русскіе. И вотъ что читаемъ мы о дѣятельности Стефана по части умственного просвѣщенія пермяковъ въ житіи. „И такъ тѣхъ (пермяковъ) научивъ православной вѣрѣ христіанской и съ женами ихъ и съ дѣтьми, и крести я... и научи ихъ грамотѣ ихъ Пермстей и всѣмъ имъ новокрещеннымъ мужемъ и оуношамъ и отрокомъ младымъ и малымъ дѣтищемъ заповѣда учити грамоту Часословецъ, явѣ, и Осмогласникъ и пѣсницу Давидову, но и вся прочая книги. Учащихся же ся грамотѣ, елицы отъ нихъ

¹⁾ „Слово о житіи и успеніи св. отца нашего Стефана, бывшаго въ Перми епископа“ по сб. XVI в. Синод. библ. въ „Памятн. стар. русск. лит.“ в. IV стр. 121. СПб. 1862. Тоже у Макарія, Истор. Р. Ц. т. IV прил. № XVIII стр. 342. По сп. волок. сб. Моск. Дух. Акад. № 640 л. 133 и об.: „вданъ бываетъ учитися божественнымъ писаніемъ, возрасту пришедшему бысть разумень зѣло и скоро грамоту извыче“.

²⁾ Слово о житіи Стефана. Тамъ же, стр. 135.

извыкоша святымъ книгамъ, и въ тѣхъ разбираше: овыхъ въ попъ поставляше, овыхъ же въ діаконы, другія же въ подъяконы, чтецы же и пѣвцы, пѣтіе имъ перепѣвая и перелагая и писати научая ихъ Пермскія книги“¹⁾. Такимъ образомъ, св. Стефанъ въ виду особыхъ задачъ своей школы обучалъ и церковному пѣнію.

Въ твореніи того же инока Епифанія—житіи преп. Сергія Радонежскаго, написанномъ нѣсколькими годами позже, находится подтвержденіе того же положенія, что обученіе въ древне-русской школѣ ограничивалось наученіемъ читать, возможно бѣгло, богослужебныя и вообще священныя книги. Когда по исполненіи семилѣтняго возраста, родители, рассказываетъ въ житіи Сергія, „вдаша его грамотѣ учити“ вмѣстѣ съ братьями Стефаномъ и Петромъ, то оказалось, что „Стефану и Петру спѣшно изучившу грамоту, сему жъ отроку не скоро выкнуша Писанія, но медленно нѣкакъ и не прилежно“²⁾. По смыслу этого противоположенія выходить, что для біографа изучить грамоту или, какъ въ иныхъ спискахъ, „извыкнута“³⁾ грамотѣ и „навыкнута писанію“ было понятіями тождественными. Синодальный списокъ опредѣленно указываетъ, какому именно писанію учился Сергій, когда, передавая разговоръ отрока Сергія со встрѣчнымъ инокомъ, во фразѣ: „возлюби душа моя въжелѣти паче всего учити грамоту сію, еже и вданъ быхъ учитися“—замѣняетъ выраженіе „грамоту сію“ выраженіемъ „Божественное писаніе“⁴⁾. При передачѣ той же бесѣды этотъ списокъ отождествляетъ понятіе грамоты съ понятіемъ „ученія книжнаго“⁵⁾, и „книжнаго разумѣнія“⁶⁾; умѣнье грамотѣ—съ книжнымъ разумѣніемъ⁷⁾, книжнымъ разумомъ⁸⁾. При-

¹⁾ Слово о житіи Стефана. Тамъ же, стр. 135.

²⁾ Житіе Преп. и Богоносн. отца нашего игумена Сергія Чудотворца списано бысть отъ премудрѣйшаго Епифанія. Изд. по троицкимъ спискамъ XVI в. съ разночтеніями изъ Синод. списка Макарьевскихъ Четивхъ Миней арх. Леонидомъ СПб. 1885 г. стр. 23; то же по рукописи № 208 Моск. Дух. Ак. л. 30.

³⁾ Синод. сп. Макар. Чет. Миней. Тамъ же, прим. 3.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 25 прим. 2.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 25 прим. 4.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 27 прим. 1.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 26 прим. 1.

⁸⁾ Тамъ же, стр. 28 прим. 3.

мѣчательнень рассказъ о томъ, чѣмъ окончилась бесѣда со старцемъ. По приглашенію Сергія, тотъ вошелъ въ домъ родителей отрока, но прежде чѣмъ возсѣсть за предложенную трапезу, „вниде въ храмъ молитвенный, еже есть въ часовницу, поимъ съ собою освященнаго во утробѣ отрока, и начать часы пѣти, повелѣ же сему отроку псаломъ глаголати; отрокъ же рече: азъ не умѣю того, отче. Старецъ же рече: рѣхъ, яко отъ сего дне даруетъ ти Господь умѣти грамоту; тыжъ глаголи слово Божіе безъ сумнѣнія. Тогда бысть сице во удивленіе: отрокъ, примъ благословеніе отъ старца, начать стихословити зѣло добрѣ и стройнѣ, и отъ того часа гораздъ бысть зѣло грамотѣ (по синод. сп. „книжному писанію“)¹⁾. Итакъ умѣть „псаломъ глаголати“ это уже значило „умѣть грамотѣ“; если человекъ могъ „стихословити зѣло добрѣ и стройнѣ“, то это уже значило, что онъ „гораздъ бысть зѣло грамотѣ“. Уходя, старецъ обѣщаетъ, что отрокъ будетъ умѣть „всю грамоту“; толкуя свое обѣщаніе въ томъ смыслѣ, что тотъ будетъ разумѣть „вся прочая“, помимо часослова, „святыя книги“, или, какъ отождествляетъ синодальный списокъ житія, „вся божественныя писанія“²⁾. И дѣйствительно, рассказываетъ далѣе, „по отшествіи же того старца обрѣтесе отрокъ внезапно отгуду добрѣ умѣа, примѣнися страннымъ образомъ, и куюждо разгнетъ книгу, ту абіе добрѣ чтыи да разумѣетъ“³⁾. Итакъ, умѣть правильно и безъ запинокъ—„добрѣ“ прочесть изъ любой книги, „куюждо разгнетъ“, съ разумѣніемъ смысла прочитаннаго—вотъ идеальная ступень грамотности древнерусскаго юноши, по представленію инока Епифанія, блестящаго русскаго писателя начала XV в., представителя книжнаго образованія своего времени⁴⁾, за свою образованность получившаго имя „премудраго“

¹⁾ Тамъ же, стр. 26—7.

²⁾ Тамъ же, стр. 28 и прим. 2.

³⁾ Житіе Сергія, изд. Леонидомъ стр. 28; то же по сборн. митр. Макарія въ прилож. № XX къ IV т. Истор. Р. Ц.; только вмѣсто: „да разумѣетъ“ поставлено (и повидимому правильно) „разумѣяше“. Ср. рукоп. Москов. Духов. Академіи № 634, лл. 3 об.—6; спис. Макар. Четив Миней 25 сент. Изд. Археогр. Комм. ст. 1404—1463.

⁴⁾ Ключевскій, Др. р. ж. св., стр. 89.

Другой знаменитый и самый плодовитый составитель житий, *сербъ Пахомій* естественно ничего не даеть новаго для характеристики программы древне-русской школы. Въ житіи митрополита Алексія, составленномъ около 1450 г. ¹⁾, онъ ограничивается стереотипною фразой—„также, времени приспѣвшу, и книжному ученію вданъ бываетъ“ ²⁾.

Къ подобнаго же рода стереотипнымъ фразамъ прибѣгаетъ Пахомій въ двухъ житіяхъ новгородскихъ архіепископовъ Евѣмія и Моисея—второй четверти XV вѣка, и въ житіи Кирилла Бѣлозерскаго третьей четверти того же вѣка: „и времени пришедшу, вданъ бываетъ учиться божественнымъ книгамъ; тѣмъ же тому спѣшнѣ писанія извыкшу“ ³⁾... извыче священнаго Писанія ⁴⁾... и „божественному писанію извыкшу“ ⁵⁾. Къ тому же XV вѣку относятся: сказаніе (во второй редакціи) о Михаилѣ Ярославичѣ Тверскомъ и другое сказаніе о Михаилѣ Александровичѣ Тверскомъ же. Первый, по словамъ сказанія, былъ наученъ въ дѣтствѣ „святымъ книгамъ и всякой премудрости“ ⁶⁾, второй „вданъ бысть честною его матерью Настасіей къ митрополиту Киевскому Феогносту на ученіе святымъ книгамъ, и добры извыче святыхъ книги и писаніе“ ⁷⁾. Въ житіяхъ того же вѣка—Арсенія, еп. Тверскаго и Ионы, архіеп. Новгородскаго встрѣчаемъ совершенно сходныя замѣтки, что святой вданъ былъ „наказатися священнымъ книгамъ“ ⁸⁾, или „въ науче-

1) Ключевскій, Др. р. ж. св., стр. 121 и 136.

2) По спискамъ ИМПЕРАТ. Публичной Библиотеки Изд. Общ. Люб. Др. Письм. IV СПб. 1877—78 стр. 26—27. То же по сокращ. списку Волок. сб. Москов. Дух. Академіи № 634 л. 170: „та же времени бывшу и книжному ученію вданъ бываетъ“.

3) Житіе Евѣмія, архіеп. Новгородскаго по списку Соф. библ. въ Памятн. стар. русск. лит. IV стр. 17.

4) Житіе Моисея, архіеп. Новгородскаго по списку XVII в. въ сокращ. ред. въ Памятн. стар. р. лит. IV стр. II.

5) По списку Московск. Дух. Акад. рук. № 208 л. 381 об.

6) Сказаніе помѣщено въ „Полн. Собр. Русск. Лѣт.“, т. I, см. стр. 207. Сравн. Житіе, изд. Моск. Синод. Типогр. 1798 г. л. 4.

7) Сказаніе помѣщено въ „Полномъ собраніи русск. лѣтописей“, т. XV, см. стр. 467.

8) По рук. Волок. сб. Московск. Дух. Акад. № 632 л. 32. То же по сп. сб. Соф. библ. XVI в. въ Памятн. стар. р. лит. IV стр. 28 и по сп. Макарьевскихъ Чет. Миней. Изд. Арх. Комм. Ноябрь, дни 1—12, столб. 163—4.

ніе книжное“ ¹⁾. Житіе Дмитрія Прилуцкаго выражается образно, что святой отъ своихъ родителей „воспитанъ бысть... незыблующимъ вкупѣ млекоу отъ божественнаго писанія... измлада поучаяся священнымъ книгамъ“ ²⁾.

Въ самомъ концѣ XV или началѣ XVI вѣка авторъ житія св. Григорія Пелшемскаго, говоря о дѣтскихъ годахъ святого, буквально выписываетъ изъ житія св. Дмитрія Прилуцкаго ³⁾. Въ то же время авторъ житія св. Зосимы и Савватія пишетъ о Зосимѣ риторически напыщенно: „преспѣвающу же отроку возрастомъ, учимъ бываетъ священнымъ книгамъ, приобрѣтаетъ отсюду великая юный, погружаяся въ любовь писанія, исходя во глубину мыслей божественныхъ, обрѣтаетъ бисеръ разума“ ⁴⁾.

Рядъ житійныхъ памятниковъ XV вѣка ⁵⁾, заключающихъ извѣстія о русской школѣ, заканчивается житіемъ Пафнутія Боровскаго съ его чрезвычайно краткой замѣткой о святомъ, что онъ въ опредѣленный возрастъ „навыцаетъ божественное писаніе“ ⁶⁾.

Новый рядъ житій—Макарьевскаго періода ⁷⁾, начинается оригинальнымъ сообщеніемъ писателя житія Евѣросина Псковскаго. Повторяя дословно замѣтку автора житія Варлаама Хутынскаго объ этомъ новгородскомъ святомъ: „и по времени вданъ бываетъ родителями своими учиться божественнымъ книгамъ, вскорѣ нѣкако ясно извыче божественныя писанія, елико мощи ему и толкованіемъ глаголати... яко и многолѣтнымъ разуму его дивитися и похвалити“, писатель житія Евѣросина вставляетъ отъ себя послѣ фразы: „и толкованіемъ глаголати“ слѣдующія выраженія: „и инѣми

1) Житіе Арсенія, изданное по „древнимъ рукоп. книгамъ“ и „изъ напечатанныхъ“ Тверскимъ Желтиковымъ монастыремъ въ 1764 г. л. 2.

2) Рукоп. Волок. сб. Московск. Дух. Акад. № 640 л. 48.

3) Макарьевскія Чет. Миней Изд. Арх. Комм. Сентябрь дни 25—30 столб. 2269. То же въ „Славяно-русс. Прологъ“, изд. Пономарева стр. 28.

4) По списку Солов. библ. Казанск. Дух. Акад., напечат. въ Правосл. Соб. 1859 г. стр. 354. Но въ текстѣ житія, изд. Моск. Синод. Типогр. (1830 г.), заимствованномъ изъ Четыхъ Миней и „древнихъ въ монастырѣ обрѣтающихся харатейныхъ книгъ“, просто: „и воспитанъ отрокъ въ книжномъ ученіи“. л. 9 об.

5) См. Ключевскій. Др. р. ж. св., стр. 204.

6) По сп. Волок. сб. Московск. Дух. Акад. № 659 л. 113 об.

7) Ключевскій. Др. р. ж. св., стр. 250.

писаньями, и философскую мудрость извыче“¹⁾. Но было бы преждевременно заключать отсюда о какомъ либо научномъ образованіи Евфросина. Какъ видно изъ послѣдующей характеристики инока Іова Стояна²⁾, подѣ понятіемъ философской „мудрости“ биографъ Евфросина мыслилъ ни что другое, какъ „протолюкованіе всякаго писанія, ветхаго и новаго завѣта, способность „много повѣствовати отъ писанія и много протолюковывать силу книжную“³⁾. За исключеніемъ этой оригинальной прибавки, приведенная характеристика повторяется почти буквально и въ житіи Нифонта, еп. Новгородскаго: „и вданъ бываетъ родителями своими учитися божественнымъ книгамъ. И абіе вскорѣ нѣкако извыкшу книжное ученіе“...⁴⁾ По памятнику половины XVI вѣка⁵⁾, Александръ Свирскій отдается родителями „въ наученіе божественнаго Писанія“⁶⁾, а по другому списку „въ наученіе грамотъ святымъ книгамъ“⁷⁾. Не успѣвая въ ученіи, отрокъ, будущій подвижникъ, молится Богу, такъ опредѣляя высшую задачу своего школьнаго ученія: „да просвѣтитъ (Господь) мнѣ умъ и очи сердечніи свѣтомъ Божества своего“⁸⁾, разумѣти ученіе Божественнаго писанія, еже учитель ми сказуетъ“⁹⁾. Результатомъ молитвы является то, что онъ, „вскорѣ безъ труда изучися божественнаго писанія и превзыде всѣхъ сверстниковъ своихъ“¹⁰⁾. Около того же времени второй редакторъ житія Авраамія Ростовскаго вставляетъ скудную фразу: „бѣ бо... и... книжному ученію наказанъ бысть“¹¹⁾. Въ

¹⁾ По рукописи Лаврск. библ. № 205 и рук. ИМПЕР. Публ. Библ. № 70. Изд. въ „Памятн. стар. р. лит. IV, стр. 69; То же и по рук. Вол. сб. М. Д. А. № 632 л. 460.

²⁾ Пам. стар. р. лит., IV, стр. 81; Рук. Моск. Д. Ак. № 132.

³⁾ Но что такое: „инѣми писаньями“—трудно сказать чтолибо опредѣленное.

⁴⁾ По рук. XVII в. въ Памят. стар.-р. лит. IV, стр. 2.

⁵⁾ Ключевскій Др.-р. ж. св. стр. 262.

⁶⁾ Житіе по изд. Св. Синода СПб. 1818 г. л. 4: „вдаша его родители въ наученіе Божественнаго Писанія“.

⁷⁾ По сп. Волк. сб. Моск. Дух. Акад. № 632 л. 209: „и даша въ наученіе грамотъ святымъ книгамъ“.

⁸⁾ По сп. Вол. сб. № 632 л. 209 вставка: „и да подасть“.

⁹⁾ Жит. изд. Св. Синода 1818 г. л. 4, по сп. Моск. Ак. л. 209.

¹⁰⁾ Тамъ же.

¹¹⁾ По рук. С.-Петербур. Дух. Ак. № 271 прил. въ Истор. Русской Церкви Макарія г. I. СПб. 1889 г.; прил. № 2, стр. 262. Въ краткой редакціи ранѣйшаго времени этой фразы нѣтъ. Слав.-Русск. Прол., изд. Пономарева стр. 43; то же по сп. рук. Московской Духовной Академіи № 208 л. 221.

житіи Евемія Суздальскаго читается помѣтка: „и вдаста его на ученіе святыхъ и Божіихъ душеполезныхъ писаній. Блаженный же отрокъ, съ сердечною радостію послушая родителей своихъ, съ великимъ прилежаніемъ уча божественная писанія съ сверстники своими“¹⁾. Въ житіи Макарія Калязинскаго въ томъ же родѣ: „вдаху его родителя въ наученіе грамотъ, отрокъ же добрѣ навиче отъ божественныхъ писаній“²⁾.

Въ общемъ скудный интересующими насъ сейчасъ свѣдѣніями рядъ житій Макарьевскаго періода заканчивается важнымъ сообщеніемъ житія св. Іосифа Волоколамскаго. Здѣсь опредѣленно указывается, въ какомъ порядкѣ шло ученіе „божественнымъ книгамъ“. Отданный на ученіе грамотъ, Іосифъ „учашеся разумно и всѣхъ сверстниковъ превзыде; *единимъ годомъ изучи псалмы Давидовы, на другой годъ вся божественная писанія навиче*; и въ святой церкви чтець бысть и пѣвецъ“³⁾. Такимъ образомъ, въ школѣ времени автора житія Іосифова сначала учили грамотъ, или искусству читать по псалтири. Искусство это давалось не скоро: по крайней мѣрѣ, даже для людей съ выдающимися талантами требовалось годъ времени, для остальныхъ такая быстрота была недостижима. Научившійся читать по псалтири приучался къ чтенію другихъ книгъ „божественныхъ“. Счастливое сочетаніе термина „извыче вся божественная писанія“ съ указаніемъ времени, которое требовалось для этой цѣли, раскрываетъ самый смыслъ этого термина. Школьникъ, только что въ первый годъ научившійся бойко читать по псалтири, конечно ничего большаго не могъ достигнуть въ такой короткій промежутокъ времени, какъ годъ; никакъ иначе не могъ „извыкнута вся божественная писанія“, какъ въ смыслѣ бойкаго чтенія всякой книги.

Во второй половинѣ XVI в. монахъ Сійскаго монастыря Іона⁴⁾, характеризуя школьное образованіе Антонія Сійскаго, словами⁵⁾: „по времени же вданъ бываетъ въ наученіе

¹⁾ По сп. Волк. сб. Московской Духовной Академіи № 490 л. 250.

²⁾ По сп. Вол. сб. Моск. Дух. Акад. № 632 л. 138.

³⁾ По сп. Макарьевск. Четивхъ Миней. Изд. Арх. Комм. Сент. 9, столб. 455. То же въ Слав.—Русск. Прол. Изд. Пономарева стр. 160. Но по сп., изд. Невоструевымъ (М. 1865 г. стр. 5), просто: „сему же отъ юнна возраста священныя книги извыкшу“.

⁴⁾ Ключевскій Др. р. ж. св., стр. 300.

⁵⁾ Житіе Антонія по Слав.—Русск. Прол., изд. Пономаревымъ, стр. 65.

книгамъ, яко же обычай имать дѣтємъ, и благодатію Христовою навыче скоро и превзыде всѣхъ сверстникъ своихъ“, въ другомъ своемъ житіи—Варлаама Вожескаго ¹⁾ совершенно уклоняется отъ какихъ либо сообщеній въ указанномъ родѣ.

Въ рукописяхъ XVI—XVII вв. сохранилось житіе св. Антонія Римлянина. Такъ какъ авторъ житія не былъ очевидцемъ или даже только современникомъ святого, то замѣтка объ образованіи святого, которое тотъ будто бы получилъ въ Италіи, можетъ выражать лишь взглядъ самого автора на образованіе. Здѣсь къ тому же мы читаемъ о школьномъ образованіи все ту же стереотипную фразу: „преподобный... навыче грамотъ“ ²⁾.

На грани XVI и XVII столѣтій въ житіи митр. Филиппа авторъ ничего иного не можетъ сказать объ его школьномъ образованіи, кромѣ витіеватаго замѣчанія: „по времени же родители его своимъ изряднымъ предстательствомъ повелѣваютъ его вруčiti художной хитрости, еже божественному писанію, въ томъ же онъ со всякою своею сердечною правостію повседневно во благомъ томъ училищи... ясно вразумляется книжному ученію“ ³⁾.

Въ житіи Паисія Углицкаго 1610 г. ⁴⁾ встрѣчаемъ замѣтку: „воспитанъ же бывъ въ добромъ наказаніи и Божественнымъ книгамъ наученъ“ ⁵⁾. О Макаріи Желтоводскомъ житіе утверждаетъ: „егда же устрабившу отроку и родителя его власта на ученіе грамотъ, Богу же помогающе ему, и бысть стройно ученіе книжное отрока, и не токмо книжному ученію прилежа отрокъ, наипаче заповѣди Божія ⁶⁾“.

Никодимъ Кожеезерскій, по житію, научился грамотъ, уже поступивъ въ монастырь: „таже архимандритъ Пафнугій научи его и божественному писанію“ ⁷⁾.

¹⁾ По рук. Троиц. Лавры № 677, изд. А. Григоровичемъ (М. 1887 г.), стр. 12.

²⁾ Житіе, изд. Правосл. Собес. 1858 г. ч. II стр. 160. См. Ключевскій Др. р. ж. св. стр. 306—310. Также Кадлубовскій, „Очерки по исторіи древнерусской литературы житій святыхъ“. Варшава 1902 г. стр. 1—43. Голубинскій, Истор. Р. Ц. т. I пол. II, стр. 590—591 М. 1904 г.

³⁾ По сп. Волок. библ. Московской Духовной Академіи, рук. № 660 л. 42 и об.

⁴⁾ Ключевскій Др. р. ж. св., стр. 317.

⁵⁾ Житія, изд. Яросл. Епарх. Вѣд. 1873 г. № 16 стр. 128.

⁶⁾ По сп. Московской Синодальн. Библиот., нынѣ хран. въ библ. М. Д. А.

⁷⁾ Житіе, изд. Прав. Себ. 1865 г. ч. I. 211; рук. № 346 л. 25.

Княгиня Анна Кашинская, по житію, „научена“ была „божественному писанію“ ¹⁾.

Интересное показаніе даетъ житіе Мартирія Зеленецкаго ²⁾. „Достигну ему, читаемъ здѣсь, осмаго лѣта возраста своего, влаща родители его въ наученіе грамотъ. Сему же книжное ученіе бѣ неспѣшно. Егда же изучися псалмомъ, тогда родители его отъ житія сего преставистася къ Богу“ ³⁾. Здѣсь снова выступаетъ предъ нами Псалтирь, какъ начальная учебная книга русской школы. Въ житіи Елеазара Анзерскаго снова стереотипная замѣтка: „вданъ бысть въ наученіе божественныхъ писмъ и добръ навыче благодатію Божіей“ ⁴⁾. То же читаемъ въ житіи Θεодора Ростовскаго около половины XVII в. ⁵⁾: „вданъ бысть родителями въ наученіе грамотъ.... оному же вскорѣ извыкшу“ ⁶⁾. Послѣднее изъ ряда житій, сообщающихъ о русской школѣ,—житіе Діонисія, архимандрита Троицкаго, писано со словъ лицъ, обучавшихъ его грамотъ — „отъ нихъ же и грамотъ наученъ бысть“ ⁷⁾. Самъ авторъ житія Симонъ Азаринъ показываетъ, что имѣетъ представленіе о томъ, каковъ долженъ быть наиболѣе совершенный способъ образованія, когда проситъ: „простотѣ писанныхъ словесъ не дивися, яко во училищахъ философскихъ не бѣхъ, ниже грамматическія хитрости навыхохъ“ ⁸⁾ и однако объ образованіи Діонисія Симонъ говоритъ только, что онъ, „грамотъ изучился“ ⁹⁾.

Второй важнѣйшій вопросъ, который долженъ поставить изучающій исторію русской школы и просвѣщенія послѣ вопроса объ ея типѣ, это—вопросъ о распространенности школъ въ разныхъ концахъ Руси. Житійная литература не можетъ здѣсь дать полнаго и съ точнымъ разграниченіемъ по періодамъ перечня мѣстечекъ, гдѣ имѣлись школы, но

¹⁾ По сп. рук. Моск. Дух. Ак. № 349 л. 27.

²⁾ Ср. Ключевскій, Др. р. ж. св., стр. 346.

³⁾ Житіе, изд. въ Памятн. стар. русск. лит. IV стр. 52.

⁴⁾ Житіе, изд. Правосл. Соб. 1860 г. ч. I, стр. 103.

⁵⁾ Ключевскій. Др. р. ж. св. стр. 353. Ср. Яросл. Епарх. Вѣд. 1873 г. № 37. стр. 302.

⁶⁾ Житіе, изд. въ Яросл. Епарх. Вѣд. 1873 г. № 32.

⁷⁾ Житіе, изд. Москов. Синодал. Типогр.; изд. 2 (М. 1875 г.), стр. 6.

⁸⁾ Тамъ же стр. 5.

⁹⁾ Тамъ же стр. 8.

она может все таки указать целый ряд городов и селений, где в разные периоды русской истории находились школы.

О существовании школ в Киевѣ не может быть сомнѣнія. Житийная литература съ своей стороны иллюстрирует это положеніе нѣсколькими фактами.

Въ житіи Бориса и Глѣба сообщается, что они „были грамотѣ научены“ ¹⁾, но это могло произойти, навѣрное, только въ Киевѣ. Во второй половинѣ XI вѣка близъ Кіева или, быть можетъ, въ самомъ Киевѣ учился Нифонтъ Новгородскій ²⁾.

Въ первой половинѣ XII вѣка въ Киевѣ учился пр. Варлаамъ Хутынский ³⁾ (+1193), а въ XIV вѣкѣ Стефанъ Махрицкий ⁴⁾. Въ области Великаго Новгорода, по показанію житій, имѣлись школы въ послѣдней четверти XIII-го столѣтія, когда былъ отрокомъ архіепископъ Моисей ⁵⁾. Въ половинѣ XIV вѣка здѣсь учился юродивый Феодоръ ⁶⁾. Житіе архіеп. Евѣимія, избраннаго на кафедру въ 1430 году ⁷⁾, свидѣтельствуетъ о существованіи школы въ Новгородской области въ послѣдней четверти XIV вѣка. Въ самомъ концѣ XIV или въ началѣ XV вѣка учился въ Новгородѣ архіеп. Іона ⁸⁾. Въ половинѣ XV вѣка въ Новгородскихъ предѣлахъ, въ родной деревнѣ въ Обонежѣ учился Александръ Свирскій ⁹⁾. Въ области знаменитаго пригорода Новгорода—Пскова въ самомъ концѣ XIV или началѣ XV учился преп. Евфросинъ ¹⁰⁾. Житіе Мартирія Зеленецкаго

¹⁾ Голубинскій. Истор. Русск. Церкви I т. I пол. стр. 707.

²⁾ Житіе въ Памятн. стар. русск. лит. IV, стр. 2.

³⁾ Житіе по рук. Московск. Дух. Акад. № 634.

⁴⁾ Филаретъ. Русскіе святые. Июль, подъ 14 числомъ.

⁵⁾ Архіеп. Моисей уже въ 1324 году былъ посвященъ въ санъ архіепископа. Если полагать ему въ это время около 40 л. что необходимо, такъ какъ до этого онъ былъ еще архимандритомъ въ Юрьевѣ Монастырѣ, то годы его отрочества падаютъ на 80—90-е годы XIII столѣтія.

⁶⁾ Филаретъ. Русскіе святые. Июнь стр. 84.

⁷⁾ До избранія онъ основалъ пустынь на урочищѣ Вяжиги, а умеръ въ 1458 г. Если полагать его жизни отъ 60 до 80 лѣтъ, то отроческіе годы его падаютъ на 70—80 годы XIV столѣтія.

⁸⁾ Умеръ въ 1471 году, а рукоположенъ въ 1459 г.

⁹⁾ Въ 1474 году онъ принялъ уже постриженіе. Ср. Соболевскій, Образованность Московской Руси въ XV—XVII ст., стр. 14

¹⁰⁾ +1481 году, 95 лѣтъ отъ рожденія. См. „Книга глаголемая описаніе о російскихъ святыхъ“. Дополнилъ графъ М. В. Толстой М. 1887 г., стр. 52.

свидѣтельствуетъ о существованіи школы въ Великихъ Лукахъ. Въ древнемъ Смоленскѣ въ XII—XIII вѣкахъ учился преп. Авраамій ¹⁾.

Во Владимірѣ въ началѣ XIV вѣка учился Пахомій Нерехтскій ²⁾.

Въ Москвѣ въ началѣ того же XIV вѣка учился отрокъ Елевѣрій Плещеевъ, послѣ митрополитъ Алексій ³⁾; въ концѣ XV вѣка,—навѣрное, Корнилій Комельскій ⁴⁾, а въ началѣ XVI вѣка—Феодоръ Колычевъ, послѣ митроп. Филиппъ; однако нельзя съ твердостію сказать, чтобы Алексій и Филиппъ учились въ училищѣ, т. е. у одного со многими другими дѣтьми учителя, а не дома у своихъ домашнихъ учителей. Въ близъ лежавшемъ отъ Москвы Радонежѣ были училища въ 20 годахъ XIV столѣтія и въ началѣ XVI столѣтія, когда тамъ учились преп. Сергій ⁵⁾ и Гурій, архіепископъ Казанскій ⁶⁾. Въ селѣ Пехорка въ двадцати поприщахъ отъ Москвы учился Серапіонъ, архіеп. Новгородскій ⁷⁾. Около Москвы же, хотя неизвѣстно въ какомъ крестьянскомъ поселкѣ, въ 40 годахъ XV столѣтія учился Кириллъ Бѣлозерскій ⁸⁾. Приблизительно въ тѣхъ же годахъ велось обученіе дѣтей въ Волоколамскомъ Воздвиженскомъ монастырѣ ⁹⁾. Городъ Старица въ одномъ изъ своихъ училищъ во второй половинѣ XVI вѣка имѣлъ отрока Давида, послѣ архимандрита Троицкой Лавры Діонисія ¹⁰⁾. Въ Переяславлѣ Залѣсскомъ было училище въ первой четверти XIV вѣка, въ которомъ учился Димитрій Прилуцкій ¹¹⁾.

Въ началѣ XV вѣка въ одной изъ школъ города Боровска

¹⁾ Ключевскій. Др. р. ж. св., стр. 56. Житіе, Правосл. Собес. 1858 г.

²⁾ Филаретъ. Русскіе святые. Мартъ стр. 119. Черниговъ 1862 г.

³⁾ Житіе по сп. Московск. Дух. Акад. л. 168.

⁴⁾ Филаретъ. Русскіе святые. Май стр. 124.

⁵⁾ Житіе, изд. Леонидомъ. Сравн. Голубинскій „Преподобный Сергій и созданная имъ Троицкая Лавра“, стр. 3—4. Серг. Посадъ 1892 г. (То же и во второмъ изданіи).

⁶⁾ Книга, глаголемая описаніе о рос. святыхъ, стр. 250.

⁷⁾ Филаретъ. Русскіе святые. Мартъ подъ 16 числомъ.

⁸⁾ Житіе по рук. Московск. Дух. Акад. № 208 л. 381 об.

⁹⁾ Житіе Іосифа Волоколамскаго. Макарь. Четырѣ Минен. Изд. Арх. Комм. Сент., 9 число, столб. 455—456.

¹⁰⁾ Житіе Діонисія. Изд. Моск. Синод. Типогр., стр. 6.

¹¹⁾ Житіе по рукописи Моск. Дух. Ак. № 640 л. 48.

учился Пафнутий Боровский ¹⁾. В началѣ слѣдующаго вѣка въ городѣ Галичѣ учился Григорій, игумень Пельшемский ²⁾. По житію Авраамія Ростовскаго выходитъ, что еще въ началѣ XI вѣка была школа въ Чухломѣ Галицкой области ³⁾. Близъ же Галича, въ помѣстьи своего отца, учился въ началѣ XVI вѣка Иона, митроп. Московскій, хотя, навѣрное, не въ училищѣ, а у домашняго учителя ⁴⁾. Близъ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря въ XV вѣкѣ было училище, гдѣ учился Мартиніанъ Бѣлозерскій ⁵⁾. Около половины XV вѣка ⁶⁾ въ области вологодской, неизвѣстно точно, въ какомъ мѣстѣ, учился Стефанъ Комельскій.

Житіе преп. Паисія Углицкаго свидѣтельствуетъ о существованіи школы, если не въ такомъ глухомъ мѣстечкѣ, какъ село Богородское Нерехитскаго стана, то, во всякомъ случаѣ, въ Угличѣ ⁷⁾. Въ 60-хъ годахъ XIV столѣтія, по свидѣтельству житія Евѣимія Суздальскаго, была школа въ Нижнемъ Новгородѣ ⁸⁾. Въ томъ же городѣ школа существовала и въ 50—60 годахъ того же вѣка, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ житіе Макарія Желтоводскаго ⁹⁾.

Въ началѣ XV вѣка была школа въ городѣ Кашинѣ Тверской области, или же въ близъ лежавшемъ с. Грибковѣ, гдѣ учился Макарій Калязинскій ¹⁰⁾.

¹⁾ Житіе по рук. Моск. Дух. Ак. № 659 л. 113—14.

²⁾ Филаретъ. Русскіе святые, Апрель, подъ 11 числомъ.

³⁾ Славян.-Русск. Прологъ. Изд. Пономарева. Сентябрь стр. 28. Ср. Ключевскаго, Др.-р. ж.-св., стр. 37 и Макарьевскую (3-ю) редакцію житія Авраамія. Ср. у Ключевскаго, тамъ же, стр. 34.

⁴⁾ Слав.-Русск. Прол., изд. Пономарева, Мартъ; также Филарета, Русскіе святые.

⁵⁾ См. Житіе по рук. Моск. Дух. Акад. № 564 л. 219.

⁶⁾ Книга, глаголемая описаніе о російскихъ святыхъ, стр. 121. Житіе, изд. Общ. Люб. Др. Письменности, стр. 6.

⁷⁾ Паисій жилъ въ селѣ Богородскомъ, но житіе не говоритъ опредѣленно: здѣсь ли учился Паисій, или же въ городѣ Угличѣ, съ которымъ отецъ Паисія имѣлъ самыя живыя сношенія, какъ слуга Угличскаго князя Андрея Васильевича. Житіе см. Яросл. Епарх. Вѣдом. 1875 г. № 16 стр. 128.

⁸⁾ Житіе по рук. Моск. Дух. Акад. № 490 л. 240—50. Славяно-Русск. Прологъ, изд. Пономарева, Апрель. Филаретъ, „Русскіе святые“, подъ 1 числомъ.

⁹⁾ Житіе по рук. Московск. Дух. Акад. № 346 л. 23—25.

¹⁰⁾ Житіе по рук. Моск. Дух. Акад. № 632 лл. 137—8.

Наконецъ, житійная литература сообщаетъ о рядѣ школъ на окраинахъ Руси. На сѣверѣ, въ Великому Устюгѣ въ первой половинѣ XVI вѣка учился св. Стефанъ Пермскій ¹⁾, въ селѣ Толвуй на берегу Онежскаго озера въ началѣ XV вѣка Зосима Соловецкій ²⁾, въ Керецкой области, во второй половинѣ XVI вѣка—Варлаамъ Керецкій ³⁾, въ неизвѣстномъ селѣ близъ того же Бѣлаго моря—Антоній Сійскій ⁴⁾, близъ того же моря въ неизвѣстной деревнѣ Александръ Ошевенскій ⁵⁾. На югѣ, въ городѣ Козельскѣ въ концѣ XVI и началѣ XVII в. учился Елеазаръ Анзерскій ⁶⁾, въ Курскѣ въ первой четверти XI вѣка—Феодосій Печерскій, и, если не въ то же время, то во второй половинѣ XI вѣка здѣсь было нѣсколько учителей и школъ ⁷⁾, на Волыни во второй половинѣ XIII в. учился Петръ, митрополитъ Московскій ⁸⁾.

Такимъ образомъ, житійная литература раскрываетъ предъ взоромъ историка значительную сеть начальныхъ школъ, охватывавшую Русь съ одного конца до другого.

Какъ обстоило дѣло въ каждомъ отдѣльномъ пунктѣ—мы мало знаемъ. Несомнѣнно то, что каждая школа имѣла только одного учителя. Во всѣхъ житіяхъ говорится только объ одномъ учителѣ ⁹⁾. Житіе преп. Сергія запечатлѣло этотъ фактъ на одной изъ своихъ миниатуръ, которая изображаетъ намъ училище съ 11 учениками такимъ образомъ: „въ комнатѣ на одной лавкѣ сидятъ рядомъ 5 учениковъ съ книгами; сзади нихъ помѣщаются еще трое, налѣво отъ нихъ еще двое; на правой сторонѣ учитель объясняетъ урокъ

¹⁾ Житіе въ Памятн. стар. русск. лит. IV, стр. 121, Сравн. Голубинскій Ист. Р. Ц. т. II ч. I стр. 263—5.

²⁾ Житіе, изд. Правосл. Собес. 1859 г. II ч., стр. 354.

³⁾ Краткое житіе, напечатанное въ „Книгѣ, глаголемой описаніе о російскихъ святыхъ“, стр. 162: „наученъ же бысть книгамъ“.

⁴⁾ Соболевскій, Образованность Московской Руси, стр. 14.

⁵⁾ Соболевскій, тамъ же.

⁶⁾ Соболевскій, тамъ же.

⁷⁾ Житіе Феодосія говоритъ, что онъ былъ отданъ къ „единому отъ учитель“, что свидѣтельствуетъ о существованіи въ Курскѣ нѣсколькихъ учителей и школъ; впрочемъ, проф. Голубинскій полагаетъ что жизнеописатель, преп. Несторъ здѣсь „представляетъ время дѣтства преп. Феодосія по своему собственному времени“. Ист. Р. Ц. I, I стр. 727.

⁸⁾ Славяно-Русск. Прологъ, изд. Пономарева, стр. 69—70.

⁹⁾ См. напр. Житіе Стефана Пермскаго. Памятники Стар. Русск. Литер.

преп. Сергію ¹⁾. Здѣсь мы имѣемъ указаніе и на количество учениковъ, какое бывало у учителя древне-русской школы: по условіямъ обстановки занятой комнаты нормальнымъ, повидимому, считалось около 10 человекъ. Учителями бывали дьяки ²⁾, и діаконны и священники, и, наконецъ, монастырскіе старцы. Иона Новгородскій учился у нѣкогого діакона ³⁾. То же было и съ Никандромъ Псковскимъ ⁴⁾. Иосифъ Волоколамскій обучался у старца воздвиженскаго монастыря ⁵⁾. У нѣкоторыхъ святыхъ учителями были даже архимандриты, епископы, бояре, князья и княжны, но конечно всѣ эти лица являлись въ роли школьныхъ учителей лишь въ исключительныхъ случаяхъ и скорѣе были не столько учителями, сколько руководителями въ школьномъ образованіи того или другого лица. Напримѣръ, Никодимъ Кожезерскій учился грамотѣ у настоятеля своего монастыря архимандрита Пафнутія ⁶⁾. Великій князь Михаилъ Александровичъ Тверской, по житію, отданъ былъ для наученія грамотѣ митрополиту Теоносту ⁷⁾. Другого тверского князя

IV стр. 121; Житіе преп. Сергія Радонежскаго. Изд. арх. Леонида стр. 23—27, по рук. Моск. Дух. Акад. № 208 л. 30—32.

¹⁾ Житіе, изд. Троице-Серг. Лавры 1833 г. на л. 37. Соболевскій стр. 16.

²⁾ Житіе Александра Ошевенскаго. См. Соболевскій. Образованность Московской Руси XV—XVII, стр. 14.

³⁾ См. житіе въ Четвѣхъ Минеяхъ митроп. Макарія. Изд. Археогр. Комиссіи. Ноябрь, дни 1—12. СПб. 1897 столб. 163—4.

⁴⁾ Соболевскій. Образованность... стр. 14.

⁵⁾ Житіе въ Макар. Чет. Минеяхъ. Сентябрь, столб. 455. Конечно Иосифъ могъ учиться у старца и одинъ, какъ дѣтя привилегированнаго сословія, но дальнѣйшій рассказъ житія даетъ понять, что у него были сверстники по ученію въ самомъ монастырѣ.

⁶⁾ Житіе въ Правосл. Собес. 1865 г. ч. 1-я, стр. 211-я. Житіе князя Владиміра, какъ будто, даетъ понять, что въ древней Руси главными школьными дѣятелями были „попы“, т. е. духовенство, когда говоритъ о Владимірѣ: „и повелѣ попомъ по градомъ и по селомъ люди къ крещенію приводити и дѣти учити грамотѣ. Однако въ лѣтописи говорится о распоряженіи Владиміра иначе: дѣти нача поимати у нарочитыхъ и даяти и на ученіе книжное“. Житіе. См. Голубинскаго Ист. Р. Цер. т. I. пол. I. см. стр. 232 и прим. 1. М. 1901.

⁷⁾ Сказаніе въ Поли. Собр. Русск. Лѣтоп. т. IV стр. 467. Вѣрнѣе однако же говорить лѣтописныя показанія, по которымъ Михаилъ былъ отданъ не митроп. Теоносту, а архіепископу новгородскому Василію. Въ лѣтоп. по Воскресенскому списку (Поли. Собр. Русск. Лѣтоп. VII стр. 207) сказано: „то же зимы прѣхалъ въ Новгородъ княжичъ Михайло Александровичъ“.

Михаила Ярославича, по житію, научила „святымъ книгамъ и всякой премудрости“ никто иной, какъ его „святая и премудрая мати“ великая княгиня Оксинья. Евфросинія, княжна Полоцкая, будучи въ монастырѣ, беретъ для наученія грамотѣ свою сестру Гордиславу. Евфросинія Суздальская, какъ было уже замѣчено, училась одновременно у своего отца, князя Михаила Черниговскаго, и у боярина Теодора. Несравненно лучше извѣстно сословное происхожденіе учениковъ. Здѣсь не наблюдается никакого различія между высшими и низшими классами общества. Ни тѣ, ни другія не имѣли никакихъ исключительныхъ преимуществъ въ дѣлѣ образованія. И тѣ и другія, повидимому, понесли одинаковую заботу объ образованіи того юношества, изъ котораго вышли потомъ святые подвижники:

Теодосій Печерскій († 1074 г.) былъ сыномъ служилаго великокняжескаго человекъ ¹⁾.

Евфросинія Полоцкая († 1173)—княжна ²⁾.

Кирилль Туровскій—сынъ богатыхъ гражданъ города Турова ³⁾.

Варлаамъ Новгородскій (1193)—новгородскій горожанинъ ⁴⁾. Моисей († 1162), архіеп. Новгородскій—сынъ богатаго Новгородца ⁵⁾.

Алексій, митрополитъ Московскій († 1378) — боярскаго рода ⁶⁾.

Сергій Радонежскій († 1392)—отъ „родителей добродѣтели и благовѣрну“, при чемъ отецъ его былъ въ Ростовѣ „единъ отъ славныхъ бояръ“ ⁷⁾.

Стефанъ Пермскій († 1392)—сынъ причетника Устюжскаго ⁸⁾. Григорій Вологодскій († 1392) „отъ славну родителю боярскаго рода“ ⁹⁾.

¹⁾ Житіе, по сп. Москов. Успен. Соб. Изд. Чт. Общ. Истор. Др. Росс. Янв.—Мартъ, кн. I-я.

²⁾ Житіе. Изд. въ Памяти. Стар. Русск. Лит. IV.

³⁾ Филаретъ. Русскіе святые. Апр., стр. 125.

⁴⁾ Житіе по сп. Общ. Люб. Древ. Писъм. СПб. 1881 г. Макарьев. Ч. М. Ноябрь. 199.

⁵⁾ Житіе. Памяти. Стар. Русск. Лит. IV, стр. 11.

⁶⁾ Житіе. Изд. Общ. Люб. Др. Писъм., стр. 10.

⁷⁾ Житіе, изд. Леонидомъ, стр. 9.

⁸⁾ Житіе въ Пам. Стар. Русск. Лит. IV.

⁹⁾ Слав.—Русск. Прологъ, изд. Пономарева. Сент., стр. 28.

- Дмитрій Прилуцкій († 1392)—купеческаго званія ¹⁾.
 Арсеній, еп. Тверской († 1409)—отъ благородныхъ родителей тверичанъ ²⁾.
 Кирилль Бѣлозерскій († 1427) ³⁾ и
 Павелъ Обнорскій († 1429)—отъ благородныхъ родителей ⁴⁾.
 Иоасафъ Каменскій († 1453)—княжескаго рода ⁵⁾.
 Евѣимій, архіеп. Новгородскій († 1458)—сынъ священника ⁶⁾.
 Иона, архіеп. Новгородскій († 1471)—круглый сирота, воспитывавшійся въ домѣ богатой вдовы ⁷⁾.
 Пафнутіи Боровскій († 1477)—внукъ татарскаго баскака ⁸⁾.
 Александръ Ошевенскій († 1479 г.) ⁹⁾.
 Зосима Соловецкій († 1479) ¹⁰⁾.
 Евфросинъ Псковскій († 1481) ¹¹⁾ и
 Мартиніанъ Бѣлозерскій († 1483)—дѣти крестьянъ ¹²⁾.
 Макарій Колязинскій († 1483)—изъ рода дворянъ Колязинныхъ ¹³⁾.
 Нахомій Нерехтскій († 1484) — сынъ владимірскаго священника ¹⁴⁾.
 Паисій Углицкій († 1504)—отъ служащаго челоуѣка княжескаго двора ¹⁵⁾.
 Иосифъ Волоцкій († 1515)—отъ видныхъ великокняжескихъ служилыхъ людей ¹⁶⁾.
 Серапіонъ Новгородскій († 1516) изъ крестьянъ ¹⁷⁾.

¹⁾ Житіе по рук. Моск. Дух. Акад. № 640, л. 48.

²⁾ Житіе. Изд. Желтик. мон. Тверь, 1852 г.

³⁾ Житіе по рук. Моск. Дух. Акад. № 208, л. 381. об.

⁴⁾ Житіе по рук. Моск. Дух. Ак. № 659, л. 172—203 и второе на лл. 203—209.

⁵⁾ Соболевскій. Образованность... стр. 16.

⁶⁾ Житіе. Памяти. Стар. Русск. Лит. IV.

⁷⁾ Житіе. Пам. Стар. Русск. Лит. IV.

⁸⁾ Житіе по рук. Моск. Дух. Акад. № 659.

⁹⁾ Филаретъ. Русск. Свят. Июнь, стр. 76.

¹⁰⁾ Житіе. Правосл. Соб. 1859 г., ч. II.

¹¹⁾ Житіе, ср. Филаретъ. Русск. Свят., Май, подъ 15 числ.

¹²⁾ Житіе по рук. Моск. Дух. Акад. № 564.

¹³⁾ Житіе по рук. Моск. Дух. Акад. № 632 л. 137 об.

¹⁴⁾ Филаретъ. Русск. Свят., Мартъ, стр. 119.

¹⁵⁾ Житіе. Яросл. Епарх. Вѣд. 1873 г. № 16.

¹⁶⁾ Житіе въ Макарьевск. Чет. Мин. Сент. 9 ч.

¹⁷⁾ Соболевскій. Образованность Московской Руси, стр. 8.

- Игнатій Углицкій († 1523)—княжескаго происхожденія ¹⁾.
 Александръ Свирскій († 1533) изъ крестьянъ ²⁾.
 Корнилій Комельскій († 1537)—отъ знатныхъ служилыхъ людей великаго князя ³⁾.
 У Стефана Комельскаго († 1542) отецъ „живяше у нѣкія княгини во дворѣ“ ⁴⁾.
 У Антонія Сійскаго († 1556) „родителя бѣста художествомъ земледѣльцы“ ⁵⁾.
 Гурій Казанскій († 1563) происходилъ отъ меньшихъ бояръ ⁶⁾.
 Филиппъ, митр. Московскій († 1569)—боярскаго рода ⁷⁾.
 Никандръ Псковскій († 1581)—работникъ псковскаго купца ⁸⁾.
 Мартирій Зеленецкій († 1603)—сынъ знаменитаго гражданина Великихъ Лукъ ⁹⁾.
 Діонисій, архимандр. Троицкій († 1633) изъ крестьянъ ¹⁰⁾.
 Елеазаръ Анзерскій († 1651)—изъ купеческаго рода города Козельска ¹¹⁾.
 Три житія даютъ нѣкоторое указаніе на способъ, какимъ велось обученіе грамотѣ. Несомнѣнно, въ древней Руси для изученія азбуки существовали особыя письменныя азбуковники ¹²⁾. Изготовленіемъ такихъ азбуковниковъ занимался Григорій Руготинъ, послѣ архіеп. Казанскій Гурій, сидя въ темницѣ. Но хотя, какъ видно отсюда, такіе азбуковники и были въ продажѣ, однако далеко не во всѣхъ школахъ имѣлись. Житійная литература говоритъ намъ, что на Руси по крайней мѣрѣ на грани XIV и XV вѣковъ и въ половинѣ XVI вѣка, когда явились житія Петра митрополита въ редакціи митроп. Кипріяна и Александра Свирскаго, обученіе

¹⁾ Житіе. Яросл. Епарх. Вѣд. 1873 г. № 28.

²⁾ Житіе по рук. Моск. Дух. Акад. № 632, л. 3—4.

³⁾ Филаретъ. Русск. Свят. Апр., стр. 124.

⁴⁾ Житіе, изд. Лопаревымъ, стр. 6.

⁵⁾ Славяно-Русск. Прологъ, изд. Пономаревымъ, Сент.—Дек., 65 стр.

⁶⁾ Соболевскій. Образованность, стр. 8.

⁷⁾ Житіе по рук. Моск. Дух. Акад.

⁸⁾ Соболевскій. Образованность, стр. 9.

⁹⁾ Житіе по рук. Моск. Дух. Акад.

¹⁰⁾ Житіе, Пам. Стар. Р. Лит. IV, стр. 52.

¹¹⁾ Соболевскій. Образованность... стр. 9. Филаретъ. Русск. Святые, Июнь, стр. 76.

¹²⁾ Объ этомъ общія свѣдѣнія у Григорьева. Вышецитир. соч., стр. 12—13.

чтенію буквъ азбуки шло одновременно и въ тѣсной связи съ обученіемъ письму и состояло въ томъ, что учитель писалъ буквы и слова, а ученикъ запоминалъ произношеніе написаннаго. Въ первомъ житіи рассказывается, что въ отрочествѣ м. Петръ сначала „косно“ учился, чѣмъ доставлялъ большую печаль родителямъ, но послѣ усердныхъ молитвъ и чудного видѣнія съ нимъ случилась удивительная перемѣна: „отъ того часа, елико ему учитель *написоваше*, отрокъ же вскорѣ изучаше“¹⁾. Отрокъ Александръ Свирскій, огорченный своею малоуспѣшностью, такъ молится: да просвѣтитъ (Господь) мнѣ умъ и очи сердечніи свѣтомъ Божества своего, да подастъ ми разумѣти ученіе Божественнаго Писанія, *еже учитель мнѣ написоваше* ²⁾.

Въ житіи преп. Сергія Радонежскаго встрѣчаемъ указаніе на *наказанія*, примѣнявшіяся къ малоуспѣвавшимъ. Когда „учитель его съ многими прилежаніемъ учае, но отрокъ не внимаше и не умѣяше, не точенъ бысть дружинѣ своей, учащими съ нимъ“ (т. е. отставалъ отъ товарищей), то „о семъ убо много бранимъ бываше отъ родителю своею. болѣ же отъ учителя томимъ, а отъ дружины укоряемъ“³⁾.

Школьное обученіе обычно начиналось отъ семи лѣтъ⁴⁾,

1) Слав. Русск. Прол. Изд. Пономарева, стр. 69—70.

2) Такъ по рук. Моск. Дух. Акад. № 632, л. 209. Но по изд. Синодек. СПб. 1818 г. л. 4 и об. вмѣсто „написоваше—скажуть“. Григорьевъ, приводя указанное свидѣтельство изъ житія митр. Петра, видитъ здѣсь изображеніе способа обученія письму, но не указываетъ основаній для такого взгляда, стр. 13.

3) Житіе преп. Сергія, изд. Леонидомъ, стр. 23.

4) Объ этомъ говорятъ житія: Маргарія Зеленецкаго. (Пам. Стар. Русск. Лит.), Петра, митр. Московскаго (Сл. Русск. Прол., стр. 69 и 197), Феодора, архіеп. Ростовскаго (Яросл. Епарх. Вѣдом. 1873 г. № 32), Преп. Сергія Радонежскаго (Житіе, сост. Епифаніемъ, изд. Леонида, стр. 23; рук. Моск. Дух. Акад. № 208, л. 30), Иосифа Волоколамскаго (Четьи Миней, Сент. 9 ч. стр. 455), Иосифа Комельскаго, Серапіона Новгородскаго и др. Въ другихъ житіяхъ—общія указанія на существованіе опредѣленнаго возраста. Въ житіи Варлаама Хутынскаго, митр. Филиппа, Ефросина Псковскаго, Антонія Сійскаго: „по времени“; Стефана Пермскаго—„измлада“; Алексія митрополита,—„времени приспѣвшу“, Александра Свирскаго—„егда приспѣ время“; Макарія Калязинскаго—„егда достигающу ему возраста“; Авраамія Смоленскаго—„егда бѣ отрочищемъ въ возрастѣ смысла пришедша“; Зосимы Соловецкаго—„преуспѣвающу отроку возрастомъ“; Макарія Желтоводскаго—„егда устратити отроку“;—Игнатія Угличскаго—„егда приде въ разумъ“, Игнатія Вологодскаго—„егда исполняшеся лѣта младенческая“; Александра Ошевенскаго—„егда времени ученія достигше“.

а кончалось еще въ отроческихъ годахъ около 13—14 лѣтъ. Такъ, Стефанъ Пермскій, уже окончивъ школьное образованіе, „еще младъ буде въ юности, отрокъ сый верстою пострижеся во чернцы“¹⁾. Евѣимій, архіеп. Новгородскій „спѣшне писанія извыкше“, принялъ постриженіе около 15 лѣтъ возраста, а онъ окончилъ школьное образованіе, какъ дается понять нѣсколько раньше²⁾. Алексій, митроп. Московскій былъ отданъ учиться ранѣе двѣнадцати лѣтъ, а пятнадцати лѣтъ постригся³⁾. Митроп. Петръ, превзошедши въ ученіи всѣхъ своихъ сверстниковъ, еще двѣнадцати лѣтъ ушелъ въ монастырь⁴⁾. Игнатій, бывший князь Угличскій, „извыкъ божественнаго писанія“ къ тринадцати лѣтамъ⁵⁾. Преп. Иосифъ Волоколамскій окончилъ свое школьное образованіе въ два года⁶⁾.

Древне-русскія училища, по житіямъ, почти всегда являлись безъ всякихъ признаковъ общежитія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣются прямыя указанія на отсутствіе послѣдняго. Уже только что приведенный случай съ Сергіемъ, показываетъ, что и во время школьнаго ученія онъ жилъ въ

1) Пам. Стар. Р. Лит. IV, стр. 121.

2) „Тѣмъ же тому спѣшне писанія извыкну, обаче во иныхъ не упражнитися, развѣ иже въ божественная вѣдущихъ. Доспѣвшу же къ пятнадцатимъ лѣтомъ возраста восхотѣ отрещися мірскаго пребыванія“. Пам. Стар. Р. Лит. IV, стр. 17.

3) „Таже времени приспѣвшу и книжному ученію вданъ бываетъ, и бысть яко лѣтомъ дванадесять“. Житіе. Изд. Общ. Люб. Др. Писъм. СПб., стр. 26—27. „Таже времени бывшу и книжному ученію вданъ бываетъ, пришедшимъ же 12 лѣтомъ дѣтское еще имуще, яко случися... Житіе по рук. моск. Дух. Акад. № 634, л. 170. „Бывшу же ему 15 лѣтомъ приде ему во умъ любовь и раченіе иноческаго образа, и иде во единъ отъ монастырей“. Житіе по рук. Моск. Дух. Акад. № 634, л. 171.

4) И въ малѣ времени всѣхъ сверстниковъ своихъ превзыде. И бысть убо святыи дванадесяти лѣтъ и отыде во единъ отъ монастырей. Жит., сост. Прохоромъ, еп. Ростовскимъ, напеч. въ Слав. Русск. Прол., изд. Пономарева, ч. I, стр. 197. Показаніе проложной редакціи житія, напечатанной тамъ же стр. 69—70, о „двадесяти“ лѣтахъ стоитъ одиноко и есть несомнѣнно ошибочное. Сравни. Голубинскій, Исторія Русской Церкви т. II пол. 1-я, стр. 102. М. 1900.

5) „Повелѣша его учити Божественному Писанію, и вскорѣ того извыче... И поживе у отца своего тринадесять лѣтъ отъ рожденія своего“ (Яросл. Епарх. Вѣд. 1873, № 28, стр. 222).

6) Житіе по сп. Макария Четьихъ-Миней Сент. 9, столб. 455. Полностью текстъ даннаго мѣста см. выше.

домѣ родителей. Въ житіи Іоны Новгородскаго сообщается, какъ новгородскіе школьники расходились по домамъ къ вечеру послѣ ученія. Они шли всей гурьбой по улицамъ города и по дорогѣ устраивали игры; по временамъ же не прочь были устраивать невѣжливыя выходки въ отношеніи встрѣчныхъ, въ родѣ бросанія мусора въ голову и лице. Житіе сообщаетъ, что однажды толпа школьниковъ дозволила такую выходку въ отношеніи къ юродивому Михаилу Клопскому, который только что появился въ Новгородѣ. Среди этой толпы былъ однакоже одинъ мальчикъ, который по своему обычаю устранился отъ дурной выходки, это — будущій Іона. И вотъ Михаилъ, не обращая вниманія на шалуновъ, подошелъ къ одиноко стоявшему Іонѣ, и, поднявъ его за волосы, предрекъ ему, что онъ будетъ новгородскимъ епископомъ ¹⁾. Въ житіи Димитрія Прилуцкаго разсказывается одно изъ интересныхъ приключеній, какія бывали со школьниками, когда они направлялись изъ дому въ школу. Въ одномъ недалеко лежавшемъ отъ монастыря св. Димитрія селеніи былъ отрокъ Харитонъ. Когда онъ однажды направлялся въ школу, то ему вдругъ представилось множество бѣсовъ. Тотъ со страху повалился на землю едва живой. И такъ лежалъ на дорогѣ, пока его не подняли проѣзжавшіе мимо. Это происшествіе имѣло для отрока болѣзненные послѣдствія, отъ которыхъ онъ излѣчился у раки св. Димитрія ²⁾ въ какой-то праздникъ.

¹⁾ Аще когда отъ учителя отхожаше со множествомъ соученическихъ ему и лицу граду къ дому проходить бываше; веѣмъ яко дѣтемъ радующимся, той подолѣ стояти отъ нихъ обычно пмяше, егда и случашеся ему когда, яко дѣтскую позороватися“ и т. д. Житіе по рук. Моск. Дух. Акад. № 632, л. 32 и об. Ср. житіе Діонисія Троицкаго. Изд. 1885 г., стр. 7.

²⁾ Отрокъ Харитонъ именованъ отъ ближнихъ веселъ, прилежащихъ монастырю тому, случися смутися умомъ отъ зависти бѣсовекія. Яко единою идущему путемъ отъ дома своего на ученіе книгамъ и везану нападоша на нь безчисленно множество бѣсовъ: остри верхи имѣху страхующе и запрещающе Богу не молитися, не крестнаго знаменія творити, никому же повѣдати, онъ же, убоися ихъ, впаде на землю безгласенъ, нѣци же того обрѣтоша на распутіи повержена ели жива и, вздвигше того, вопрошаху е почто бысть ему онъ же съ плачемъ вся нача повѣдати яже отъ бѣсовъ пострада. Въ тыя же дни близъ бѣ праздникъ церкви во обители преподобнаго на освященіи водамъ. Тогда же убо всегда

Нѣкоторыя изъ *монастырскихъ школъ*, повидимому, имѣли общежитія. По крайней мѣрѣ, Іосифъ Волоколамскій во время обученія своего въ Воздвиженскомъ монастырѣ несомнѣнно жилъ тамъ. Кромѣ того, вмѣстѣ съ нимъ въ монастырѣ жилъ одинъ изъ его сверстниковъ, по имени Борисъ. Но монастырскія школы имѣли въ виду обучать грамотѣ не столько мірянъ, сколько готовящихся къ иночеству. О существованіи въ монастыряхъ школьнаго обученія послушниковъ свидѣтельствуеетъ одно мѣсто изъ житія того же *Іосифа Волоколамскаго*. Жизнеописатель сообщаетъ, что „Іосифови еже въ монастырь ему женамъ прихождение не мняшеса польза быти“. Почему же? А вотъ почему: „паче же мольвы вина и неблагообразію, паче же многомъ у него юнымъ мнихомъ въ монастыри учащимся, не яко симъ безъ опаства живущимъ, но много соблюденіе и удержаніе имъ: не попускашеса бо хожденіе тѣмъ, идѣже хотящимъ, но присно назираніе движеніемъ ихъ учителемъ сихъ имѣти“. Почтенный издатель житія Невоструевъ дѣлаетъ предположеніе, что наученіе, о которомъ здѣсь говорится, имѣло предметомъ не уставъ только монастырскій, но также чтеніе и письмо. Основаніемъ такого предположенія ему служить, съ одной стороны, фактъ существованія множества рукописей, списанныхъ иноками Волоколамскаго монастыря, а съ другой, тотъ фактъ, что изъ этого монастыря вышло довольно учительныхъ архипастырей и духовныхъ писателей. Но мы имѣемъ основанія для такого предположенія и въ самой житійной литературѣ. Въ изданномъ въ 1879 г. В. О. Ключевскимъ житіи Филиппа Иранскаго имѣется прямое указаніе на то, что ученіе, на которое отдавались новоначальные иноки, включало въ себя наученіе грамотѣ. Филиппъ, говорится здѣсь, „лѣтъ 15 прииде въ иночество и отъ того времени даша его на ученіе великосвяту и духовну иноку именованъ Флавиану, зѣло искусну и учительну, божественному писанію довольно. Онъ же первѣе грамотѣ изучи святого

многа исцѣленія бываху. Преведенъ бысть и той отрокъ на праздникъ божественный, приложися у гроба чудотворцева и пакы въ святую воду погруженъ бысть и оттолѣ бяше целомудренъ и книгамъ и писанію вскорѣ извыче молитвами преподобнаго Димитрія. По рук. Московск. Дух. Акад.

Филиппа, Богъ же откры ему вскорѣ вся божественныя писанія, чтенія и пѣнія и навывче всему, яже ко спасенію“¹⁾. Это происходило въ Вологодскомъ Корниліевомъ монастырѣ. Подобное же было и съ Симономъ Волмскимъ (нач. XVII в.); будучи еще работникомъ въ Соловецкомъ монастырѣ, онъ былъ обученъ грамотѣ²⁾. Однако же обученіе грамотѣ послушниковъ было принято далеко не во всѣхъ монастыряхъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ не было своихъ учителей и потому, когда въ нихъ являлся человѣкъ, котораго почему-либо считали нужнымъ обучить грамотѣ, то, случалось, его отдавали къ стороннему учителю. Такъ было съ Мартиніаномъ Бѣлозерскимъ (нач. XV в.), который, поступивъ въ Кирилловъ монастырь ребенкомъ, былъ отданъ игуменомъ, преп. Кирилломъ для обученія грамотѣ „мірскому дьяку“, котораго дѣло „бѣяше книги писати и учити ученики грамотныя хитрости“ и который „зѣло искусенъ бѣ таковому художеству“³⁾. Равно Александръ Ошевенскій, бывъ уже грамотнымъ, „былъ отданъ игуменомъ для лучшаго наказанія къ дьяку нѣкоему разумну и искусну“⁴⁾.

Любопытенъ, наконецъ, *идеальный типъ отрока, по представленію житійной литературы*. Въ то время какъ у другихъ дѣтей „обычай въ дѣтскомъ разумѣ глумиться“⁵⁾, устраивать игры, смѣяться и веселиться, любить сладкую пищу, древне-русскій идеальный отрокъ отличался самозамкнутостью, серьезностью и строгимъ аскетизмомъ: „со юными никако водворяясь на игры и на иная кая вещи мимотекущаго свѣта сего, смиреніе и тихость зѣло любляше, сія же паче всѣхъ возлюбивъ чистоту тѣлеси и безлюбія“⁶⁾. Древне-русскій идеальный юноша „срамляется прочіе юношескихъ обычаевъ держатися, тихъ нѣкако и гладокъ бываетъ, мяжку имяше мысль на воображеніе учимыхъ⁷⁾, игры же и смѣхотворенія, якоже есть обычай дѣтямъ, ненавидаше⁸⁾ и невниманіе пу-

1) Изд. Общ. Люб. Древ. Письмен., стр. 11.

2) Соболевскій, Образованность, стр. 15.

3) Соболевскій, тамъ же. Филаретъ. Русскіе Святые. Іюнь, стр. 63.

4) Соболевскій, тамъ же, прим. 2.

5) Житіе Іосифа Волоколамскаго, составленное неизвѣстнымъ, изд. К. Невостревымъ: М. 1865 г., стр. 38.

6) Тамъ же, прим. 265.

7) Житіе Зосимы и Савватія. Правосл. Собес. 1859 г., стр. 355.

8) Житіе Палсія Углицкаго. Ярослав. Епарх. Вѣд. 1873 г., № 16, стр. 128.

стошныхъ, ниже дѣтей творящихъ игры“¹⁾. Князь Углицкій Игнатій, по житію, въ отрочествѣ „бѣяше обычаемъ кротокъ, и смиренъ сердцемъ, и молчаливъ въ разумѣ, а негнѣвливъ отнюдь, на игры дѣтскія, ни царскаго потѣшенія не внимаше; токмо въ умъ себѣ положи память смертнующую и страхъ Божій, како отвѣщати Богу, и суету міра сего ни во что же вмѣни²⁾. Вмѣсто игры, идеальный отрокъ предпочитаетъ „на божественная и на церковная пѣнія и почитанія преже инѣхъ притекати, а также „богодухновенныя книги и святыхъ житія почитати“³⁾ и „внимати къ имъ съ усердіемъ отъ всея души“⁴⁾. Въ отношеніи родителей идеальный юноша хранитъ „повиновеніе во всемъ“, а съ ихъ стороны⁵⁾, равно какъ и со стороны всѣхъ окружающихъ, пользуется любовью и возбуждаетъ радость и удивленіе⁶⁾: „любимъ бываетъ отъ всѣхъ человѣкъ добродѣянія ради; родителя же дивится о смиреніи и добродѣтели отрока и... радуясь о таковомъ дарѣ, благодаряще Бога“⁷⁾. Въ отношеніи къ *учителю* и къ *товарищамъ* идеальный древне-русскій отрокъ проявляетъ покореніе. „Покореніе же и повиновеніе, восклицаетъ агіобіографъ Θεодосія Печерскаго, кто исповѣсть, паче стяжа въ ученіи своемъ не токмо же къ учителю своему, но и ко всѣмъ учащимся“⁸⁾. Вотъ двѣ цѣльныхъ характеристики такого рода. Стефанъ Пермскій „бѣ превзыде паче многихъ сверстниковъ въ родѣ своемъ, добропамятствомъ и

1) Житіе Димитрія Прилуцкаго по рук. Моск. Дух. Акад. № 640, л. 48; то же въ житіи Авраамія Смоленскаго. изд. Правосл. Собес. 1858 г., томъ III, стр. 140, въ житіи Макарія Калязинскаго, рук. М. Д. А. № 632, л. 138 об.; Григорія Вологодскаго. Слав. Русск. Прол., изд. Пономарева, стр. 28.

2) Житіе Игнатія въ Ярослав. Епарх. Вѣдом. 1873 г. № 28, стр. 222.

3) Житіе Авраамія Смоленскаго. Правосл. Соб., стр. 141. Также житіе Евфимія Суздальскаго по рук. Московск. Дух. Ак. № 490, л. 250.

4) Житіе Макарія Калязинскаго по рук. Моск. Дух. Акад. № 632, л. 138.

5) Житіе Григорія Вологодскаго. Слав.-Русск. Прол. Сент., стр. 28.

6) Житіе Авраамія Смоленскаго. Правосл. Соб. 1858 г., стр. 140.

7) Житіе Макарія Калязинскаго по рук. Моск. Дух. Акад. № 346, л. 26. Въ житіи Кирилла Бѣлозерскаго: „устранившу же отроку и божественному писанію извыкшу и прочее растящу ему во всякомъ благоговѣйствѣ и чистотѣ и просвѣщенномъ разумѣ. И сего ради отъ всѣхъ любимъ бываетъ и почитаемъ“. Рук. Моск. Дух. Акад. № 208, л. 381.

8) Житіе преп. отца нашего Θεодосія, игумена Печерскаго, по харатейному списку Моск. Уси. Собора. Чтенія въ Общ. Люб. Истор. и Древн. Россійск. 1879 г. Январь—Мартъ. Книга первая, стр. 33.

скоровыченіемъ смысла превосходя, и бысть отрокъ добро-разумичень зѣло, успѣваше же разумомъ душевнымъ и вер-стою тѣлеси и благодатию; къ дѣтемъ играющимъ не преставаше, иже въ пустошь текущимъ и всеу труждающимся и тщетная гонящимъ не внимаше, ни водворяшеса съ ними, отъ всѣхъ дѣтскихъ обычаевъ и нравъ и игръ отвращашеся, но точію на славословіе упражняся и грамотѣ прилежаше, и книгамъ всякимъ выченію издавса. Возрастъшу ему въ дѣтствѣ и во чистотѣ и въ цѣломудріи, и многи книги почитавшу ветхаго и новаго завѣта ¹⁾... пострижеса въ черныцы“. Или вотъ цѣльное изображеніе отроческихъ годовъ Макарія Калязинскаго. „И воспитаста (родители) и въ добромъ наказаніи; егда же достигающу ему возраста, вдаху его родители въ наученіе грамотѣ. Отрокъ же добръ навиче отъ божественныхъ писаній и внимаше имъ съ усердіемъ отъ всея души и обрѣте во святомъ евангеліи сокровище богатства некрадома—глаголетъ бо: аще хоцеша совершенъ быти... родители же, видяще его почитающа книги и симъ внимающа, на игры же и на пустошныя бесѣды никакоже уклоняющася, и начаша увѣщати его словеса къ совокупленію брака. Онъ же тяжко си вмѣни изглаголанныя ими и нача отрѣцатися, еже никакоже хотѣти на совокупленіе брака. Родители же наипаче нужаста и съ клятвами, еже не преслушати повелѣнія ея повинутися ихъ воли и предлагая ему писанія отъ книгъ блаженнаго Іоанна Златоуста на возбраняющіе браки... боголюбивый же отрокъ стояше молча долу главою понича, и ничто же отвѣщаваше точію отъ умиленія слезы испущаше, родители же наипаче словеса нѣкая тяжка съ гнѣвомъ и яростію, аки камение, испущаше нанъ ²⁾“. На обученіе грамотѣ древне русскій отрокъ смотритъ какъ на дѣло Божіе, религиозное, въ которомъ самое главное принадлежитъ содѣйствию Божію. Это съ особенною яркостью видно изъ житія преп. Сергія, изъ бесѣды отрока Варсоломея съ встрѣчнымъ старцемъ. Объ этомъ же говорятъ приводимые во многихъ другихъ житіяхъ случаи чудеснаго наученія грамотѣ ³⁾. Приведенный выше случай съ однимъ

¹⁾ Житіе въ Пам. Стар. Русск. Лит. IV, стр. 121.

²⁾ Житіе по рук. Моск. Дух. Акад. № 632 и 138 и об.

³⁾ Александръ Свирскій молится объ дарованіи ему разума книжнаго: „да просвѣтитъ (Господь) мнѣ умъ и очи сердечніи свѣтомъ Божества

отрокомъ изъ житія Дмитрія Прилуцкаго, когда отроку, отправляющемуся въ училище, представилось множество бѣсовъ, запрещавшихъ ему идти въ школу ¹⁾, показываетъ, что древне-руссскій отрокъ, представлялъ книжное ученіе, какъ дѣло чрезвычайно неспріятное для нечистыхъ духовъ, какъ направленное противъ нихъ, этихъ представителей всѣхъ силъ, враждебныхъ Христу и христіанству.

Внѣшкольное образование дѣтелей русскаго просвѣщенія.

Внѣ школы и по выходѣ изъ нея древне-руссскій юноша житійной литературы по большей части не только не оставляетъ, но еще съ удвоеннымъ усердіемъ продолжаетъ изученіе „божественныхъ писаній“. Новгородскій архіеп. Нифонтъ, на примѣръ, „извыкше скорѣ книжное ученіе“ „нимало псхожаше съ сверстники своими на игры дѣтскія, но паче прилежаше къ церкви Божіей и въ сласть почиташе божественныя писанія и внимаше умомъ, еже спастися и въ разумъ истины пріити“ ²⁾. Когда отрокъ Елевферій, будущій митрополитъ Алексій, послѣ видѣнія „вдался въ умиленіе“, то родители такъ описываютъ его занятія въ своемъ увѣщаніи къ нему: „что такъ, о чадо, въ сичево умиленіе вдался еси и отнюдь въ молчаніе уклоняешися и всегда книгамъ неотлучно прилежиши и всѣмъ въ поученіи точію упражняшися, къ намъ же ни единого слова не бесѣдуеши“?. Несмотря на это увѣщаніе, „паки чудный юноша держашеся своего нелицемѣрнаго посту и на позорища нехождаше и со отроки не играше, и всяческихъ же кушунъ и глумленія отбѣгаше, и прилежаше молчанію и зелному воздержанію и прочитанію божественныхъ писаній и всегда хожаше во умиленіи и съ возносящимъ къ Богу смиренномудріемъ“ ³⁾. Родители Макарія Калязинскаго, замѣчая въ немъ необычайное усердіе къ чтенію книгъ, совершенно основа-

своего, да подасть ми разумѣти ученіе Божественнаго писанія, еже учитель ми написоваше. Житіе по рук. Моск. Дух. Акад. № 632, л. 4 и об.

¹⁾ См. выше, стр. 68.

²⁾ Памяти. Стар. Русск. Лит. IV, стр. 2.

³⁾ Житіе, изд. Общ. Люб. Древн. Письмен. 1877—8. СПб., стр. 18 и 31—2. Листы здѣсь перепутаны, л. 18 долженъ бы быть помѣщеннымъ послѣ 28-го.

тельно пришли въ опасеніе относительно его несклонности къ семейной жизни ¹⁾. Къ митрополиту Филиппу, когда онъ былъ отрокомъ, родители „проставиша словокрасительныя неблазненные отроцы со всяцѣмъ утѣшеніемъ, повелѣвають на избранныхъ урядныхъ конѣхъ ѣздити съ ними по часту. Онъ же родителей своихъ ради по малу сему касашеся по своему отечеству, но „въ церкви... со многимъ вниманіемъ и скоростію послушая божественнаго писанія, въ дому же всегда въ благодатныя и памятные книги взираше, како быша прежнихъ досточудныхъ мужъ пребыванія, въ нихже и временное прехожденіе, и отъ того навиче духовнаго исправленія“ ²⁾. Стефанъ Пермскій, по выходѣ изъ школы и до поступленія въ монастырь, „многи книги почиталъ ветхаго и новаго завѣта“ ³⁾.

Начавъ самообразование дома, древній юноша житійной литературы продолжалъ его въ монастырѣ. Характерный типъ въ этомъ отношеніи—замѣчательный дѣятель древнерусскаго просвѣщенія св. Стефанъ Пермскій. Св. Стефанъ Пермскій при поступленіи въ монастырь нарочно выбралъ именно такой, который былъ богатъ книгами: „пострижесе въ чернцы во градѣ въ Ростовѣ у святого Григорія Богослова въ монастыри, нарицаемѣмъ затворѣ близъ епископы, яко книги многи бяху ту довольны суца на потребу почитанія ради“ ⁴⁾. Очень естественно послѣ этого, если среди всѣхъ другихъ монашескихъ подвиговъ чтеніе книгъ было важнѣйшимъ и преимущественнымъ занятіемъ Стефана въ монастырѣ. „Облечесе во мнишьскій чинъ, и добръ потружався въ иноческомъ житіи, подвизався на добродѣтель... паче же всѣхъ вниманіемъ божественныхъ писаній, иже много и часто почитавъ святыя книги и отуду всяку добродѣтель приобрѣтая. Сиче и сія трудолюбивый сподвизалець разбѣненіемъ божественныхъ писаній, разсужая желаніемъ любомудрія, целомудрія, добръ извыкъ святыя книги и веліимъ прилежаніемъ въ нихъ поучаясь, всѣмъ сердцемъ взыска

¹⁾ „Родители же его, видяще его почитающа книги и симъ внимающа, на игры же и на пустошныя бесѣды никакоже уклоняшесе, и начаша увѣщати его словеса къ совокупленію брака“. Рук. М. Д. А. № 632, л. 138.

²⁾ Житіе по рук. Моск. Дух. Ак. № 660, л. 33 и об. и 34.

³⁾ Пам. Стар. Р. Лит. IV, стр. 121.

⁴⁾ Житіе. Пам. Стар. Русск. Лит. IV, стр. 121.

Бога и его свѣдѣній, сего ради многъ разумъ отъ Бога подасться ему въ божественнѣмъ писаніи“ ¹⁾. И это чтеніе не было у Стефана обычнымъ въ то время начетничествомъ, чуждымъ сознательно - критическаго отношенія наборомъ фразъ и мыслей. Это было тщательное изученіе содержанія письменныхъ памятниковъ. „Прилежно имѣяше, говорить съ явнымъ изумленіемъ агіобіографъ Стефана, обычай почитати почитаніе книжное, и не бѣдно ученіе рад (sic) умедливая по ученю, но до дондеже до конца по истинѣ разумѣть о коемждо стисѣ словеса, о чемъ глаголетъ, ти тако протолковаше“ ²⁾. Мало того, недовольствуясь усиліями собственнаго разсудка, Стефанъ ревностно искалъ помощи отъ тѣхъ собратьевъ по монашеству, которые подобно ему предавались изученію книгъ. Онъ вступалъ съ ними въ самыя близкія сношенія и разсужденія. „Аще видяше мужа мудра и книжна и старца разумнична и духовна, то ему совопросникъ и собесѣдникъ бѣяше и съ нимъ соводворяшесе и обновляше и утревляше, распытая ищемыхъ скоропытнѣ“ ³⁾. Любознательность Стефана была поразительна. „Притча разумна не гоняшаше отъ него и толкова, и не удобъ вѣдомое взыскаемо бѣ и увѣдаемо отъ него и всяку повѣсть божественную восхотяше слышати, словесе же и рѣчи и поученія неповѣсти, и старческихъ не отступаше житія, яже святыхъ отецъ подражая, всегда почиташе, яко оттого большому разуму навывкаше... Подвизаше бося день отъ дне... Прежде бо всѣхъ вхожаше въ церковь на молитву, и послѣ всѣхъ излачше; слуха же своя умно преклоняше о чистыхъ повѣстѣхъ и учительныхъ словесъ и сими просвѣщашесе убо на большее ему добролюбіе и на большее вѣданье возводимъ“ ⁴⁾. Научная ревность инока Стефана, повела его къ изученію греческаго языка и греческой письменности. „Желая же большаго разума, яко образомъ любомудрія изучесе и греческой грамотѣ и книги греческія извыче добръ, почиташе я и присно имѣяше я у себѣ“ ⁵⁾. Очень возможно, что Стефанъ былъ начитанъ и въ книгахъ свѣтскихъ научно-серь-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Житіе Стефана, тамъ же, стр. 122.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 122.

⁵⁾ Тамъ же.

езнаго содержанія ¹⁾, какъ можно заключать изъ общей характеристики его жизнеописателя. „Чудный дидакаль, исполнь мудрости и разума, бѣ измлада научился всей внѣшней философіи, книжной мудрости и грамотной хитрости“ ²⁾.

Въ то же время онъ предпринимаетъ научные труды въ виду миссіонерскихъ задачъ въ отношеніи Пермьковъ. „И изучися самъ языку Пермьскому, и грамоту нову Пермьскую сложи и азбуки незнаеми счини, по предложенную (sic!) Пермьскаго языка, яже есть требѣ, и книги Русскія на Пермьскій языкъ преведе и преложи и переписа... И баше умѣя глаголати трети языки, также и грамоты три умѣяше, яже есть: Русскія, Гречески, Пермьски“ ³⁾. Научныя наклонности Стефана дѣлали его образъ жизни и мысли настолько отличными отъ таковыхъ же окружающей братіи, что „мнози, простая чадь, житію его доброму зазираху“ ⁴⁾. Сдѣлавшись епископомъ, правителемъ Перми, онъ ревностно трудился надъ воспитаніемъ новыхъ дѣятелей просвѣщенія, устроая для этого своего рода школы. Въ этихъ школахъ онъ между прочимъ направлялъ учениковъ ⁵⁾ на дѣло расширенія пермской письменности, „писати научая ихъ пермскія книги; самъ, помогая имъ, переводяше со русскихъ книгъ на пермскія книги и сія предасть имъ“. И заботы Стефана не были „тщетны: и такъ оттолѣ другъ другу учаху грамотѣ и отъ книгъ книгу преписующе, умножаху исполняюще“.

Въ духѣ св. Стефана трудились надъ само-просвѣщеніемъ и другіе подвижники, жившіе ранѣе и позднѣе его.

Въ Печерскомъ монастырѣ преп. Несторъ зналъ инока Даміана, „почитающа съ прилежаніемъ святія книги“, ⁶⁾ а Никита Затворникъ настолько усердно „прилежаше чтенію и ученію“, что пренебрегъ важнѣйшимъ монашескимъ подвигомъ-молитвою ⁷⁾. Книги имѣлъ и, слѣдовательно, читалъ,

¹⁾ Такъ думаетъ Е. Е. Голубинскій. Исторія Русской Церкви т. II пол. 2, стр. 269.

²⁾ Житіе. Пам. Стар. Р. Лит. IV, стр. 134.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 122.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 1356.

⁶⁾ Житіе Θεодосія. Изд. Общ. Ист. и Др. осс. тт. 20 об.

⁷⁾ Кіево-Печерскій Патерикъ. Изд. Яковлева въ Памятн. Русск. Лит. XII и XIII вв. СПб. 1872 г., стр. СХХVIII.

также инокъ Григорій. У него было настолько богатое собрание книгъ, что о немъ узнали на сторонѣ и нѣкоторые изъ злонамѣренныхъ людей пытались было ихъ украсть ¹⁾. Авраамій Смоленскій подвизался въ монастырѣ, „богодуховенныя книги и святыхъ житія почитая“ ²⁾ и „мыслию вспоминая“ Антонія, Иларіона, Евѣимія, Савву, Θεодосія, и изъ всѣхъ любя часто почитати ученія преподобнаго Евфрема великаго вселенныя учителя, и Іоанна Златоуста и Θεодосія Печерскаго, бывшаго архимандрита всея Руси, иже въ святыхъ богодуховенныхъ книгахъ житія ихъ и словеса приходя и унимая почиташе день и ночь, яко дѣлолюбивая пчела вся цвѣты облетаючи и сладкую себѣ пищу приносящи и готовящи“ ³⁾. Описывая трудъ Авраамія по собиранію книжныхъ сокровищъ, агіобіографъ его не можетъ удержаться отъ сильныхъ образовъ. „Яко же кто нареченъ быти въ воеводы отъ царя, то не вся ли собираетъ храбрыя оруженники тако стати крѣпко урядившеся на противныя съ Божіей помощію наступити и побѣдити, тако и сей таковому дару и труду божественныхъ писаній прилежа и почитая, како бо корабль своея души съ Божіей помощію съблюсти“ ⁴⁾. Большой книжной начитанностью отличался и игуменъ монастыря, въ которомъ жилъ Авраамій: „бѣ бо и самъ игумень хитръ божественнымъ и вся свѣдый и преходя яже мнози свѣдятъ и никто же смѣя предъ нимъ отъ книгъ глаголати“ ⁵⁾. Зосима Соловецкій, по сказанію агіобіографа, старался „отъ чтенія книжнаго учитися житію добродѣтельному и монашескимъ подвигомъ ⁶⁾... прилежаше божественныхъ книгъ чтенію, и отсюду наипаче острѣйша ума сотворяетъ, прочиташе же и святыхъ мужей житія и преподобныхъ отецъ словеса, и дивляшеся пачеестественному ихъ житію, похваляя тѣхъ благоразуміе и добронравіе, благодарствоваше же Бога, иже на толику высоту житія вознесшаго ихъ, моляшежеся и самъ ревнуя, житію ихъ, по стѣпамъ жизни ихъ послѣдовати, и тако весь свѣтель умъ

¹⁾ Тамъ же, стр. СХХХVI: „не бѣ бо пного ничто же имѣя развѣ книгъ“.

²⁾ Житіе. Правосл. Собесѣд. 1858 г., ч. III, стр. 141.

³⁾ Тамъ же, стр. 142.

⁴⁾ Житіе, тамъ же, стр. 143.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 144.

⁶⁾ Житія и чудотворенія Зосимы и Савватія. М. 1830 г., л. 10.

свой содѣловаетъ, и готовъ уже по стопамъ преподобныхъ отецъ ходити. Наказуетъ же и братію къ ревности святыхъ житія, сказуя имъ коегождо изрядныхъ исправленія, оваго цѣломудріе похваляя, онаго же и цѣломудрію дивляшеся. и другого кротость ублажаше, иного же беззлобію чудяшеся, и иного же смиренномудріе въ высокихъ добродѣтеляхъ величая и другого крайнее послушаніе блажаше, иного же пощеніе, иже паче естества, похваляя. Иного же многу терпѣнію довляшеся, и тако особно коегождо святого добродѣтель повидуя, на ревность возбуждаетъ тѣхъ совѣсть, и тако добрѣ подвизаются и на лучшая преуспѣвающе день денне ¹⁾ Пафнугій Боровскій „во время зимы молитвѣ множае прилежаше и чтенію и мрежей плетью“ ²⁾. То же дѣлали и другіе иноки. Въ житіи Пафнугія разсказывается, какъ одинъ молодой послушникъ, выйдя однажды изъ монастыря, прельстился красотою женскою и палъ, „потомъ же возвратися въ келью отца и обрѣте его прилежаща чтенію; возведъ же очи свои отецъ видѣвъ его отврати лице свое и рече...“ ³⁾ Иные изъ иноковъ не только сами читали, но и другимъ повѣствовали прочитанное, и такого рода бесѣды только и дозволялись между братьями Пафнугьева монастыря. Пафнугій, по словамъ житія „велико опасеніе и ревность имяше: аще кто и мало кромѣ божественнаго писанія начинаше глаголати, не точно не слышати хотяше, но и отъ обители изгоняше“ ⁴⁾. То же строго наблюдалось и Кирилломъ Бѣлозерскимъ въ его монастырѣ: „аще кто и глаголати хотяше, но ничто же ино, развѣ отъ писаній на пользу прочимъ братіямъ, паче же иже писанія не вѣдущимъ“ ⁵⁾. Ученику своему Мартиніану Бѣлозерскому, когда тотъ окончилъ обученіе грамотѣ у учителя, Кириллъ прямо повелѣваетъ „книгамъ поучатися“ ⁶⁾. Иосифъ Волоколамскій такъ тщательно изучилъ книги своей библіотеки, что подъ старость, лишившись зрѣнія, могъ по памяти находить въ книгѣ нужное мѣсто. „Коему брату повелѣваше когда прочести книгу свою

¹⁾ Житіе Правосл. Собес. 1859 г. II, стр. 482—3.

²⁾ Житіе по рук. Моск. Дух. Акад. № 659, л. 132 об.

³⁾ Тамъ же, л. 128.

⁴⁾ Тамъ же, л. 134 об.

⁵⁾ Житіе по рук. Москов. Дух. Акад. № 20, л. 406.

⁶⁾ Житіе Мартиніана по рук. Московск. Дух. Ак. № 564, л. 219.

себѣ, и брату аще медленно повелѣваемаго прочестися слова искущу въ книгѣ грубостію повелѣваетъ книгу къ себѣ принести, яже приѣмъ и разгнувъ, абіе обрѣташе искомое слово. яко внутренними очима зрящу и въ затворени книгѣ искомое. Внѣшніи бо ему очи, якоже и патріарху Исааку, не видиста“ ¹⁾. Ревностно самъ изучая книги, Иосифъ къ тому же руководилъ своихъ учениковъ. „Иосифъ своя ученики воспитоваше ученіемъ и напояніе наказаніемъ“, отчего многіе „бѣша у него явившася подвижницы величїи, имѣюще разумъ писанія, отъ нихъ же множайшіи произведены быша на начальства во ина обители, не только во игумены и архимандриты, но и на епископскія престола возведены быша, явившемся имъ искуснемъ въ начальствахъ“ ²⁾. Житіе называется даже по имени одного изъ учениковъ Иосифа—Бориса, который „Иосифовымъ еказаніемъ отъ Божіихъ книгъ питаемъ бѣваше и познавая добродѣтели блаженства“.

Въ Бѣлозерскомъ монастырѣ преп. Ферапонта монахи трудились между прочимъ, „инїи книги пишуще, друзїи же книгамъ учахуся“ ³⁾. Въ монастырѣ Александра Свирскаго чтеніе книгъ одобрялось и поощрялось наравнѣ съ такими монашескими трудами, какъ молитва. Самъ Александръ „имяше обычай по вся ноци обходить вся келліи, идѣже живяху братія, хотя увѣдати коегождо житіе. И аще слышитъ коего молящася или книги прочитающа... о такомъ прославляше Бога“ ⁴⁾. Преп. Павелъ Обнорскій подвизался въ монастырѣ „нощю же и денно закону Господню по вся часы поучаяся и словеси священными выну себѣ напаяя“ ⁵⁾. А въ своемъ поученіи братіи тотъ же святой увѣщавалъ: „не лѣнимся, братіе, разгнемъ убо книги и прочтемъ житія святыхъ отецъ, да увѣмы пребываніе благого ихъ житія. Колика ими быша исправленія, колико смиреніе и изможденіе, како тихостію и житіемъ чистымъ пожиша, бдѣніемъ и молитвою, съ покаяніемъ многимъ и слезами“ ⁶⁾. И на смертномъ одрѣ преп.

¹⁾ Житіе Иосифа, изд. Невоструевымъ, стр. 72.

²⁾ Тамъ же, стр. 46 и 49.

³⁾ Житіе по рук. Моск. Дух. Акад. № 564, л. 215.

⁴⁾ Житіе, изд. Св. Синодомъ, СПб. 1818. Это же житіе мы читали и по рук. Моск. Дух. Ак. № 632, по тамъ въ соответствующемъ мѣстѣ на л. 311 об. фразы „или книги прочитающа“ нѣтъ.

⁵⁾ Житіе по рук. М. Д. А. № 659, л. 178.

⁶⁾ Тамъ же, рук. л. 184 об. 185.

Павель завѣщаль „прочее время (послѣ церковнаго богослуженія) въ келіяхъ молитися, въ безмолвіи и немятежно пребывающе, и божія книги день и ночь почитати, внимающе рукодѣліе свое и молитвамъ, и потщавающеся каждо на службу своею...¹⁾ и вседушевнѣ подвижатися о своемъ спасеніи, помышляюще житія святыхъ“²⁾. Евфросинія Полоцкая такъ любила чтеніе книгъ, что молилась: „Господи помилуй, еще же за все имѣніе мое имѣю книги сія, ими же утѣшается ми ся душа и сердце веселить“³⁾. Евфросинія Суздальская не только сама ревностно изучаетъ „божественное писаніе“, изслѣдуя при этомъ различные богословскіе вопросы, но и читаетъ сестрамъ монастыря и ихъ поучаетъ⁴⁾.

Необходимыя средства книжнаго просвѣщенія — книги создавались здѣсь же въ монастыряхъ, чрезъ переписку. Перепиской книгъ занимался преп. Никонъ Печерскій. Жизнеописатель Θεодосія Печерскаго рассказываетъ, что преп. Никонъ и Θεодосій „многожды“ проводили вечера такимъ образомъ: „великому Никону сѣдящу и дѣлающу книги, и блаженному (Θеодосію) въскрай того сѣдящи и прядущу нитіе, еже на потребу каковому дѣлу“⁵⁾. Въ томъ же житіи сообщается, что „единъ отъ братіи, именемъ Иларіонъ, бяше и книгамъ хитръ писати и по вся дни писаше въ келіи у блаженнаго отца нашего Θεодосія, оному же псалтирь усты поющу тихо и рукама прядущу волну или кое ино дѣло дѣлающу“⁶⁾. Евфросинія Полоцкая не только сама переписывала книги, но и дѣлала то же посредствомъ наемныхъ писцевъ. Когда она перешла въ помѣщеніе при церкви Св. Софіи, то, по словамъ житія, „подвижнѣйши подвигъ постнической воспріимати, и начать книги писати своими руками, и наемъ емлющи, требующимъ даяше“⁶⁾. О Стефанѣ Пермскомъ агіографъ замѣчаетъ, что онъ „непразденъ же присно пребываше, но дѣлаше рукама своима всегда трудолюбнѣ, и святыя книги писаше хитрѣй гораздо и борзо, и послушествуютъ книги его многая, яже и до сего дня, яже суть трудове

¹⁾ Тамъ же, рук. л. 196.

²⁾ Тамъ же, рук. л. 197.

³⁾ Житіе въ Памятн. Стар. Р. Лнт. IV, 175.

⁴⁾ Житіе, изд. Георгіевскимъ, стр. 24—25, 31—34, 37.

⁵⁾ Житіе Θεодосія. Чтен. Общ. Истор. Др. Русск. Л. 17 об.

⁶⁾ Тамъ же. Ср. Голубинекій. Истор. Р. Ц., т. I, пол. 1, стр. 738, прим. I.

его“⁶⁾. Этотъ свой трудъ Стефанъ не оставилъ и въ Пермь: напротивъ онъ широко развилъ его, составивъ изъ новокрещенныхъ цѣлый штатъ переписчиковъ. „Учащихъ ся грамотѣ, елицы отъ нихъ извыкоша святымъ книгамъ и въ тѣхъ разбираше; овыхъ въ попъ поставляше, овыхъ же въ дьяконы, другія же въ подьяки, чтецы же и пѣвцы, пѣніе имъ перепѣвая и перелогая и писати научая ихъ Пермскія книги, самъ спомогая имъ, переводяше съ Русскихъ книгъ на Пермскія книги, и сна предасть имъ... Итакъ оттолѣ другъ друга учашу грамотѣ, и отъ книгъ книгу препишюще умножаху, исполняюще“¹⁾. Усердіе самого Стефана было паразитительно, какъ видно изъ дальнѣйшихъ словъ агіобиографа „Дѣло же бѣ ему: книги писаше, со Русскихъ переводя на Пермскія, но и съ Греческихъ многожды на Пермскія, и не малу болѣзнь имѣя, о семь прилежаше, овогда убо почиташе святыя книги, овогда же переписоваше; то бо бѣ дѣло ему присно, тѣмъ и въ ноцехъ многожды безъ сна пребываше, и бдѣніе повсегдашняя сѣтворяше, денью же множицею непразденъ бывшше, овогда убо тужашеся еже въ дѣлѣхъ руку свою“²⁾. Елеазаръ Анзерскій „трудомъ вяцимъ предашеша, овогда *книги писаше*, овогда же колѣнопреклоненія многа творяше, овогда же дрова сѣкій, и возяше на хребтѣ своемъ“³⁾. Занимался перепискою книгъ и преп. Кириллъ Бѣлозерскій. Въ житіи его рассказывается, что, проходя послушаніе на поварнѣ въ Симоновѣ монастырѣ, онъ однажды вслѣдствіе трудности этого послушанія сталъ молить Богоматерь, чтобы его перевели на другое дѣло. Богоматерь исполнила молитву Кирилла. Въ это время „помысли архимандритъ нѣкую книгу писати. И сего ради блаженному Кириллу повелѣваетъ отъ поварни изыти въ келію и тамо книгу писати. Якожь услыша Кириллъ, отъиде въ келею, разсудивъ яко пречистая его не презритъ, но прошеніе его пріять, и тамо такожь подвизашеся въ писаніихъ и молитвахъ и ношныхъ колѣнопреклоненіяхъ. Но не толико ему бяше умиленіе, елико егда въ поварнѣ бяше. Тѣмъ же

¹⁾ Пам. Стар. Р. Лнт. IV, 174 стр. То же по рук. Моск. Дух. А. № 632, л. 211.

²⁾ Пам. Стар. Р. Лнт. IV, стр. 135.

³⁾ Тамъ же, 146—7.

⁴⁾ Житіе. Правосл. Собес. 1860 г. Ч. I, стр. 115.

паки пречистую Богородицу моляше даровати ему умилєніє, еже прежде имаше. По малѣ же убо настоятель паки въ поварню посылаетъ его братіамъ службу совершати. Кирилль же радѣ бысть, яко сія услыша и иде... въ поварню, ¹⁾. Книги составляли единственное имущество Кирилла. Когда нѣкій Теодоръ подослалъ воровъ, чтобы ограбить святого, то святой сказалъ Теодору: „вѣру ими, чадо Теодоре, ничто же ино не имѣю въ жизни своей, развѣ ризы сія, яже на мнѣ видниши и мало книжиць“ ²⁾. Биографъ Паисія Углицкаго († 1504 г.), замѣчая о трудахъ преподобнаго по перепискѣ книгъ въ Макаріевскомъ Калязинскомъ монастырѣ, указываетъ даже, что одна изъ переписанныхъ имъ книгъ была твореніемъ Григорія Богослова, „и та книга и до сего дни во обители преподобнаго Макарія въ Калязинѣ“ ³⁾. Насколько переписка книгъ была обычномъ дѣломъ въ древне-русскихъ монастыряхъ, свидѣтельствуєтъ житіє Михаила Клопскаго, въ сообщеніи о первомъ появленіи святого въ обители Клопской. „Бысть во обители оной священноиннокъ именемъ Макарій, имѣяй келію близъ храма святыхъ Троицы; сему Макарію случися мѣсяца іюня 23 день на память святыхъ мученицы Агрипины, заутреннюю службу совершати въ церкви егда приде время девятыя пѣсни, ему же покадившу братіи, иде въ келіи своей кадити, яко близъ бѣ церкви; егда же приде къ келіи, и обрѣте ю отверзту; онъ же удивися, яко преже заключенъ ей сущи, и вшедъ обрѣте нѣкоего во иноческа облечена сѣдяща и предъ нимъ свѣщу горящу, сѣдящему же пишущу Дѣянія святыхъ апостолъ ⁴⁾. Очевидно, Макарій занимался перепиской книгъ такъ часто, что всѣ необходимыя для письма принадлежности находились у него всегда на готовѣ. Въ монастырѣ, повидимому, приобрѣтенная любовь къ „дѣланію книгъ“, побуждала нѣкоторыхъ иноковъ продолжать ревновать объ этомъ дѣлѣ и по поставленіи на архипастырскія каѳедры. Таковы напр. были Игнатій еп. Ростовскій и Моисей архіеп. Новгородскій. Въ краткой повѣсти о преставленіи Игнатія сообщается, что

¹⁾ Житіє по рук. Моск. Дух. Акад. № 208, л. 390 об.—391.

²⁾ Тамъ же, л. 402 и об.

³⁾ Житіє. Яросл. Епарх. Вѣдом. 1875 г. № 16.

⁴⁾ Житіє по рук. Моск. Дух. Акад. № 659, л. 314—315. То же въ Пам. Стар. Русск. Лит. IV, 38.

„егда вложиша и (тѣло его) въ гробъ“ то „даша ему свитки, ихже списа въ животѣ своемъ презвитеры и діаконы, и простре руку и пріять, яко живъ“ ¹⁾. Моисей Новгородскій „собра многи писца книжныя, начатъ переписывати книги святыхъ“. Примѣру русскихъ іерарховъ слѣдовали іерархи изъ грековъ. Митрополитъ Кипріанъ „въ своемъ селѣ митропольствѣмъ въ Голенищевѣ... книги своею рукою писалше. И многія святыхъ книги съ греческаго языка на російскій переложилъ и довольна списанія къ пользѣ намъ оставилъ“ ²⁾.

Книги, которыя служили источникомъ просвѣщенія, называются вездѣ: „божественное писаніе“, или „святыхъ книгъ“, рѣдко просто „писанія“ или „книги“. Несомнѣнно, съ понятіемъ „божественнаго писанія“ у древне-русскаго книжника соединялось представленіе о всей совокупности древне-русской письменности, глубоко проникнутой религиозной точкой зрѣнія, религиознымъ складомъ мышленія и религиозными сюжетами ³⁾. Мы не имѣемъ сколько нибудь твердыхъ свидѣтельствъ древне-русской житійной литературы о пользованіи книгами научнаго и общеобразовательнаго характера. Можно утверждать лишь, что древне-русскіе книжники имѣли нѣкоторое представленіе о болѣе совершенномъ, греческомъ способѣ образованія. Кромѣ уже ранѣ приведеннаго мѣста ⁴⁾ изъ житія Евфросиніи Суздальской, отъ этого свидѣтельствуєтъ характеристика самого себя авторомъ житія преп. Иоасафа Каменскаго: „поселянинъ есмь, говоритъ онъ, извитія словесъ не вѣдущій, ни рѣшенія притчамъ не навывкшій, ни отъ философъ учившійся, грамотикіи и риторикіи никогда же прочитавшій“ ⁵⁾.

Христіанское просвѣщеніє народныхъ массъ.

Достигнувъ путемъ усерднаго самостоятельнаго изученія „божественныхъ писаній“ болѣе или менѣе высокой степени

¹⁾ Повѣсть въ рук. Моск. Дух. Акад. № 640, л. 96 об.

²⁾ Житіє въ Пам. Стар. Русск. Лит. IV, стр. 11.

³⁾ Сравн. Жмакинъ. Митроп. Данииль и его сочиненія, стр. 6. (М. 1881 г.); Архангельскій „Нилъ Сорскій и Вассіанъ, Патрикѣевъ, ч. I. Нилъ Сорскій, стр. 244. СПб. 1882 г.

⁴⁾ См. выше.

⁵⁾ Отрывки житія въ Правосл. Собес. 1861 г., ч. I, стр. 214—16.

христіанской просвѣщенности, большинство лицъ, служащихъ предметомъ житійныхъ повѣствованій, становятся со временемъ источниками христіанскаго просвѣщенія для широкихъ народныхъ массъ.

Преимущественнымъ предметомъ агиографической литературы служатъ иноки, но здѣсь попутно дается нѣсколько интересныхъ сообщений о просвѣдательной учительной дѣятельности представителей *древне-русскаго духовенства*. Житійная литература не говоритъ, гдѣ и какъ достигли высокой степени просвѣщенія сами эти представители блага духовенства, она утверждаетъ лишь фактъ этой просвѣщенности и вліяніе послѣдней на широкія народныя массы. Интересный образецъ дѣятелей русскаго религіозно-нравственнаго просвѣщенія даетъ житіе Евфросина Псковскаго въ лицѣ разпопа Іова и раздіакона Филиппа. Псковскій попъ Іовъ половины XV вѣка имѣлъ способность „совершеннаго протолкованія всякаго писанія ветхаго и новаго завѣта; таже извѣче много повѣствовати отъ писанія и многу протолкуя силу книжную: и бяху вси людіе, купно же и священницы и причеть церковный, прихождаху къ нему и вопрошаша отъ него о всякомъ писаніи неразрѣшенномъ и о церковномъ устроеніи, купно же и о законныхъ вещехъ; онъ же убо протолкуя, и сказоваше имъ вся по ряду, о чемъ же кто вопрошаше его, и въ сласть его послушаша ученія людіе и церковницы; да того ради отъ всѣхъ честенъ бысть и знаемъ всѣми, и словяше отъ нихъ достроченъ философъ; имѣяше бо остръ умъ на божественное писаніе, того ради и столпъ нарицашеся церковный, благочестія подражаше крѣпость и твердъ учитель и наставникъ православію¹⁾. Этотъ Іовъ могъ утверждать о себѣ, что „ничто же изрони мудрости философскія“, его учительная энергія была велика. По сказанію житія, онъ даже и послѣ снятія сана продолжалъ усердствовать въ томъ же направленіи „о всѣхъ осужаяй, и инѣхъ уча, и овѣхъ наказуя, и другимъ законы полагая и имѣнъ заповѣди, и священникамъ чинъ уставляя и сановъ церковней службѣ, яко изыщимъ вещемъ, купно же и черноризцамъ бяше законовѣдецъ; не токмо бо во градѣ учаще, но и окрестъ града, паче же въ дальнихъ пусты-

¹⁾ Пам. Стар. Русск. Лит. IV, стр. 81.

нехъ пребывающія—и отъхъ вопрошая и опытуя чину ихъ и пребыванія, и какова конхъ исправленія ли плотяна, или духовна; одинако бо на нихъ ропшуще. яко на плотяныхъ, тако и на духовныхъ, яко имущихъ исправлена житія“¹⁾. Раздіаконъ Филиппъ былъ „мудръ зѣло, обоя вѣдый писанія, древняя и новая, и волень въ языцѣ, и скорь словомъ, и многорѣчивъ дохторъ, и пространенъ философъ умомъ, и быстръ помысломъ, и выше мѣры книжныя всяко писаніе преумѣвающе и зѣло искусенъ вещемъ законописменнымъ на вопросы и отвѣты“²⁾. Къ сожалѣнію учительная ревность этихъ лицъ въ слишкомъ значительной долѣ возгрѣвалась тщеславіемъ. Іовъ „буи образомъ смотряшеса и смысленъ мняйса имѣти разумъ и мудръ зѣло и внутрь себѣ кичайса“³⁾.

Болѣе симпатичный типъ древне-русскаго учительнаго священника дается въ житіи Мартирія Зеленецкаго. Въ первой половинѣ XV вѣка у Благовѣщенской церкви Великаго Новгорода былъ замѣчательнѣйшій священникъ Борисъ. „Сей убо яко пастырь добрый, всегда печашеся о порученнѣмъ ему стадѣ, и вся люди наказуя, учаще отъ божественныхъ писаній, въ разумъ истинный приводя“⁴⁾. Народъ очень часто толпами собирался къ Борису⁵⁾, ради поученія, а тотъ не только поучалъ ихъ всѣхъ сообща, но всматривался въ душевное настроеніе и отдѣльныхъ приходившихъ къ нему личностей. Такія личности могли „и въ домъ часто къ нему притекати“⁶⁾, прилежати тому ученію“ не только днемъ, но и ночью⁷⁾. Они дѣлались дѣтьми его духовными и подъ его руководствомъ устроили свою жизнь. Однимъ изъ такихъ питомцевъ Бориса и былъ Мартирій Зеленецкій, въ мѣрѣ Мина. Блаженный Мина, видѣвъ таковое іерея непрестанное прилежаніе и поученіе къ людямъ, божественныя любви наполняяся, и духовную ревность, яко елень, желаше

¹⁾ Тамъ же, стр. 82.

²⁾ Тамъ же, стр. 84.

³⁾ Тамъ же, стр. 81.

⁴⁾ Пам. Стар. Русск. Лит. IV, 52.

⁵⁾ „И пакы на многа дни совокупльшеса ко оному іерею ради поученія много народъ“. Тамъ же, стр. 53.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 53.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 52.

присно наслаждающаго источника немутных воды, и нелѣпно прилежаше того ученію день и ночь, безпрестани спасительная словеса на сердце си влогаше, плодствуя въ себѣ сѣмя духовное. Сей же прежде реченный іерей Борисъ, видѣвъ такое тщаніе юноши къ ученію, дивляшеся вельми и во единѣ отъ дни отъ нѣкоего откровенія проразумѣ хотящая сему быти напоследокъ и рече: да возсяетъ ти чадо, свѣтъ разума отъ нынѣ и до вѣка... И тако разыдосшая. И пакы на многи дни совокупльшеся ко оному іерею ради поученія многъ народъ, такоже и блаженный Мина не оставляше, но съ великимъ тщаніемъ послушаше ей, и въ домъ часто къ нему притекая, духовнаго отца его себѣ учини и сподобися, сему же іерею постыящу люди многая лѣта не яко наемнику, но яко истинному пастырю. по преданію святыхъ отецъ“¹⁾. По смерти жены Борисъ постригся въ монахи съ именемъ Боголѣпа. но и въ монастырѣ онъ не оставлялъ дѣла учительства. „Мина же ревноваше во всемъ учителю своему и вся въ наказаніе себѣ приемя, и къ своему наставнику приходаше духовныя ради бесѣды, и многими словесы отъ преподобнаго Боголѣпа учимъ бываше, еже воспріяти иноческій образъ“²⁾. Подъ влияніемъ наставленій Боголѣпа, Мина дѣйствительно постригается и до самой смерти Боголѣпа подвизается съ нимъ и подъ его непосредственнымъ руководствомъ³⁾.

Преимущественными пунктами откуда распространялось религиозное просвѣщеніе въ древней руси, по житійной литературѣ, однако являются монастыри⁴⁾. Монастыри древней Руси находились въ весьма живыхъ сношеніяхъ съ мірянами. Міряне любили навѣщать монастыри и проводить здѣсь „не малое время въ общеніи съ иноками“. Примѣръ здѣсь подавали сами князья. Въ житіи Θεодосія Печерскаго

1) Тамъ же, стр. 52—3.

2) Тамъ же, стр. 54.

3) Тамъ же, стр. 54—58.

4) Свѣдѣнія объ учительной дѣятельности древне-русскихъ подвижниковъ и монастырей собраны въ книгѣ проф. С. П. Смирнова „Какъ служили міру подвижники древней Руси.“ Св.-Тр. Сергіева Лавра. 1903. Мы указываемъ преимущественно тѣ черты и факты, которые въ названной книгѣ или совсѣмъ не указаны или же представлены менѣе документально.

разсказывается, что князь Изяславъ „зѣло любяше блаженнаго, часто же и призываше къ себѣ и множицею же самъ приходаше къ нему, и тако духовныхъ тѣхъ словесъ насыщашеся и отхожаше“¹⁾. Житіе изображаетъ даже и обстановку одной изъ бесѣдъ князя съ инокомъ. „И въ единѣ день полудню сущу приде по обычаю христолюбець Изяславъ съ малымъ, (егда хотяше поѣхати къ блаженному, тогда распустяше вся бояры въ дома своя, нѣ токмо съ шестію или съ пятію отрокъ прохожаше нѣ нему). Паче по сихъ шедшима има въ церковь и сѣтворивъ молитву сѣдоста; ти тако христолюбивый князь насыщашеся медоточныхъ тѣхъ словесъ иже исхождаху отъ устъ преподобнаго отца нашего Θεодосія. И велику пользу приимъ отъ него, иде въ домъ свой слава Бога... И вельми послужаше его, и творяше вся повелѣнная ему отъ великаго отца нашего Θεодосія“²⁾. Примѣру Изяслава слѣдовали и его бояре. Одинъ изъ нихъ „часто приходаше къ нему (т. е. Θεодосію) и насыщашеся отъ него духовныхъ тѣхъ словесъ, подаваше отъ имѣнія своего на строеніе монастырю“³⁾. Другой бояринъ также „велику любовь имяше къ блаженному Θεодосію, и часто приходаше къ нему и велику пользу приимаше отъ него. И, егда же си приходаша къ нему, то же сий тако по божественнемъ темъ ученіи представляше тѣмъ трапезу отъ брашенъ тѣхъ монастырскихъ: хлѣбъ, сочиво и мало рыбъ“⁴⁾ Къ преп. Евфимію Суздальскому „приходаше часто съ вѣрою князь Борисъ Константиновичъ, благословенія и молитвы требуя отъ всея души и бесѣдовавъ съ нимъ на единѣ о пользѣ душевной; святую обитель печерскую удовлетворяше всѣми нужными потребями, яже угодная братству всему“⁵⁾. Въ житіи Михаила Клопскаго упоминается о посѣщеніи Клопской обители княземъ Константиномъ, при чемъ игумень и братія встрѣтили его „якоже есть обычай срѣтати благородныхъ господей“⁶⁾. Въ житіи Варлаама Хутын-

1) Житіе изд. въ Чт. Общ. Истор. и Др. Росс. 1879 г. Январь—Мартъ кн. I. л. 15.

2) Тамъ же, стр. 16.

3) Тамъ же, л. 22.

4) Тамъ же, л. 23 об.

5) Житіе по рук. Моск. Дух. Ак. № 490, л. 253 об.

6) Пам. Стар. Русск. Лиг. IV, стр. 40. Сравни. Рук. Моск. Дух. Ак. № 659, л. 319.

скаго рассказываетъ о посѣщеніи его монастыря великимъ княземъ Василиемъ Ивановичемъ¹⁾. Самого Варлаама при жизни его часто навѣщаль архіепископъ Антоній. Онъ „имѣяше въ чести преп. Варлаама. „Овогда убо самъ архіепископъ пріѣздаше въ домъ святого Спаса и къ преподобному Варлааму духовныя ради бесѣды, овогда къ себѣ призываше архіепископъ преподобнаго въ архіепископію; онъ же, яко послушливъ рабъ, ни о чемъ же ослушашеся отца своего архіепископа ради еже о Христѣ любовнаго съюза и духовныя бесѣды“. Такимъ образомъ, стало „за обычай“; что архіепископъ призывалъ къ себѣ преподобнаго „о церковномъ исправленіи“, а тотъ немедленно ѣхалъ на зовъ²⁾. Князь Феодоръ Смоленскій въ монастырь святого Спаса „всегда пріѣзжаше и братію довольно кормяше, и божественнымъ книгамъ прилежаше день и ночь“³⁾. Въ житіи Сергія Радонежскаго не разъ сообщается о посѣщеніи его монастыря московскими князьями⁴⁾.

Бояре и простой народъ ходили въ монастырь иные по обѣту въ опредѣленные дни по случаю какихъ-либо замѣчательныхъ событій своей жизни; иные прибѣгали къ ракъ святого за благодатной помощью; иные заходили по дорогѣ во время путешествій; иные—во время голода—ради прокормленія; иные имѣли обыкновеніе вообще часто посѣщать монастырь безъ особой причины, иные, наконецъ, цѣлыми селеніями ходили въ монастырскую церковь къ богослуженію вмѣсто приходской церкви. Приходившіе имѣли обыкновеніе быть въ монастырѣ нѣсколько дней, при этомъ состоятельные изъ нихъ

1) Интересно замѣчаніе о церемоніи великокняжеской встрѣчи: „грядяше кушно и съ дѣтьми своими и много отъ вельможей съ нимъ. Бывшу же близъ монастыря, игуменъ же яко достоѣпно съ братією и съ кресты и съ кадилы великаго князя срѣтають... По сихъ же, вшедъ въ церковь и у гроба бывше и довольно молитвоваше, и по скончаніи пѣнія начать вопрошати“... Великія Чет. Минеи изд. Археограф. Коммисіи, Ноябрь, дни 11—12, стлб. 215—220.

2) Житіе. Великія Четив Минеи, стр. 213.

3) Рук. Моск. Дух. Ак. № 490, л. 233 об.

4) Житіе, изд. Леонидомъ, см. напр., стр. 97—8. Здѣсь князь приходитъ совсѣмъ не такъ смиренно, какъ Изяславъ къ Феодосію, но „со многою гордостію и славою и полку велику быти укружь его бояромъ и отрокомъ его“.

по совершеніи службы „поставляху трапезу братіи“¹⁾ и за этой трапезой, несмотря даже и на боярское свое званіе, сами прислуживали братіи²⁾. Изъ житія Дмитрія Прилуцкаго мы узнаемъ, что въ городѣ былъ такой „обычай“, что „во время пѣнія приходяху людіе на молитву къ церкви, мужіе и жены и дѣти“³⁾. О томъ же говоритъ и житіе Іосифа Волоколамскаго⁴⁾. Монастырское богослуженіе, съ его длинными Уставными Чтеніями, часто было трудно выносить для приходящихъ изъ міра. Такъ одинъ изъ мірскихъ слушателей монастырской службы, совершавшейся по уставу Евфросина Псковскаго, утомившись обратился къ монастырскому клирику съ такимъ заявленіемъ: „скажи ми брате, что есть бываемое се ликопѣнія, ово псалтирь, ово же каноны глаголашеса, ово же продолженіе чтенія, и если сему престатіе? уже болѣе полночи пріидоша и конецъ мя постигъ отъ многаго стоянія“⁵⁾. Но несомнѣнно, участіе въ этомъ богослуженіи было для народа школою нравственной дисциплины и источникомъ религіозно-нравственнаго просвѣщенія. Приходя въ монастырь, богомоль-

1) Въ житіи Варлаама Хутынскаго говорится, что одинъ человекъ „имѣя въру къ преподобному Варлааму и часто приходше въ монастыря блаженнаго и тамо молбы совершаше и пакы въ домъ свой возвращашеся. Единую же вземъ на потребу и иде купно съ женою своею въ монастырь святому поклонитися и, пришедшу ему тамъ и молебна съвершивше и раки святого поклонившуся по совершеніи службъ, абіе поставляеть трапезу братіи, и тѣхъ ущедривъ, пакы хотѣ возвратитися въ градъ“. Вел. Чет. Мни., столб. 209.

2) Въ томъ же житіи Варлаама Хутынскаго читаемъ: „Тѣмъ убо молебна свершающимъ святой же по малу тому (больному) исцѣленіе дарова; тѣмъ же боляй, яко отъ нѣкоего сна тяжка по малѣ въ чувство приходяше. Отпѣвшимъ же и обычная правилу, и сѣдшимъ же братіямъ на трапезѣ ясти, боярамъ же и слугамъ предстоящимъ и теплыя хлѣбы тѣмъ представляющимъ“... Тамъ же, столб. 231. Въ житіи Михаила Клопскаго сообщается: „по совершеніи же святыхъ службы внидоша въ трапезу, Григорій же (вельможа) нача молити святого, да вкусить отъ принесенныхъ съ нимъ брашенъ; и повелѣ святой принести на трапезу, вельможа же самъ предстояще... и того дни на трапезѣ здравъ стояше и всю службу къ потребѣмъ содѣяше, самъ же святого пакы моляше, да вкусить отъ предлагаемыхъ“. Пам. Стар. Русск. Лит. IV, 44. Рук. Моск. Дух. Ак. № 659, л. 324.

3) Рук. Моск. Дух. Ак. № 640, л. 50 об.

4) Изд. Невоструева, стр. 37—8.

5) Житіе по рук. Моск. Дух. Ак. № 659, л. 131.

цы вступали въ бесѣду съ иноками. Такъ, Макарій Желтоводскій, будучи отрокомъ, имѣлъ обычай „отъ родителей своихъ ходити во святой великій печерскій монастырь. яже отстоящу ему три поприща отъ града того, и не есть на Волзе. Любляше же отрокъ той бесѣдовати со етеры и вопрошати ихъ о спасеніи челоувѣчествъ“¹⁾. Подъ вліяніемъ этихъ бесѣдъ съ печерскими иноками Макарій и принимаетъ затѣмъ монашество. Нѣкоторые изъ приходящихъ заходили въ келіи монаховъ, по крайней мѣрѣ къ игумену, о чемъ говоритъ слѣдующее замѣчаніе агіобіографа Пафнутія Боровскаго: „и пакы сѣдящимъ нѣкогда у блаженнаго братіямъ и нѣкимъ отъ міра благоговѣйнымъ, возвѣстиша ему, яко сущій тогда архимандритъ на Симоновѣ остави архимандрію“.

Къ Авраамію Ростовскому (ок. 1073—1077 г.), извѣстному просвѣтителю Ростова, по свидѣтельству житія, его „начаша ходити крещенные имъ на славословіе Божіе и на всенощное пѣніе жены же и отроцы; святой же почитаніемъ книжнымъ наслаждалаше сердце ихъ²⁾ и поученіемъ духовнымъ“³⁾. Къ Авраамію Смоленскому (нач. XIII в.) такъ много стали „отъ міра притекати, отъ него утѣшеніе пріимати отъ святыхъ книгъ“⁴⁾, что это возбудило зависть среди окрестнаго духовенства и мірянъ. „Бысть отъ діавола наученія, ибо нѣции отъ иерей, друзіи же отъ черноризецъ, како бы нань востати, овые же отъ града потязатися и укорити исходяще, друзіи и спіру творяще, яко ничто же свѣдуще, противу нань глаголаху; и тако посрамлени съ студомъ отхожаху, и пакы непереставаху, крамолы нань воздвижающе, въ градъ и вездѣ глаголюще: се ужь весь градъ обратилъ есть къ себѣ... яже и самому игумену не стерпѣти, многія къ нему видя притекающія, и хотя того его отлучити и глаголаше: азъ за тя отвѣщаю убо Богу, ты же престани уча, и много озлобленія нань возложи“. Вслѣдствіе нападокъ игумена, Авраамій оставляетъ прежнее свое мѣстопробываніе и переселяется во внутрь города, въ другой монастырь. „И оттолѣ вниде во градъ. И

1) Рук. Моск. Дух. Ак. № 346, л. 26 и об.

2) Слав. Русск. Прологъ, Пономарева, Октябрь, подъ 29 ч., стр. 43.

3) Рук. Моск. Дух. Ак. № 280, л. 221,

4) Правосл. Собес. 1858 г., ч. III, стр. 144 и 145.

пребысть въ единомъ монастырѣ у честнаго Креста, и ту начаша болѣе приходити и ученіе его множайшее быти¹⁾... И мнози начаша отъ града приходити и *послушати церковнаго пѣнія и почитанія божественныхъ книгъ*; бѣ бо блаженный хитръ почитати, дастъ бо ся ему благодать Божія не токмо почитати, но и *протолковати*, яже мнозѣмъ не свѣдушимъ, и отъ него сказанная всѣмъ разумѣти, и слышащимъ къ сему *изоустъ и памятью сказая*, яко ничто же ся его не утайтъ божественныхъ писаній, якоже николиже умълкоша уста его ко всѣмъ, къ малымъ же и къ великимъ, рабемъ же и свободнымъ и руководѣльнымъ, тѣмъ же ово на молитву, ово на церковная пѣнія, ово на утѣшеніе притекающимъ, яко и въ ночь мало сна пріимати“²⁾. Къ Варлааму Хутынскому (†1192) „собирахуся отовсюду князи и вельможи, иноцы же и прочіи христоименитіи людіе ползы ради; онъ же, яко изрядный ученикъ своего учителя, всѣхъ любовію пріимаше и всѣхъ пользоваше и всѣхъ учаше“³⁾. Къ Евфросиніи Суздальской († ок. 1250) „мнози прихождаше людіе града того Суздаля и различныхъ странъ, исцѣлевахуся отъ тѣлесныхъ недуговъ, и, поучаемы блаженною душевнѣмъ назилахуся, и отступаху житія міра сего и еже по Бозѣ житіе пріимаху“⁴⁾; „не отъ единаго града Суздаля, но и отъ окрестныхъ градовъ прихождаху жены етеры и дѣвицы многи слышати слово Божіе⁵⁾, пользы ради душевныя⁶⁾, и вельми на успѣхъ имъ бысть, пользоважеса отчужаху въ дома своя, нѣции же отъ нихъ векорѣ отрицахуся міра“⁷⁾.

Великій отецъ сѣверно-русскаго монашества, преп. Сергій былъ учителемъ для всѣхъ концевъ тогдашней Руси. „Всегда зѣло слуху житія преподобнаго распространяющуся, тогда мнози отъ челоувѣкъ, иже отъ различныхъ странъ посѣщающе его, прихожаху, желающе и поне токмо видѣти его, и елици видѣвшие его возвращахуся въ свояси и, другъ другу повѣдающе яже о немъ, дивляхуся“⁸⁾. Въ житіи Сергія из-

1) Тамъ же, стр. 146.

2) Тамъ же, стр. 147.

3) Житіе, изд. Общ. Люб. Др. Письм., стр. 9.

4) Житіе, изд. Георгіевскимъ, стр. 55.

5) Тамъ же, стр. 34.

6) Тамъ же, стр. 51.

7) Тамъ же, стр. 34.

8) Житіе, изд. арх. Леонидомъ, стр. 94.

ображается даже и одинъ характерный случай изъ такого рода посѣщеній, когда одинъ крестьянинъ пришедшій въ монастырь Сергіевъ „изъ далече сущихъ мѣстъ“¹⁾ „пророка видѣти“ ради пользы духовной²⁾ сначала, удивленный „худостію портъ Сергіевыхъ“; отказался было признать въ Сергіи великаго игумена, пока не увидаль, какъ мнимый „калогеръ сѣдѣше одесную князя“. Преп. Сергій „побесѣдова съ нимъ душеспасительными, утѣшительными словесы, и отпусти его въ домъ свой; а оттолѣ человекъ тотъ велику вѣру имѣя къ Святой Троицѣ и къ преподобному Сергію до своего живота“³⁾. О Павлѣ Обнорскомъ († 1429) „пронесся повсюду слава, и мнози любодобродѣтельныи приходяду къ нему съзиданій ради духовныхъ: дасть бо ся ему слово премудрости и разума и утѣшенія; понеже, отъ благодати Святаго Духа добрѣ въздѣлану сердцу его, сладки плоды поученій всѣмъ подаваше“⁴⁾. Вторая половина XV вѣка ознаменовалась просвѣтительною дѣятельностью Пафнутія въ Боровскѣ († 1478), Евфросина въ Псковѣ († 1481), Зосимы на крайнемъ сѣверѣ († 1478). Къ первому, по сказанію житія, „прихожаху не точію иноцы, но и суціи отъ міра, исповѣдающися на духовнѣ, занежѣ зѣло благоразуменъ и добрѣ могій разумѣти съкровенную премудрость въ священныхъ правилѣхъ“⁵⁾; а во время голода сходилосъ въ его монастырь все окрестное населеніе, „яко до тысячи и множае на всякъ день собиратися“⁶⁾. Точно также и къ Евфросину „прихожаду изъ града христілюбцы пользы ради и благословенія, и приношаху потребная—брашно и питіе къ святому съ братіей, и учрежаніе ихъ“. При этомъ послѣ трапезнаго учрежденія, на которомъ, какъ видно изъ другихъ памятниковъ житійной литературы, присутствовали и ея устроители—жертвователи, случалосъ преподобному „нѣчто мало покоснѣти бесѣды ради“⁷⁾. Зосима Соловецкій былъ „разумѣ имѣя многъ божественному писанію, доволенъ сказати та“⁸⁾.

1) Тамъ же, стр. 94.

2) Тамъ же, стр. 95.

3) Тамъ же, стр. 98—9.

4) Житіе по рук. Моск. Дух. Ак. № 659, л. 182.

5) Житіе по рук. Моск. Дух. Ак. № 659, л. 132 и об.

6) Тамъ же, л. 132.

7) Пам. Стар. Русск. Лиг. IV, ч. I.

8) Житіе. Правосл. Собес. 1859 г. II ч., стр. 499.

На грани XV и XVI столѣтія и въ первой четверти XVI житійная литература представляетъ намъ два яркихъ образа двухъ дѣятелей христіанскаго народнаго просвѣщенія, это: знаменитый ученикъ Пафнутія Боровскаго,—Іосифъ Волоколамскій († 1515), и мало извѣстный, но чрезвычайно много потрудившійся на нивѣ народнаго просвѣщенія—Филиппъ Иранскій († 1538)¹⁾. „Іосифъ, бѣяше благоговѣніемъ украшенъ и устнама благоувѣтливъ, имѣя разумъ священныхъ книгъ, памятію много могій и безъ книгъ глаголати и добрѣ полезна бесѣдою“²⁾. Дасться Іосифови многа благодать въ словодаяніи, и глаголь его слышащему сладокъ и къ послушанію зѣло понудителенъ, всякомужѣ желающему добродѣтели помногу любезенъ, и толико, яко присно хотѣти присѣдати ему и словесы его питатися“³⁾. Кругъ слушателей преп. Іосифа былъ чрезвычайно широкъ: онъ включалъ людей различныхъ положеній, начиная отъ князя и кончая крестьяниномъ и холопомъ. „Часто и самому князю приходящу тамо и пользы наслаждающуся и радостію радующися о мужи, яко въ державѣ своей такова черноризца стяжалъ“. Благочестивый князь зѣло любяше Іосифа и много спомогаше ему“⁴⁾... И слышашеся Іосифъ въ градѣ и окрестъ жительствомъ чернечьскимъ изряденъ и словомъ удобренъ, извѣствованнымъ пребываніемъ оправданъ. Елико бояръ, иже отъ палаты князя, и елико отъ воеводъ его и отъ воинъ честныхъ, вси желаніемъ влекомы къ нему, взыскаваху отъ лица его, и, къ нему приходяще, пользовахуся отъ него священными словесы и покаянію жала въ сердца свои приемолюще бесѣдою его; и тако тому прилѣжно молящеся поустити тѣмъ душевная ихъ помышленія возложити ему, и словесъ его присно наслажатися и исправляти къ лучьшимъ жизнь ихъ сказаніемъ его и отца имѣти. Елицы же видѣвше его бѣяху много радовахуся о немъ, и всѣмъ извѣствующе яко зѣло пользовашемся отъ него“⁵⁾. Дѣйственность настав-

1) Житіе, составленное монахомъ Спасо-Каменскаго монастыря Германомъ, издано съ критическимъ предисловіемъ (XVII стр.) проф. В. О. Ключевскимъ на 77 стр. in 8 на средства Общ. Люб. Др. Письм., XVII вып. 1874. См. предисл. стр. XXXVII.

2) Житіе, изд. Невоструевымъ, стр. 20.

3) Тамъ же, стр. 25.

4) Тамъ же, стр. 20.

5) Тамъ же, стр. 21.

лений Иосифа была удивительна. „Не токмо добродѣтельные мужи приближающаеся ему, но иже отъ грѣховна обычая сущи, своя тому исповѣдающей дѣянїя, словесемъ его абіе уврачевающаеся и нравы своя удобряху покаяніемъ и на лучшая премѣняхуся, яко всѣ къ послушанію словесе мужа уготовляхуся и радовахуся, послушающе его; тцету же немалу вмѣняху, елицы того видѣнїя и слова не сподобишася. И еще Иосифово имя якоже священіе нѣкое въ устѣхъ имъ обношашеся, и житіе его яко единого отъ великихъ преподабныхъ похваляюще, дивляхуся, яко видяху его о всемъ опасна и добра устроена житіемъ боголюбезномъ и извѣствованномъ ¹⁾. Мнози сановницы, часто съ нимъ бесѣдующей, словеси его повинувшася, нравы своя давяющаеся, на кротость прелождыше, удобришася жизнию. И бѣ видѣти благочестїа свѣтомъ зѣло сіяюща и добродѣтелями умножающаеся, толикоже и блисташе доброта благонравїа и кротость словомъ мужа сего яко ведомы ведяхуся. И слышашеся въ нихъ тщаніе къ угожденію Божїю, и частъ въ устѣхъ ихъ заповѣдей Христовыхъ обношеніе и священныхъ псалмовъ гранесловіе, и *честныхъ книгъ бесѣдованіе* сказаніемъ Иосифовымъ упражняшася въ нихъ, лютость и злоба отгоняшася, и не якоже міряне, но якоже раби Христови, любви навыковаху и кротости, и, яко велми пользующаеся внимаху. Вся же тогда Волоцкая страна къ доброй жизни прелогашеся, тишины и покоя наслаждышася и веселяшася бѣаше, и поселяне же много послабленіе имуще отъ господей сель ихъ поущеніемъ его ²⁾. И бѣяше Иосифъ въ всей странѣ той, яко свѣтило сіяше ³⁾. Приходящїя вся пользуя и вси ищущїи душамъ своимъ попеченїа спасенаа“ ⁴⁾. Учительное слово Иосифа простиралось не только на мужчинъ, но и на женщинъ. „Къ нему идяху слышати слово пользы не точию же мужіе, но и жены благочестивыя взыскаха слышати отъ него словесе и исповѣдати своа ему въ душевное врачество“. А когда Иосифъ нашель „въ монастырь ему женамъ прихождение ⁵⁾ опаснымъ для „юныхъ мниховъ,

¹⁾ Тамъ же, стр. 25—26.

²⁾ Тамъ же, стр. 21—22.

³⁾ Тамъ же, стр. 25.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 37.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 37.

въ монастыри учащихся, и запретилъ „женамъ приходъ въ монастырь“ ⁵⁾, то послѣднїя „истинно желающе спасенїа, не умолчеваху: елико бо ихъ писмена вѣдущихъ, писанми своя вся душевная ему исповѣдаху и, отъ него вписанїя прїемлюще, радовахуся, извѣщающаеся. Елико же писменъ не вѣдаху, ти священныя мужа, предстоящїя церквамъ ихъ, къ нему посылающе, извѣщевахуся, ползу прїемлюще: всѣмъ бо врачъ добръ и искусенъ душевныя вреды цѣлїти хотящему“ ⁶⁾.

Дѣятельность Филиппа Иранскаго протекла въ области Бѣлоозерской. На берегу рѣки Ирана, въ предѣлахъ веси Андогской построилъ онъ „келейцу малу и ту живяше“ Извѣстность Филиппа начинается, прежде всего, благодаря содѣйствію мѣстнаго владѣльца князя Андрея, съ позволенїя котораго Филиппъ поселился здѣсь. „Бысть у князя Андрея пиръ на священниковъ и крестьянъ, и нача князь Андрей священникомъ и крестьянамъ сказывати: есть у насъ селится святъ мужъ, старецъ, имѣя чинъ священнической, именемъ зовемъ Филиппъ. И вси священники и крестьяне возрадовашеся о таковъ святъ муже и хвалу Богу воздаваху“ ¹⁾. Съ теченіемъ времени въ пустыньку Филиппа, въ которой тотъ построилъ часовню, начинаютъ двигаться народныя толпы. „И начаша приходити ко блаженному мнози отъ многихъ странъ, мужіе благочестивїи моленїа ради, и молитвы отъ святаго принимая. Блаженный же поучаше ихъ довольно о ползѣ душевной“ ²⁾. Еще болѣе усилился наплывъ приходящихъ, когда была построена церковь. Молва о Филиппѣ и его пустынь „промчеша во многїя страны, и веси, и мнози начаша приходити, слышавъ про то святое мѣсто, моленїа ради, и приносить многая потребная и прїимати отъ блаженнаго благословенїе, и духовное наученїе послушаша“ ³⁾... Къ Филиппу приходили не только простецы, но и „мнози отъ искусныхъ и благочестивыхъ мужей и моляху блаженному о поученїи“ ⁴⁾. Были у Филиппа и такіе посѣтители:

⁵⁾ Тамъ же, стр. 38.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 38.

¹⁾ Житїе, изд. В. О. Ключевскимъ, стр. 19—20.

²⁾ Тамъ же, стр. 23—24.

³⁾ Тамъ же, стр. 25—26.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 27.

которые приходили къ нему регулярно. Такія лица даже иногда ночевали въ келіи Филиппа, при чемъ до поздней ночи вели съ нимъ „многую бесѣду“¹⁾. Всѣ они приходили съ настойчивой просьбой: „молимся, отче честный, о поученіи“²⁾. И Филиппъ ревностно шелъ навстрѣчу мольбамъ посьтителей. Каждый приходившій получалъ слово „поученія“ и уходилъ, въ той или другой степени обогащенный свѣтомъ христіанскаго религіозно-нравственнаго просвѣщенія. Примѣры самыхъ этихъ поученій Филиппъ и запечатлѣлъ для послѣдующихъ поколѣній его агіобіографъ³⁾.

Такъ подъ кровомъ храмовъ, отъ пустынныхъ келій подвижниковъ тихо и незримо, но прочно развивался вѣковой историческій процессъ религіозно-нравственнаго просвѣщенія русскаго народа.

1) Однимъ изъ такихъ былъ „нѣкій человекъ поселянинъ именемъ Мелетій“. Онъ „прииде къ блаженному Филиппу пользы ради душевныя, имѣя велию вѣру къ нему, и часто приходилъ. Преподобный же нача его увѣщати, и пребысть ночь у него. Вечеру же убо глубокоу сущу много бесѣдовахомъ“... Стр. 48.

2) Тамъ же, стр. 53.

3) Тамъ же, стр. 27—30; 38—48; 53—61.

III.

Основной древне-русскій пластъ въ составѣ „Торжественника“—поученія Кирилла, епископа Туровскаго.

Характеръ проповѣдническаго творчества знаменитѣйшаго древне-русскаго витія — Кирилла еп. Туровскаго остается доселѣ далеко не выясненнымъ. „Вопросъ о его литературныхъ трудахъ, говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей исторіи древне-русской литературы, проф. Е. В. Пѣтуховъ,—одинъ изъ самыхъ запутанныхъ въ древне-русской письменности“¹⁾. Литературный обликъ Кирилла остается доселѣ достаточно загадочнымъ. „Слова Кирилла Туровскаго рѣзко выдѣляются изъ ряда современныхъ ему словъ и поученій, не имѣя ничего общаго съ ними и представляя нѣчто отъ нихъ особенное... Онъ неизмѣримо выше всѣхъ своихъ современниковъ... по сравненію съ сими послѣдними онъ есть русскій Златоустъ XII в.... Онъ долженъ быть разсматриваемъ, цѣнимъ и судимъ не по сравненію съ своими русскими современниками, съ которыми онъ не имѣетъ ничего общаго, а какъ настоящий, получившій настоящее ораторское образованіе проповѣдникъ. Онъ есть исключительный и случайный представитель въ нашей средѣ настоящаго греческаго ораторства: съ этой точки зрѣнія ему и должна быть производима оцѣнка“.—Такъ характеризуетъ Кирилла Е. Е. Голубинскій²⁾, согласуясь здѣсь въ общемъ со всѣми другими изслѣдователями древне-русской письменности. Но откуда и какъ могла явиться на Руси столь „исключительная“ личность? Достаточно ли правильно оцѣ-

1) Русская литература. Историческій обзоръ главнѣйшихъ литературныхъ явленій древняго и новаго періода. Древній періодъ. Изданіе второе. Юрьевъ 1912 г., стр. 9.

2) Исторія Русской Церкви, т. I, ч. I, изд. 2-е, стр. 796—797.

нены „исключительныя“ особенности древне-русского вития? Не преувеличена ли эта степень „исключительности“ проповѣдническаго творчества Кирилла?

Намъ кажется, что наиболѣе прямой и надежный путь для выясненія литературной физиономіи произведеній древне-русской, по преимуществу компилятивной, письменности, это—детальный ихъ анализъ съ точки зрѣнія отношенія къ источникамъ: здѣсь, именно, въ отношеніи къ литературнымъ источникамъ скрывается индивидуальный обликъ и нервъ жизни древне-русскаго произведенія. Особенно это имѣетъ значеніе въ отношеніи проповѣднической древне-русской литературы ¹⁾. И къ вопросу о литературномъ обликѣ Кирилла Туровскаго нужно, по нашему мнѣнію, подходить прежде всего съ этой стороны. Это и было сдѣлано акад. Сухомлиновымъ въ предисловіи къ изданію твореній Кирилла ²⁾. На основаніи сличеній Сухомлинова Голубинскій находитъ возможнымъ считать Кирилла „самостоятельнымъ ораторомъ“. „При составленіи своихъ проповѣдей, говоритъ Голубинскій, Кирилль Туровскій имѣлъ въ своемъ распоряженіи проповѣдную литературу греческую, и, какъ кажется, не только въ славянскомъ переводѣ, но и въ греческомъ подлинникѣ, обладавъ знаніемъ греческаго языка. До какой степени онъ воспользовался ея готовыми услугами, иначе сказать—до какой степени онъ, какъ ораторъ, позволилъ себѣ воспользоваться готовымъ, бывшимъ передъ нимъ, запасомъ ораторства или до какой степени онъ заимствовался у ораторовъ греческихъ ресурсами ораторства и до какой степени ихъ списывалъ? Можно бы ожидать, что онъ, подобно теперешнимъ сельскимъ священникамъ, имѣющимъ передъ собою запасъ печатныхъ проповѣдей, будетъ больше или меньше выбирать и составлять, т. е. будетъ больше или меньше простымъ компиляторомъ. Сколько однако можно судить по произведеннымъ доселѣ сличеніямъ его проповѣдей съ проповѣдями греческими, этого не было,—онъ дѣйствительно болѣе или менѣе пользуется послѣдними, позволяетъ себѣ дѣлать изъ нихъ даже прямыя заимство-

¹⁾ См. выше: Уставныя Чтенія, какъ предметъ изученія съ историко-голетической и историко-литургической точекъ зрѣнія.

²⁾ Рукописи графа А. Уварова, II 1 (СПБ. 1858 г.). Перепечатано въ Сб. Отд. Русск. Яз. и Слов. Имп. Акад. Наукъ т. 85 (СПБ. 1908 г.).

ванія, но вовсе не до такой степени, чтобы снисходить до роли простаго компилятора: при своемъ пользованіи и при своихъ заимствованіяхъ онъ сохраняетъ вполне, — сколько можно по крайней мѣрѣ это утверждать теперь, — право на то, чтобы быть считаемому ораторомъ самостоятельнымъ ¹⁾. Но говоря такъ, знаменитый историкъ съ свойственной ему критической проницательностью представлялъ себѣ и нѣсколько иную возможность. Въ примѣчаніи, сдѣланномъ во второмъ изданіи его „Исторіи русской церкви“ онъ бросилъ замѣчательное предположеніе: „впрочемъ, говорить онъ, имѣя въ виду наклонность къ компиляторству позднѣйшихъ церковныхъ ораторовъ греческихъ, мы не удивимся, если и относительно Кирилла Туровскаго будетъ найдено и доказано, что онъ болѣе компиляторъ, чѣмъ самостоятельный ораторъ“ ²⁾.

Поученія Кирилла Туровскаго составляютъ собою основной древне-русскій пластъ въ составѣ важнѣйшаго сборника „Уставныхъ Чтеній“ *Торжественника*. Изслѣдуя этотъ пластъ въ связи съ хронологически предшествовавшими элементами-произведеніями греко-славянской письменности, мы, провѣряя отчасти результаты работы Сухомлинова, пришли къ выводу, что попутно брошенное Голубинскимъ замѣчаніе имѣетъ болѣе серьезную цѣнность, чѣмъ ему было предано въ ученой литературѣ, именно, что *компилятивность* характеризуетъ проповѣдническое творчество Кирилла Туровскаго въ гораздо болѣе степени, чѣмъ это принято учитывать и что, въ частности, оно зародилось и развилось почти всецѣло на той самой почвѣ „Торжественника“, на которой затѣмъ, такъ сказать, и осѣлось, и въ видѣ цѣлаго пласта дошло до нашего времени. Анализъ этаго пласта вскрываетъ цѣлую страницу изъ исторіи названнаго сборника.

Въ этотъ пластъ входят восемь безспорно признанныхъ подлинными поученій Кирилла: на недѣли—Вайи, Пасхи, Ѳомиину, Мирносицѣ, Разслабленнаго, Слѣпного, на Вознесеніе и на недѣлю святыхъ отецъ никейскихъ.

Слово на недѣлю *цвѣтоносную*—„Велика и ветха сокровища“ построено по камертону двухъ греческихъ поученій: Тита

¹⁾ Исторія Русской Церкви, I, 1, (Изд. 1901 г.) стр. 802.

²⁾ Тамъ же, стр. 802.

Бострийскаго—„Яко неизмѣрима глубина“¹⁾ и Златоуста—„Отъ чудесъ на чудеса Господня грядемъ, братіе“²⁾.

Уже мысль предисловія въ словѣ Кирилла о изобильной трапезѣ учительнаго слова въ церкви Христовой и о „сбытіи пророческихъ писаній“ какъ предметъ поученія, есть повтореніе, хотя и не буквальное, приступа слова Тита³⁾. У Кирилла здѣсь удержана въ точности послѣдовательность мыслей слова Тита⁴⁾. У послѣдняго сначала общая мысль „объ обилии духовныхъ снѣдѣй“; затѣмъ эта мысль поясняется въ смыслѣ обилія ученій, подаваемыхъ отъ церковныхъ учителей; наконецъ, отъ всей этой обильной трапезы предлагается рѣчь о сбытіи пророческихъ предреченій о Христѣ въ день вшествія въ Иерусалимъ. Тоже самое и у Кирилла. Болѣе частныя мысли приступа у Кирилла объ „убогихъ“, объ „благодати Св. Духа“, какъ источникѣ даровъ ученія церковныхъ учителей, о церкви, какъ домѣ или градѣ Божіемъ, о вшествіи Христа въ Иерусалимъ „какъ знаменій“—имѣются и въ приступѣ у Тита. Мало того, приступъ Кирилла въ конечной своей части только и можетъ быть достаточно понятенъ въ зависимости отъ слова Тита. Кирилль, сказавъ, что онъ намѣренъ усладить слушателей отъ трапезы ученій, вдругъ заявляетъ безъ всякой связи: „Кыйждо бо рабъ своего господина хвалить, намъ же радость, братіе и веселіе всему міру притекшаго ради праздника“. Раньше Кирилль говорилъ „о трапезѣ ученія“ какъ источникѣ питанія для вѣрующихъ: „тѣмъ же и мы, убози, тоя же трапезы останковъ круницъ вземлющеи наслаждаемъ“, и вдругъ въ формѣ пояснительнаго предложенія (соединеннаго союзомъ „бо“) слѣдуетъ мысль объ „ученіи“ какъ жертвѣ хвалы Господину—Христу. При внимательномъ сопоставленіи съ словомъ Тита, нетрудно догадаться, что это есть поясненіе къ имѣвшейся въ умѣ Кирилла, но невыраженной здѣсь мысли Тита. Титъ, высказавъ мысль объ тра-

¹⁾ Рук. Троице—Серг. Лавры библи. Моск. Духовн. Акад. № 17 (48) л. л. 210—215, Печати. Соб. Изд. (Москва) 1850 г. ч. II, л. 84 об.—87 об.

²⁾ Рук. Моск. Духовн. Акад. № 17 (48) л. 230 об.—234. Печати. Соб. ч. II, л. 89—90 об.

³⁾ См. Печ. Соб. II, л. л. 84 об.—85 об.

⁴⁾ Пономаревъ. Памятники древне-русской церковно-учительной литературы, в. I (СПб. 1894 г.) стр. 126.

пезѣ ученія, какъ источникѣ питанія, и о церковныхъ учителяхъ, какъ ея устроителяхъ, получающихъ дары ученія отъ Св. Духа, говорить, что „церковные учителя“ этими дарами веселятъ Церковь, а церковь, веселящися и сладящи тукомъ сердца, хвалить и славить въ ней царствующаго“. Кажется, не требуется доказывать очевидное прямое родство и связь фразы Кирилла съ послѣднею фразою приведеннаго предложенія! Далѣе, Кирилль совершенно точно, и слѣдуя послѣдовательности понятій слова Тита, формулируетъ двѣ основныя мысли, раскрываемыя въ послѣднемъ: исполненіе во входѣ Христа въ Иерусалимъ пророческихъ предреченій и показаніе въ немъ Христомъ „знаменій“¹⁾ духовнаго возстанія всего челоуѣческаго естества²⁾.

Въ послѣдующемъ изложеніи своего слова, Кирилль изъ ряда исполнившихся предреченій, приводимыхъ у Тита, беретъ только одно господствующее—Захаріино, и затѣмъ въ немъ, объяснивъ символическія понятія—„дщери“, „жребя“: совершенно тождественно съ Титомъ:—дщери—души святыхъ, дщери вышняго или горняго Иерусалима, жребя—язычники—переходитъ вмѣстѣ съ Титомъ къ символическому истолкованію отдѣльныхъ моментовъ входа Господня. И у того и другого берутся одни и тѣ же моменты въ одной и той же послѣдовательности: обрѣтеніе жребя, положеніе апостолами ризъ на жребя, а народомъ ризъ и вѣтвей на пути, возгласы предыдущихъ и послѣдующихъ: осанна Сыну Давиду, благословенъ грядый во имя Господне—и истолковываются въ одинаковомъ смыслѣ: ризы апостоловъ—благодать данная имъ въ странахъ отъ него, ризы и вѣтви на пути—добродѣтели; ризы своя—милостыня и беззлобіе вельможъ, вѣтви—сокрушеніе сердца и умиленіе души, пость и молитва прочихъ людей; предыдущіи—пророки (и апостолы—по Кириллу), послѣдующіи—жрецы, т. е. святители. Затѣмъ, опуская раскрытіе мыслей Тита о символическомъ значеніи жребя, Кирилль въ концѣ своего по-

¹⁾ Пономаревъ. Памятники др.-р.-ц.-учит. лит. в. I стр. 126; Печ. Соб. л. 85.

²⁾ Печ. Соб. II, л. 85.

³⁾ Памятники, стр. 127. Печ. Соб. II, л. 86.

ученія развиваетъ по своему заключительную мысль слова Тита о томъ, что каждый христіанинъ можетъ подражать духовно каждой подробности входа Господняго въ Иерусалимъ¹⁾. Заимствовавъ общую канву изъ поученія Тита, Кирилль въ формѣ изложенія подражаетъ слову Златоуста. Тогда какъ у Тита подробности входа Господня излагаются исторически-повѣствовательно, Кирилль слѣдуетъ здѣсь Златоусту, который строитъ все слово на повтореніи фигуры: „днесь... днесь“, представляя событіе въ настоящемъ времени какъ бы предъ глазами слушателя. Мало того, исчерпавъ идейное содержаніе слова Тита, Кирилль во второй половинѣ своего поученія исчерпываетъ почти все идейное содержаніе слова Златоуста. У послѣдняго раскрываются двѣ мысли: мысль о славословіи младенцевъ вопреки негодованію первосвященниковъ, и о невидимомъ величіи скромно вѣзжающаго на жребяти Спасителя (Христось — восхваляемый Ангелами разрушитель ада). То же видимъ и у Кирилля съ тѣмъ различіемъ, что восхваленіе со стороны дѣтей представляется здѣсь какъ восхваленіе отъ трехъ возрастовъ: старцевъ, отроковъ и младенцевъ. Наконецъ, Кирилль беретъ изъ слова Златоуста цѣликомъ одно характерное выраженіе въ началѣ поученія: „препитаеми бывають негиблющею ядію, но пребывающею въ животь вѣчный²⁾—питають Церковь негиблющею ядію, но пребывающею въ животь вѣчный³⁾“.

Въ словѣ на Пасху—„Радость сугуба“⁴⁾ въ первой, начальной части Кирилль проводитъ мысль о Божественной силѣ Христа Спасителя, проявленной среди крестныхъ страданій и особенно во время пребывания тѣла Христова во гробѣ. Предъ проповѣдникомъ рисуется картина нисшествія Христа во адъ „въ силѣ Божіи, въ славѣ св. ангель“, освобожденіе и возведеніе въ рай работныхъ душъ человѣчихъ, хвалящихся о Христѣ“. Картина эта принадлежитъ творчеству Епифанія Кипрскаго и „Евсевія еп. Александрійскаго“. У Епи-

1) Памятники, стр. 129—130; Печ. Соб. л. 87—об.

2) Памятники, стр. 126.

3) Печ. Соб. л. 89.

4) Памятники, 311 стр.

фанія есть слово на великую субботу: „Что се днесь безмолвіе много“, положенное на этотъ день еще въ греческихъ типикахъ. Оно начинается, такъ же, какъ и слово Кирилля, противоположеніемъ воспоминаній предшествующаго дня настоящему (т. е. пятницы-субботѣ)¹⁾, затѣмъ, во второй части изображается приходъ Іосифа къ Пилату и рѣчь перваго къ послѣднему, положеніе во гробъ и удивленіе ангеловъ. Наконецъ, третья часть, составляющая половину поученія, вся посвящена изображенію нисшествія во адъ и его ниспроверженія: праотцы и пророки молятъ объ освобожденіи, каждый словами своихъ пророчествъ; внимая ихъ зову, нисходитъ Христось, которому предшествуютъ воинства ангельскіе во главѣ съ Гаврииломъ и Михаиломъ. Ангелы, приблизившись къ вратамъ ада, требуютъ ихъ открыть словами Псалмопѣвца, приводимыми у Кирилля Туровскаго: „возмите врата князи ваши, да внидетъ царь славы“. Вратники ада не отпираютъ, несмотря на многократныя требованія ангеловъ. Тогда приходитъ самъ Господь, разрушаетъ верей адовы и обращается съ рѣчью къ Адаму, напоминая ему свои труды для его спасенія и призывая вмѣстѣ съ другими древними св. мужами идти за Нимъ, уже не въ рай, но на небесный престоль. На этотъ зовъ Христовъ Адамъ, Ева и другіе святые воскресаютъ. Въ заключеніе проповѣдникъ призываетъ всѣхъ къ радости и веселію.—Слово съ именемъ Евсевія, начинающееся словами: „Возлюбленніи, добро есть рещи, каково есть благовѣщеніе предтечи во адъ“ и положенное въ однихъ Сборникахъ Уставныхъ Чтеній на великую субботу, а въ другихъ на великій вторникъ или даже на четвергъ²⁾, рисуется ту же картину, но начинаетъ ее нѣсколько съ раннѣйшаго момента и подробно раскрываетъ другія детали, чѣмъ Епифаній. Проповѣдникъ начинаетъ съ изображенія появленія во адъ предтечи. Предтеча является во адъ и на вопросы сидящихъ тамъ праотцевъ и пророковъ сообщаетъ о скоромъ освобожденіи. Властители ада, замѣтивъ необычныя бесѣды и веселье заключенныхъ, обращаются къ старѣйшему своему началь-

1) Печ. Соб. II, л. 141 об.; Сб. Тр. С. Лавр. М. Дух. Акад. № 17 л. 310 и об.

2) Печ. Соб. II, л. 2 10 об. — 106 об.

нику—дѣволу и спрашиваютъ, что такое произошло на землѣ, взволновавшее плѣнниковъ. Дѣволъ отвѣчаетъ, что новый плѣнникъ возвѣстилъ о явленіи на землю избавителя вселенной. Адъ поручаетъ дѣволу погубить новоявившагося необычайнаго человѣка—Христа. Дѣволъ идетъ, возбуждаетъ въ Іудѣ рѣшеніе предать Христа, и, явившись снова во адъ, возвѣщаетъ, что порученіе исполнено и что Христосъ, какъ и всѣ, скоро сдѣлается плѣнникомъ ада. Но властители ада, выслушавши рассказъ дѣвола о жизни Христа, испугались и просятъ дѣвола, изъ предосторожности, не вводить къ нимъ этого необычайнаго человѣка. Дѣволъ находитъ, опасенія ихъ несправедливыми. Тогда адскія силы поручаютъ ему окончательно сразиться со Христомъ и, побѣдивъ низвести во адъ. Дѣволъ вооружаетъ Іудеевъ на убіеніе Христа, а Іуду на совершеніе предательства. Совершается беззаконный судъ и распятіе. Но необычайныя знаменія при крестѣ приводятъ дѣвола въ ужасъ, и онъ спѣшитъ во адъ съ цѣлью затворить накрѣпко врата, чтобы не вошелъ въ нихъ Христосъ. По пятамъ дѣвола приходитъ Господь, „ада гоня и дѣвола, окруженный небесными силами. Происходитъ уже извѣстная намъ сцена требованій ангеловъ объ отверзтіи вратъ адовыхъ и ниспроверженіе адовыхъ затворовъ силою Господнею. Картина, данная Епифаніемъ, здѣсь дополняется новыми чертами. Узники ада, праотцы и пророки, вмѣстѣ съ Іоанномъ Предтечею, убѣждаютъ упорствующихъ привратниковъ ада въ бесплодности ихъ упорства. Восходя по зову Спасителя изъ ада, эти узники радостно восклицаютъ словами своихъ прежнихъ пророчествъ, а, войдя въ рай, съ удивленіемъ видятъ разбойника, упредившаго ихъ и спрашиваютъ, какимъ образомъ тотъ попалъ впередъ ихъ. Сопоставляя эти поученія со словомъ Кирилла, съ очевидностью чувствуешь, что подъ каждой фразой сжатой рѣчи Кирилла кроются детали вдохновенной картины восточныхъ ораторовъ, предносившейся уму проповѣдника. И только въ этой картинѣ разгадка неожиданной рѣчи Кирилла о пророкахъ: „но церкви на пророки плещетъ не уже воставшу Христу изъ гроба: то бо суть чада церковныя пророки“. Кто прочтетъ слово Епифанія и Евсевія, тотъ пойметъ, что здѣсь у Кирилла намекъ на пророческія восклицанія въ аду и при разрушеніи ада

и возшествіи въ рай, представленныя въ словахъ Евсевія и Епифанія ¹⁾.

Идея параллелизма Пасхи новозавѣтной и ветхозавѣтной, даннаго Кирилломъ въ первомъ объясненіи имени праздника, подчеркнута въ словѣ Григорія Богослова „На стражи моей стану“, хотя Кириллъ и отступаетъ отъ Григорія въ подробностяхъ развитія этой идеи. Мысль о явленіяхъ Христа, какъ „великихъ чудесахъ“ праздника Воскресенія, раскрываемая во второй части слова въ качествѣ объясненія второго имени Пасхи: „великій день“, дана въ словѣ, приписываемомъ Златоусту—„Зѣло ми умъ держать Господскаго воскресенія чюдеса“ ²⁾. Символизація въ лицѣ двухъ учениковъ двухъ завѣтовъ—въ рѣчи Кирилла о пришествіи ко гробу Петра и Іоанна — обязана своимъ происхожденіемъ Кириллу Александрійскому, давшему ее въ словѣ на недѣльную: „Царскій днесъ, вѣрніи, приходъ празднующе“ ³⁾. Обличеніе неразумія фарисейскаго возстанія на Христа

¹⁾ Слово Евсевія уже въ сб. № 17—48 М. Дух. Акад. (XVI в.) читается въ двухъ редакціяхъ: въ первой, полной—на вторникъ страстной недѣли и во второй, сокращенной и сначала нѣсколько измѣненной—на четвергъ той же недѣли. Первая редакція тождественна съ печатной. Вторая редакція начинается словами: „Вчерашняя рѣчь днесъ мыслитъ изрѣшиться долгу, возлюбленіи и ищю, како или гдѣ слово назнаменати. Глаголетъ бо, яко совѣтъ сотвориша Іудеи на Исуса, когда погубити Его“, а далѣе начинается текстъ, тождественный съ первой редакціей: „и собравшимся имъ о томъ, Іуда, пришедъ глагола имъ“ (см. Печ. Соб., л. 105). Такимъ образомъ, рѣчь начинается съ момента захвата Христа Іудеями. Въ сравненіи съ текстомъ первой редакціи разница состоитъ здѣсь только въ томъ, что судъ у Пилата и распятіе представлены здѣсь полнѣе, чѣмъ въ предыдущей, а рѣчь о посольствѣ жены Пилата во второй редакціи выброшена. Есть третья редакція того же слова въ рук. № 406 Рум. Музея подъ великой пятницей на часахъ (этотъ сб. имѣетъ и вторую редакцію, но подъ четвергомъ). Она начинается словами со середины поученія второй редакціи (неимѣющимися въ 1-ой) прямо съ момента распятія „Се дивно есть, возлюбленіи въ 6 день созда Господь человѣка и въ 6 изъ рая изгнася, сего ради и Господь въ шестыи день пріять распятіе, да въ той же день и рай отверзетъ и разбойника введетъ, къ вечеру бо испаде изъ рая Адамъ, преслушавъ заповѣдь Владычню, и къ вечеру разбойникъ, послушавъ заповѣди Божія, введенъ бысть въ рай“, и далѣе тождественно съ обѣими редакціями: „егда же видѣ дѣволъ, яко вся по смотрѣнію Божию бяху, знаменія же на крестѣ бывшая“ (Печ. Соб. II, л. 105).

²⁾ См. о немъ ниже.

³⁾ Печ. Соб. II, л. 81.

въ связи съ рѣчью о подкупѣ стражей—характерная принадлежность слова, приписываемаго Златоусту: „Воста въ третій день“¹⁾. Въ повѣствованіи о двухъ путникахъ Еммаусскихъ въ приѣмѣ дополненія рѣчи Спасителя пророчествами, на которыя Онъ могъ сослаться, Кирилль слѣдуетъ примѣру слова Златоуста на Пасху: „И се два бѣста отъ нихъ“²⁾. Заключительное противопоставленіе Кирилля: „вчера съ разбойникомъ распинахомтися; днесъ... вчера... днесъ“—по формѣ и общей идеѣ имѣетъ прототипъ въ словѣ Григорія Богослова „Воскресенія день“³⁾ и основанномъ на немъ текстѣ пасхальнаго канона.

Слово на недѣлю Ѳомины — „Велика учителя и мудра сказателя“ состоитъ изъ двухъ несвязныхъ между собою частей, изъ которыхъ въ первой Кирилль говоритъ о поновленіи воскресенія, а во второй на основѣ дневнаго евангелія ведетъ рѣчь о невѣрїи Ѳомы. Каждая изъ этихъ частей вдохновлена Кириллу поученіями древнихъ восточныхъ ораторовъ, извѣстными ему по сборникамъ Уставныхъ Чтеній.

Относительно первой части еще Сухомлиновъ отмѣтилъ, что изображеніе весенней природы имѣетъ сходство съ словомъ Григорія Богослова на новую недѣлю „Поновленія чте“⁴⁾. Но детальное изученіе словъ Григорія и Кирилля показываетъ, что Кирилль не только воспользовался словомъ Григорія въ описаніи весенней природы, но и все слово свое построилъ на идейной канвѣ слова Григорія.

„Велика учителя и мудра сказателя требуетъ церкви на украшеніе праздника. Мы же нищи есмы словомъ и умомъ мутни, ни имущи огня св. Духа на сложеніе душеполезныхъ словесъ“.—Такъ начинаеть Кирилль свое слово на антипасху. Кто читалъ слово Кирилля на Пасху, тотъ не можетъ не удивиться тому, что Кирилль приступаетъ къ прославленію Ѳомина воскресенія съ большимъ страхомъ, чѣмъ къ прославленію самаго дня Пасхи. Почему же именно Ѳомино воскресеніе изъ всѣхъ дней „требуетъ велика учителя

¹⁾ Сб. Тр.-Серг. Лавры б. Моск. Дух. Академіи № 17 л. 388 и об.

²⁾ Сб. № 17 л. 309—403 об.

³⁾ Изд. Будиловича 13 словъ Григорія Богослова въ древне-славянскомъ переводѣ по рук. XI в. СПб. 1875 стр. 283 § IV.

⁴⁾ Сухомлиновъ „О сочиненіяхъ Кирилля Туровскаго“. Сборн. Отд. Русск. Яз. и Сл. Импер. Акад. Наукъ т. 85. СПб. 1908 г. стр. 304—308.

и мудра сказателя, „имущаго“ огня „Св. Духа на сложеніе душеполезныхъ словесъ“?! Почему „похваленіе“ „поновленія воскресенія“ кажется Кириллу труднѣе, чѣмъ самого дня Воскресенія? Затѣмъ, говоря о поновленіи воскресенія, Кирилль собственно говоритъ о значеніи и плодахъ Христова Воскресенія, о чемъ рѣчь, кажется, болѣе бы была подходяща въ словѣ на самый день Пасхи. „Днесъ ветхая конецъ приѣша, и се быша вся нова“—воскликаетъ Кирилль, но у читателя или слушателя неизбежно возникаетъ вопросъ: какимъ же образомъ:—„днесъ“; вѣдь это совершилось въ самый день воскресенія, а не въ Ѳомино воскресеніе? Отвѣтъ на эти недоразумѣнія даетъ слово Григорія¹⁾. Основная мысль послѣдняго та, что недѣля Ѳомина есть первая недѣля, когда плоды воскресенія—обновленіе твари просіяли во всей полнотѣ и чистотѣ. „Что убо глаголетъ, спрашиваетъ онъ самъ себя, не первая ли недѣля обновленіе бѣше, яже по священнѣй ноши и свѣтоносїи; но днешнему отдаваеши, о любопразднственниче ты! и многая умышляя свѣтлованія; оная спасительна бѣше, сія же спасенія рождество, оная убо есть междупредѣлье погребенію и воскресенію, сія же чистѣ второго бытія“²⁾. Эту же самую мысль пытается раскрыть и Кирилль въ третьемъ отдѣлѣ своего слова³⁾, но у него такъ таки и не получается разъясненія, почему именно въ Ѳомино воскресеніе приличнѣе праздновать обновленіе твари, совершившееся въ день Воскресенія. „Похвалимъ, говоритъ онъ, красную сію недѣлю новую, въ нуже поновленіе празднуимъ воскресенія. Не бо есть таже Пасха Господня, но антипасха наречеса; пасха бо избавленіе миру есть и संबожденіе отъ ада преисподняго мертвымъ, антипасха есть поновленіе воскресенія... Се нынѣ и мы поновляемъ, празднующе побѣдный день Христовъ, вонже всему миру спасенія сѣдѣя, побѣдивъ начальника и власти темны“⁴⁾. Нетрудно замѣтить, что Кирилль здѣсь вращается около мыслей и фразъ Григорія, тщетно стараясь выразить тонкое идейное сопоставленіе великаго Богослова. Прежде разъясненія мысли,

¹⁾ Сб. № 17 л. 345—355 об. Печ. Соб. III, л. 60—74.

²⁾ Печ. Соб. III, л. 65 Сб. № 17 л. 346 об.

³⁾ По изд. Пономарева.

⁴⁾ Памятники, стр. 137.

что въ недѣлю Ѳомину должно праздновать обновленіе твари, совершившееся въ день Христова Воскресенія, Григорій изображаетъ, въ чемъ состояло это обновленіе ¹⁾; онъ представляетъ вкратцѣ исторію созданія міра и человѣка, паденіе послѣдняго, возсозданіе человѣка и твари чрезъ Христову смерть и воскресеніе. То же въ сущности дѣлаетъ и Кирилль во второмъ отдѣлѣ своего слова ²⁾, гдѣ основная мысль выражена во фразѣ Григорія: „обновися тварь“ ³⁾. У Григорія вслѣдъ за мыслию объ обновленіи твари чрезъ Воскресеніе и о приличности празднованія этого обновленія въ первое воскресеніе по Пасхѣ, идетъ рѣчь о томъ, что мы должны принести въ даръ, „плодоносить празднику“ ⁴⁾ собственное духовное измѣненіе. Раскрывъ, въ чемъ въ частности должно состоять это измѣненіе, обновленіе cadaго изъ насъ, Григорій указываетъ, что даже и физическая природа приноситъ отъ себя даръ этому празднику — свое весеннее обновленіе. Кирилль даетъ первой и важнѣйшей мысли Григорія второстепенное мѣсто во второмъ отдѣлѣ своего слова при раскрытіи сущности совершеннаго Христомъ обновленія, а главное свое вниманіе сосредоточиваетъ на подчеркнутой Григоріемъ связи весенняго обновленія природы съ духовнымъ обновленіемъ ея во Христѣ: весны духовной и весны естественной, весны видимой и весны невидимой ⁵⁾. На эту связь Григорій только намекнулъ, ее только констатировалъ въ заключеніи своего слова, но не раскрылъ. Кирилль посвящаетъ большую часть своей первой половины слова подробному развитію столь понравившагося ему намека Григорія. Какъ же это онъ дѣлаетъ? Онъ просто беретъ картину весенняго обновленія, данную у Григорія, и къ каждой ея детали достраиваетъ, привѣщиваетъ параллель изъ фактовъ духовнаго обновленія во Христѣ. Исходнымъ и центральнымъ пунктомъ своей постройки Кирилль кладетъ текстъ изъ апостола, заимствованный у Григорія: днесъ „ветхая конецъ пріяша и се быша

¹⁾ Печат. Соб. л. 62—64 об.

²⁾ По изд. Пономарева.

³⁾ Памятники, стр. 136.

⁴⁾ Печ. Соб. л. 70. Русск. переводъ, изд. Московск. Дух. Акад. ч. IV (М. 1889 г.) стр. 120.

⁵⁾ Русск. перев. стр. 122; Печ. Соб. III, 73 об.—74.

вся нова“ ¹⁾, съ дополненіемъ, соотвѣтственно главной идеѣ постройки: „видимая и невидимая“. У Григорія былъ раскрытъ только первый терминъ „видимая“ ²⁾, Кирилль хотеть дополнить раскрытіемъ и другою— „и невидимая“.

Григорій.

Нынѣ небо свѣтлѣйшо,

нынѣ солнце высочайшо, и
златовиднѣйшо,

нынѣ луны кругъ прозар-
нѣйшій...

Зима невѣрія (115).

Кирилль.

Нынѣ небеса просвѣтишася, темныхъ облакъ яко вретичъ съвлекошася и свѣтлымъ воздухомъ славу Господню исповѣдаютъ: не си глаголю видима небеса, но разумная-апостоли, иже (днесъ) на Сионъ вшедша къ нимъ познаша Госюда и всю печаль забывше, и скорбь иудейску, и страхъ отверженія,—Святымъ Духомъ осѣнени, воскресеніе Христово ясно проповѣдуютъ.

Нынѣ солнце красуясь къ вѣсотѣ восходитъ и радуясь землю огрѣваетъ:

взыде бо праведное солнце отъ гроба Христось и вся вѣрующая къ нему спасаетъ.

Нынѣ луна, съ вышняго съступивши ступени, болшему свѣтилу честь подаетъ.

Уже ветхый законъ, по Писанію, преста съ суботами, и пророки закону Христову съ недѣлю честь подаютъ.

Нынѣ зима грѣховная покааніемъ престаала есть, и ледъ невѣрія благоразуміемъ растаяся: зима убо кумиротслуженія апостольскимъ учениемъ и Христовою вѣрою престаала есть,

ледъ же Ѳомина невѣрія показаніемъ Христовыхъ ребръ растаяся.

¹⁾ Русск. перев. стр. 120; Печ. Соб. л. 70.

²⁾ Русск. перев. стр. 121; Печ. Соб. л. 71 об.

Григорій.

Нынѣ... утишаются... возду-
ху... вѣтры,

земля же садомъ...

Нынѣ...

агнцы

играють на земныхъ нивахъ
(л. 71 об.).

Нынѣ же пастырь и говя-
дарь сгоджають свирѣли,
и пастырскій вдыхають
гласъ, подь садами и камень-
ми веснують (л. 62 и об.).

Кирилль.

Днесъ весна красуется, жи-
вляючи земное ество.

и горнии вѣтри, тихо по-
вѣдающе,

плоды гобзують,
и земля, сѣмена питаючи,
зеленую траву ражаетъ: весна
убо естъ красная вѣра Хри-
стова, яже крещеніемъ по-
ражаетъ человѣческое пакы
ество; бурнии же вѣтри—
грѣтворнии помыслы, иже по-
кааніемъ потворишася на доб-
родѣтель, душеполезныя пло-
ды гобзують; земля же естъ-
ства нашего, акы сѣмя, Слово

Божіе примши и страхомъ
его присно болящи, духъ спа-
сенія ражаетъ.

Нынѣ
новоражаеміи
агнцы
и унци,

быстро путь перуще, скачють
и скоро къ матеремъ възра-
щающася веселятся;

Да и пастыри
свиряюще

веселіемъ Христа хвалять:

агнца, глаголю, иже отъ
языкъ кроткыя люди, а юн-
ца—кумирослужителя невѣр-
ныхъ странъ, иже Христовымъ
въчеловѣченіемъ и апостоль-
скимъ ученіемъ и чудесы
скоро по законъ емшеся, къ
святѣй церкви възвратишася
млеко ученія ссутъ,—да и учи-
тели Христова стада, о всѣхъ
молящеся, Христа Бога сла-
вять, вся волкы и агнца во
едино стадо събравшаго.

Григорій.

Нынѣ... садъ зеленѣеть,

и цвѣтъ благоухаетъ (л. 71 об.).

Нынѣ же земледѣлатель ра-
ло водружаетъ,
горѣ зряи и плододателя
призываяи

Орачь

вола
подь
яремъ
ведеть,
и

сладкую
бразду

прочертаеть,
и

надеждами

веселится (л. 72.).

Нынѣ же рѣки обильнѣе
(л. 71 об.).

Кирилль.

Нынѣ древа лѣтораслиспу-
щаютъ, и цвѣты благоуханія
процвѣтають,

и се уже огради сладкую
подавають воню;

и дѣлатели,
съ надеждою тружающеся,
плододавца Христа призы-
ваютъ:—

бѣхомъ преже, акы древа
дубравная, неимуще плода,
нынѣ же присадися Христова
вѣра въ нашемъ невѣрїи, и
уже дрѣжащеся корене Іосеова,
яко цвѣты, добродѣтели пу-
щающе, райскаго пакы бытіа
о Христѣ ожидаютъ, да и свя-
тители и игумени, о церкви
тружающеся, отъ Христа мзды
ожидаютъ.

Нынѣ ратаи
слова,
словесныа
юнца
къ духовному
ярму
приводяще,
и крестное рало
въ мысленыхъ браздахъ по-
гружающе,

и бразду
покаанія
прочертающе,
и
сѣмя духовное всѣвающе,
надеждами
будущихъ благъ
веселятся

Днесъ ветхая вся конецъ
прїапа, и се быша вся нова
воскресенія ради.

Нынѣ рѣки апостольскія
наводняются,
и язычныя рыбы плодъ пу-
щаютъ

Григорій.

И рыбарь
глубины
прозираеть,
и мрежу
очищаетъ...
Нынѣ убо
любодѣтельная пчела...
свою мудрость показуеть,
и травники облетаеть...
оваже медь во влагалищахъ
полагаеть...
и ова убо дѣлаеть соты...
и содѣловаеть набдящему
плодь сладокъ.
Нынѣ же
птица
гнѣздо устрояеть...
Вся Бога поють и славять
гласы неизглаголанними ²⁾.

Кирилль.

и рыбари,
глубину
Божіа въчеловѣченіа
испытавше,
полну
церковную
мрежу
ловитвы
обрѣтають.
Нынѣ
мнишескаго образа ¹⁾
трудолюбивая пчела
свою мудрость показующи,
вся удивляеть;
яко же бо они въ пустыняхъ
самокормлею живутъ, ангелы
и челоувѣки удивляють, и сн,
на цвѣты излетающе,
медвяный
соты сѣтворяють,
да челоувѣкомъ сладость
и церкви потребная
подають.
Нынѣ
вся доброгласная
птица
церковныхъ ликовъ
гнѣздящеса веселятся,
иже суть церковни чини:
епископи и игумены, попове
и діакони и діаци
и свою каждо поюще пѣснь,
славять Господа.

¹⁾ Въ словѣ Григорія здѣсь есть такое мѣсто, повидимому, бывшее прототипомъ для Кирилля: „убо полезно и намъ Христовымъ пчеламъ такую пріяти мудрость и трудолюбія образъ“.

²⁾ Въ изд. Калайдовича и Сухомлинова послѣ строки „гнѣздящеса веселятся“ слѣдуетъ вариантъ: „и птица бо, рече пророкъ, обрете гнѣздо себѣ, олтаря твоя, и свою каждо поющи пѣснь, славить Бога гласы немолчными“. Въ виду того, что послѣдняя фраза варианта весьма близко подходит къ тексту слова Григорія, особенно въ добавленіи: „гласы

Григорій.

Кирилль.

О всѣхъ бо благодарится мною
Богъ, и тако онѣхъ пѣніе наше
бываетъ, отъ нихъ же, азъ еже
пѣти приѣмлю ¹⁾.

Какъ видно изъ представленнаго въ таблицѣ сравнительнаго анализа текстовъ, Кирилль въ каждомъ изъ абзацевъ первой половины картины строить свою рѣчь такъ: сначала онъ заимствуетъ изъ Григорія и беретъ какую либо черту изъ внѣшней обновляющейся природы и затѣмъ уже присоединяетъ къ картинѣ внѣшней природы аллегорическій комментарий. Со второй половины картины (со словъ: „нынѣ ратай“). Кирилль, забывая, что его слушатели незнакомы съ подробностями весенней картины Григорія, прямо представляетъ ихъ въ аллегорическомъ видѣ, подставляя къ собственнымъ терминамъ физическихъ явленій, взятымъ изъ Григорія, опредѣленія явленій духовныхъ.

Заключительныя мысли первой половины слова Кирилля также обязаны слову Григорія. Первая изъ нихъ о прославленіи чрезъ Христа святыхъ соотвѣтствуетъ слѣдующей у Григорія за изображеніемъ весны рѣчи о прославленіи мученика Мамонта; вторая—о новыхъ дарахъ Христу тождественна по существу съ указанной уже основной мыслью Григорія о необходимости принести въ даръ празднику обновленіе собственной жизни соотвѣтственно закону Христову. Наконецъ, едва ли требуется выяснять, что раскрываемая въ третьемъ отдѣлѣ слова Кирилля идея сопоставленія христіанскаго праздника обновленія Христова Воскресенія съ обычаемъ ветхозавѣтнаго обновленія, имѣетъ своимъ источникомъ все тоже слово Григорія ²⁾.

Послѣ всего этого понятно, почему и о какомъ „великомъ учителѣ и мудромъ сказателѣ“, исполненномъ „огня св. Духа на сложеніе душеполезныхъ словесъ“, неожиданно вспоминаетъ Кирилль въ началѣ своего слова. Онъ приступалъ къ

неизглаголанними“, нужно считать этотъ вариантъ принадлежащимъ первоначальному тексту поученія Кирилля.

¹⁾ Русск. перев., стр. 122: „и чрезъ меня за все приносится благодареніе Богу. Такимъ образомъ хвалебная ихъ пѣснь дѣлается моею, отъ нихъ и я беру поводъ къ пѣснословію“.

²⁾ Сравни. „Памятники“, стр. 137, и Печ. Соб. л. 60—62.

составленію своего слова, имѣя подъ руками вдохновенное и художественное твореніе великаго вселенскаго витіи— Григорія Богослова и стремясь создать слово по образцу послѣдняго. И что же удивительнаго, если, останавливаясь мыслію предъ глубиной и высотой его содержания и ораторской формы, древне-русскій проповѣдникъ чувствовалъ, что подобнаго рода произведеніе въ похвалу праздника можетъ создать лишь такой великій учитель и витія, какъ Григорій Богословъ!!

Итакъ, мы можемъ утверждать, что первая половина слова Кирилла какъ въ общемъ замыслѣ, такъ и въ важнѣйшихъ подробностяхъ обязана своимъ происхожденіемъ тому идейному импульсу, который данъ былъ Кириллу словомъ Григорія. На этомъ словѣ, какъ на идейной канвѣ, зиждется вся постройка Кирилла, не въ одной только детали—изображеніи весенней природы, какъ удалось подмѣтить Сухомлинову, но вся въ цѣломъ.

Слово Григорія Кирилль читалъ въ текстѣ толкованія на него Никиты Ираклійскаго. Этотъ не отмѣченный еще никакъ фактъ запечатлѣлся въ нѣкоторыхъ подробностяхъ слова Кирилла.

Три тирады въ словѣ Кирилла представляютъ несомнѣнное заимствованіе изъ указаннаго толкованія Никиты.

Кирилль.

Никита Иракл.

Царствуетъ уже во днехъ недѣля, яко въ ту воскресе Христось ¹⁾.

Царствуетъ же во днехъ недѣля, понеже воскресе въ ню Христось ²⁾.

Подобной фразы у Григорія нѣтъ.

Кирилль. Никита Ирак. Григорій Богословъ.

Се уже огради сладкую по-давають воню

И мѣста цвѣтна и ово-щницы сладкую воню по-сылають.

И цвѣтъ бла-гоухаетъ

Και λεμιων ερωδεϊ.

Здѣсь Кирилль, отступая отъ буквы Григорія, повторяетъ характерное выраженіе Никиты.

¹⁾ Памятники, стр. 136.
²⁾ Печати. Соб., л. 71 об.

Повторяя выраженіе Григорія о весеннихъ небесахъ: „нынѣ небеса просвѣтишася“, Кирилль поясняетъ его фразой, заимствованной изъ толкованія Никиты.

Кирилль.

Никита.

Темныхъ облакъ яко вре-тищъ сьвлекошася ¹⁾.

Темныхъ облакъ, яко оде-жды черны, совлекшеся ²⁾.

Говоря объ „агнцахъ“, Кирилль прибавляетъ эпитетъ „новоражаеміи“, подобнаго которому нѣтъ у Григорія, но которому у Никиты соотвѣтствуетъ „новіи“ ³⁾. Въ самомъ началѣ картины дополненіе Кирилла—„небеса славу Господню исповѣдаютъ“—быть можетъ обязано фразѣ того же Никиты ⁴⁾.

Слѣдуя при построении своего слова творенію Григорія Богослова, Кирилль ярко проявляетъ характерныя свойства своего проповѣдническаго творчества. Вращаясь въ кругѣ идеи своего прототипа, Кирилль беретъ ихъ только въ ихъ самомъ общемъ видѣ, давая имъ собственное самостоятельное развитіе и особый оттѣнокъ; заимствуя форму или букву, онъ вдохновляетъ ихъ собственными идеями. И въ томъ и другомъ случаѣ Кирилль пытается свести все къ созданію единаго, цѣлаго произведенія по собственному плану. Любимымъ планомъ его является повтореніе какого либо текста съ комментированіемъ послѣдняго съ разныхъ сторонъ. Въ развитіи плана Кирилль широко прибѣгаетъ къ приему комментирования чужого текста, послѣдовательно вырывая изъ него отдѣльныя тирады съ буквальной близостью. Наконецъ, воспринимая чужіе идейные замыслы аллегорическаго характера въ зародышѣ, Кирилль старается развивать ихъ во всѣхъ деталяхъ. Это—со стороны формы и характера построения проповѣди. Со стороны содержания не трудно замѣтить тѣ любимыя характерныя идеи, которыя Кирилль старается вложить на мѣсто идей Григорія: а) обнищаніе ветхаго завѣта съ субботнимъ днемъ и воцареніе новаго съ во-

¹⁾ Памятники, стр. 139.
²⁾ Печ. Соб. л. 71 об.
³⁾ Печ. Соб. л. 72.
⁴⁾ Печ. Соб. л. 73.

скреснымъ днемъ ¹⁾; b) уничтоженіе язычества, какъ бѣсовскаго царства, „бѣсовскаго насилія“ съ требами идольскими, „крестнымъ таинствомъ“ и „Христовою вѣрою“ ²⁾; c) важность іерархическаго служенія въ Церкви различныхъ его чиновъ: святителей, игуменовъ, поповъ, диаконовъ и диаволовъ ³⁾; d) святители и іереи, какъ преимущественно сѣятели учительнаго слова ⁴⁾; e) объединеніе въ одномъ лицѣ ветхозавѣтныхъ патриарховъ и пророковъ съ новозавѣтными апостолами, святителями и подвижниками и вообще святыми ⁵⁾; важность евхаристіи ⁶⁾; первостепенное значеніе добродѣтелей: милостыни, смиренномудрія, покаянія, духовной любви ⁷⁾.

Вторая половина слова Кирилла на недѣлю новую, посвященная евангельскому разсказу о невѣрїи Ѳомы, по драматическо-діалектической формѣ представленія этого разсказа, стоитъ въ зависимости отъ слова Златоуста: „Се бо приспѣхъ вамъ долгъ повѣдати“ извѣстнаго еще по Супральной рукописи XI вѣка ⁸⁾. Почти вся эта часть слова Кирилла посвящена драматической передачѣ разговора Христа съ Ѳомою. Разговоръ этотъ въ передачѣ Кирилла, какъ вѣрно замѣтилъ еще Сухомлиновъ, „одинаковъ по мысли“ съ такимъ же разговоромъ у Златоуста: и здѣсь и тамъ каждый изъ говорящихъ старается перечислить всѣ тѣ свойства, которыя принадлежать Христу, какъ по Божеству, такъ и по человечеству, какъ въ домірномъ бытіи, такъ въ исторїи домостроительства искупленія и въ частности во время земной жизни. По формѣ оба эти разговора „поразительно сходны“ ⁹⁾ и тамъ и здѣсь рѣчь построена на повторенїи и распространенїи отдѣльныхъ выраженїи Христа Спасителя и Ѳомы: „принеси руку твою и виждь... вѣруй яко самъ азъ есмь... и не буди

¹⁾ Памятники, стр. 136, 138.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Памятники, стр. 139.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 131—139.

⁵⁾ Памятники, стр. 139—140.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 137—8; 140.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 140.

⁸⁾ Сб. Тр.-Серг. Лавры б. Моск. Дух. Акад. № 17 л. 420 об.—425 об. Русск. перев. творенїи Златоуста т. VIII, стр. 868—875.

⁹⁾ Сухомлиновъ. О сочиненїяхъ Кирилла Туровскаго, стр. 286.

невѣренъ... Господь мой и Богъ мой“¹⁾. Различіе по формѣ состоитъ только въ томъ, что рѣчь Христа у Златоуста сосредоточена на повторенїи и развитїи евангельскихъ словъ: „виждь руцѣ мои“, съ перечисленїемъ различныхъ частей тѣла Христова, и опредѣленїемъ значенія въ дѣлѣ домостроительства Божїа каждой изъ нихъ, а у Кирилла это дѣлаетъ нарочито Ѳома, тогда какъ Христосъ сосредоточиваетъ свою рѣчь на развитїи фразъ: „азъ есмь“ „не буди невѣренъ“, (какъ... какъ), и на перечисленїи ветхозавѣтныхъ примѣровъ невѣрїя съ одной стороны и своихъ ветхозавѣтныхъ явленїи—съ другой.

Слово Кирилла на недѣлю *Мироносицъ*—„Праздникъ отъ праздника честнѣе приспѣлъ есть“, идейнымъ замысломъ и формою обязано двумъ греческимъ словамъ: Григорїя, архїеп. Никомидійскаго на великій пятокъ ¹⁾—„Высочайшее намъ востекая слово горѣ“, и Епифанїя, архїеп. Кипрскаго „Что се днесь безмолвіе много на земли“ ²⁾ на великую субботу. Въ первомъ, послѣ выраженїи изумленїя проповѣдника предъ величїемъ добровольнаго истощанія Божїа въ страданїяхъ за мїръ, изображается пребываніе Богоматери у креста и ея плачь тамъ ³⁾, пришествїе ко кресту Іосифа, просьба Богоматери итти къ Пилату, прошенїе Іосифомъ у Пилата тѣла Христова, погребенїе Христа и плачь Богоматери у гроба. Въ заключенїе—хвалебное обращенїе ко Христу съ прославленїемъ его крестныхъ страданїи. Это слово давало идею ораторско-проповѣдническаго изображенія плача Богоматери. Изъ второго слова Кирилль заимствовалъ идею такового же изображенія просительной рѣчи Іосифа къ Пилату. Въ этомъ пунктѣ слово Кирилла въ своемъ построенїи имѣетъ несомнѣнный слѣдъ заимствованія, не подмѣченный Сухомлиновымъ. У Кирилла обращенїя Іосифа къ Пилату идутъ точъ въ точъ въ такомъ же порядкѣ, какъ у Епифанїя. Сначала они идутъ въ формѣ—„даждь ми тѣло онаго“ съ прибавленїемъ однихъ причастїи: „осужденнаго, страннаго... невѣдомаго, распятаго, оклеветаннаго“; затѣмъ въ формѣ—„даждь

¹⁾ № 17 л. 310—325; Печ. Соб. л. 126 об.—134.

²⁾ № 17 л. 331—345; Печ. Соб. л. 141—146; Русск. перев. см. въ Сборникѣ церковно-учительныхъ чтенїи на дни страстной седмицы. М. 1900. Стр. 219—232.

³⁾ Печ. Соб. л. 128—132.

ми“, съ добавленіемъ полного придаточнаго предложенія, начинающагося союзомъ „его же“: „его же страны не вѣмы странни“ (Епиф.), „его же Сыномъ Божиимъ нарицають книжники (Кирилл.); наконецъ въ формѣ— „молю, прошу, о мертвѣмъ молю, отъ всѣхъ обиду приѣмшемъ... о мертвѣмъ молю, осужденномъ... отъ ученикъ оставленномъ“ (Епиф.), о томъ молотися тѣлеси, о немъ же прорече Каиафа... сего прошу Исусова тѣлеси, иже“ (Кир.)... Изъ того же Епифанія заимствовалъ Кирилль въ своемъ словѣ идею обращенія къ Иосифу съ ублаженіями, занимающими цѣлую страницу: „блаженъ еси... блаженъ еси“... Рѣшительнымъ признакомъ такого заимствования служатъ два мѣста, изъ которыхъ въ первомъ Кирилль заимствовалъ случайно вмѣстѣ съ формою и букву, а во второмъ мысль. У Епифанія ублаженія обращены не къ лицу собственно Иосифа, какъ у Кирилла, а къ различнымъ частямъ его тѣла, послужившимъ при погребеніи Христа: „блажу руки твои... блажу очи... лице“... Кирилль нѣсколько видоизмѣняетъ форму этихъ ублаженій, но въ одномъ мѣстѣ поддается вліянію своего оригинала и говоритъ буквой послѣднато: „блажу рущѣ твои“¹⁾. Въ первомъ ублаженіи Кирилль повторяетъ мысль Епифанія. „Блажу Иосифа и Никодима, говоритъ Епифаній, быша бо прежде херувимовъ херувимы, Бога на себѣ носящія, и преже суща шестокрильныхъ бывшія Богу слуги; егоже херувимы почитающе трепещуть, сего на рамѣхъ Иосифъ и Никодимъ носисша свободно, яко вси безплотни чини съ ними носятъ.“²⁾ „Блаженъ еси воистину, повторяетъ Кирилль, и праведенъ досточюдный Иосифе... достойно послуживъ яко и херувими, Божию телеси; но они невидимо дѣржаще на своєю раму, страхомъ своа покрываютъ лица, ты же радуяся на своєю руку Христа Бога носилъ еси“³⁾.

Между драматическимъ изображеніемъ плачей Богоматери съ Иосифомъ и естественно слѣдующимъ за нимъ „ублаженіемъ“ Иосифа клиномъ входитъ рѣчь о пришествіи ко гробу женъ мироносицъ и явленіи имъ ангела. Логически не связанная тѣсно ни съ предыдущимъ ни съ послѣдую-

¹⁾ Памятники, стр. 149.

²⁾ Печ. Соб. л. 143 об.

³⁾ Памятники, стр. 148—9.

щимъ, рѣчь о мироносицахъ вошла по требованію текста дневнаго евангелія¹⁾, соотвѣтственно воспоминаніямъ дня, включавшему и рассказъ о явленіи ангела мироносицамъ у гроба. Отдѣлъ о мироносицахъ состоитъ, во-первыхъ, изъ краткаго согласованія евангельскихъ разногласій о женахъ, приходившихъ ко гробу,—заимствованнаго (какъ это будетъ доказано нами впослѣдствіи)²⁾ изъ слова псевдо-Златоуста „о женахъ мироносицахъ“ и поученія „Возлюбленни, солнце по облакомъ...—и вольнаго изображенія рѣчи ангела къ мироносицамъ. Рѣчь ангела представляетъ краткое изображеніе исторіи домостроительства спасенія отъ Боговоплощенія до воскресенія, главнымъ образомъ внутренней невидимой стороны страданій, смерти и погребенія Христа, какъ избавленія отъ власти грѣха и діавола. По формѣ параллелизмовъ— „преданъ бысть“, да проданна грѣхомъ отъ діавола работы избавить... оца вкуси, да загладитъ... прободенъ бысть, да...—это изображеніе имѣетъ своимъ прототипомъ слово Златоуста на Пасху „Радуйтеся всегда о Господѣ“³⁾. По господствующей мысли и фразѣ, повторяющейся въ началѣ и въ концѣ рѣчи, съ несомнѣнностью можно утверждать, что Кирилль вдохновляется здѣсь словомъ Златоуста на великій пятокъ „На утрія, еже есть по пятцѣ“⁴⁾. Слово это, въ первой своей половинѣ занятое комментариемъ евангельскаго рассказа о запечатаніи гроба Спасителя съ изобличеніемъ неразумности іудеевъ, требовавшихъ этого запечатанія⁵⁾, во второй своей части посвящено евангельскому рассказу объ отваленіи ангеломъ камня отъ гроба и явленіи его мироносицамъ. И здѣсь въ уста ангела вкладывается какъ разъ та мысль и почти та же характерная фраза, которую Кирилль дважды повторяетъ въ созданной имъ рѣчи ангела.

Кирилль.

Златоустъ.

не вамъ бо есть страхъ, но Не бо есть вамъ речено

¹⁾ Ев. Марка 15—16 гл.

²⁾ Въ особой статьѣ о зависимости Кирилла отъ Толковаго Евангелія Теофилакта Болгарскаго.

³⁾ № 17 л. 403 об.—407; Р. перев., стр. 893—897; см. стр. 896.

⁴⁾ Имѣется уже въ сб. Тр. С. Лавры № 9. Русск. переводъ въ „Сборникъ ц. учит. чтеній“, стр. 203—215; Печ. Соб. л. 137—139 об.

⁵⁾ Печатн. Соб. л. 137—138 об.

беззаконнымъ жерцемъ и стрегущимъ zde воиномъ ¹⁾. Да нѣсть вамъ страха, но омрътвѣвшимъ воиномъ ²⁾.

Рѣчь о нисшествіи Христа во адъ представляетъ несомнѣнные слѣды заимствования изъ упомянутаго уже слова Епифанія „Что се днесъ безмолвіе много“. Здѣсь общность мысли и тождество образа выраженія.

Кирилль.

Ангельская воинства... ови связанные души рѣшаше, отъ темницъ пущаше,

друзіи же, противныя силы вяжуще

Епифаній.

Ови темницу отъ самыхъ основаній раскоповаху... друзіи вѣчныя связанные испущаху ⁴⁾.

И иніи другъ друга связанныхъ ко Господу привождяху, и иніи мучителя вязаху...

глаголаху: гдѣ ти, смерте, жало, гдѣ ти, аде, побѣда?

Какъ, видимъ, Кирилль, заимствуя образъ мысли и выраженія, только дополняетъ то и другое, прицѣпляя къ чужому тексту свою фразу, а къ чужой картинѣ отъ себя новую черту.

То же самое можно наблюдать и при изображеніи Кирилломъ положенія бѣсовъ при ниспроверженіи ада.

Епифаній.

Недоумѣша вкупѣ, и вострепеташа... яко мертвецъ оцепѣнѣваше... глаголюще:

кто есть сей царь славы?

кто сей есть таковой, иже таковая съ толицѣми содѣвая чудеса? кто сей есть царь славы таковой, творяй сія нынѣ во адѣ, еже никогда же бываше во адѣ?

Кирилль.

Къ симъ же (къ ангеламъ), оцпінѣвши, бѣси вопіяху: кто есть сей царь славы?

съ толикою на насъ пришелъ есть властью, погубилъ есть князя тмы, и, вся его восхитивъ скровища, рази смрътныи градъ, адово чрево,

¹⁾ Памятники, стр. 147.

²⁾ Тамъ же, стр. 148.

³⁾ Печ. Соб. л. 139.

⁴⁾ Печ. Соб. л. 146.

Епифаній.

Кирилль.

кто есть сей изводя окованная отсюда яже отъ вѣка?

извоева плѣнники

иже съ Адамомъ zde суцая— грѣшныхъ душа.

Здѣсь Кирилль, удерживая теченіе мысли Епифанія, лишь отчасти удерживаетъ форму выраженія, замѣняя слова Епифанія иными. Но, повидимому, и эти новыя слова, которыя подставляетъ Кирилль на мѣсто Епифаніевыхъ, тоже заимствованы, только изъ другого источника, хотя опять таки не полностью.

Кирилль.

Извоева плѣнники,

иже съ Адамомъ zde суцая— грѣшныхъ душа

Извоевавъ плѣнники его съ собою въскреси отъ перваго Адама вся праведники ¹⁾.

Отмѣченный сей часъ способъ Кириллова построения поученій путемъ болѣе или менѣе удачнаго и естественнаго сцѣпленія въ одномъ и томъ же предложеніи и въ одномъ и томъ же отдѣлѣ различныхъ идей, мыслей, образовъ, выражений и отдѣльныхъ словъ, заимствованныхъ изъ разныхъ источниковъ и измѣненныхъ, дополненныхъ по своему, соотвѣтственно общей задачѣ поученія—весьма характеренъ для пониманія оригинальной индивидуальности проповѣдническаго творчества знаменитаго древне-русскаго витія. Весьма ярко тотъ же самый способъ проявляется въ построении плача Богоматери и Иосифа.

Еще Сухомлиновъ замѣтилъ, что плачь Богоматери и Иосифа носить слѣды прямого заимствования изъ канона Симеона Логовета, положеннаго на повечеріи великаго пятка. Почтенный ученый указалъ и нѣкоторыя мѣста (хотя и не всѣ) канона, которыми воспользовался Кирилль. Но ни онъ,

¹⁾ См. анонимное слово на Пасху: „Послушайте, братіе возлюбленная и сынове, да скажемъ вамъ силу и честь сего святого дня“ (№ 17 л. 379 об.—381).

ни послѣдующіе изслѣдователи не останавливали вниманія на томъ, какъ воспользовался этимъ текстомъ канона древнерусскій витія.

1. Кирилль.

Вижу тя,
милое мое чядо,
на крестѣ висяща
бездушна, безрачна, не имуща
видѣнія, ниже доброты,
и горко уязвляюся душою.

Здѣсь Кирилль, взявъ за основу 2 тропарь 1-ой пѣсни, для большей яркости картины, беретъ въ качествѣ опредѣленія для дополненія— „на крестѣ висяща“ два слова изъ 2-го троп. 6-ой пѣсни и еще два слова, не рѣдко встрѣчающіяся въ различныхъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ.

2. Кирилль.

Хотѣла быхъ съ тобою
умрети:
не терплю бо бездушна
тебе зрѣти;

Съ первой половины канона, изображающей плачь Богоматери у креста, Кирилль перебѣгаетъ ко второй и беретъ здѣсь слова изъ плача Богоматери у гроба, несмотря на то, что самъ продолжаетъ изображать плачь у креста. Текстъ канона беретъя цѣликомъ, за исключеніемъ пояснительной фразы, ненужной для поученія: „пречистая глаголаше“.

3. Кирилль.
Радость мнѣ
отселѣ никакоже прикоснется:

Симеонъ.

1 пѣснь 2 тропарь: Вижу тя
нынѣ,
возлюбленное мое чядо и любимое,
на крестѣ висяща...
Дивлюся зрящитя... безъ дыханія и безъобразна (6 п. 2 тр.).
и уязвляюся горцѣ сердцемъ.

Симеонъ.

6 п. 1 троп. Хотѣла быхъ съ тобою
умрети.
пречистая глаголаше:
не терплю бо безъ дыханія мертва
тя видѣти.

Симеонъ 9 п. 1 тр. Радость мнѣ
николиже отселѣ прикоснется;
рыдающая глаголаше пречистая:
свѣтъ мой и радость моя во гробѣ зайдетъ.

свѣтъ бо мой и надежда
и животъ,
Сынъ и Богъ
на дровѣхъ угасе.

Се свѣтъ мой сладкій, надежда
и животъ мой благій,
Богъ мой
угасе на крестѣ (3 п. 4 тр.).

Продолжая заимствовать для плача у креста слова канона изъ плача у гроба, Кирилль первую половину фразы общаго характера беретъ изъ 1 тр. 9 пѣсни. Вслѣдъ за этой фразой въ 1-омъ тропарѣ слѣдуетъ поясненіе въ формѣ придаточнаго предложенія. То же поясненіе и въ той же формѣ дѣлаетъ и Кирилль, но такъ какъ поясненіе, заключающееся въ 1-мъ тропарѣ, имѣетъ непосредственное отношеніе къ погребенію, а Кирилль изображаетъ плачь у креста, то онъ замѣняетъ дальнѣйшія слова 1 тр. аналогичными же изъ 4 троп. 4 пѣсни.

Кирилль Гдѣ ми, чядо,
благовѣствованіе,

еже ми
древле
Гаврииль глаголаше:
радуйся, обрадованная, Господь съ тобою,
царя тя и сына

вышняго
нарицающа,
Спаса міру и животворца
всѣмъ, и грѣхомъ потребителя.
Нынѣ же зрю тебе
яко злодѣя, между двумя
разбойниками, и копіемъ про-
бодена
въ ребра
мертвеца,
и сего ради горько изнемогаю.

Симеонъ 7 п. 1 тр. Гдѣ,
сыне мой и Боже,
благовѣщеніе
древнее,
еже ми

Гаврииль глаголаше?

царя тя, сына
и Бога
вышняго
нарицающа;
нынѣ же вижу тя...

нага
и уязвлена
мертвеца.

Разница здѣсь лишь въ томъ, что къ отдѣльнымъ строкамъ канона, взятымъ буквально, Кирилль прицѣпляетъ новыя подходящія выраженія; изъ нихъ одно взято изъ евангельскаго текста, другое—неизвѣстно откуда, третье—представляетъ распространеніе мысли соотвѣтствующаго слова

канона и б. м. тоже заимствовано откуда нибудь, четвертое—
обычное выражение въ канонѣ.

4. Кириллъ... не хочу бо
жити,
но предварити тя въ адъ.

Нынѣ мое чаяніе, радости
же и веселія, Сына и Бога
лишена быхъ.

Увы мнѣ, о страннѣмъ ти
рождествѣ тако не поболѣхъ,
яко же нынѣ растерзаюся
утробою,

твое видяще тѣло пригво-
ждаемо къ древоу

Твое бысть преславно ро-
жество, Иисусе, и нынѣ страш-
но умърщвленіе:
единъ отъ ненасѣянныхъ
пройде утробы, цѣлы печати
моего съблюде дѣвства, и ма-
терь мя своего въплощенія
показавъ, и пакы дѣвою со-
храни...

Здѣсь, какъ видимъ, тѣ же самыя приемы, что и раньше.
Далѣе у Кирилла въ плачѣ Богоматери идетъ текстъ, почти
независимый отъ канона Симеона „о распятіи Господнемъ“
положеннаго на повечеріи. Сухомлиновъ усмотрѣлъ однако
же и здѣсь нѣкоторыя буквальные заимствованія въ такомъ
же родѣ изъ другого канона Симеона Логовета „на Боготѣ-
лесное погребеніе“ ¹⁾. Обращеніе Богоматери къ Іосифу, слѣ-
дующее у Кирилла за плачемъ, начинается опять таки сло-
вами канона, составляя ихъ распространеніе.

Кириллъ. Потщися,
благообразне,

П. 7 тр. 2. ...нынѣ прими
мя съ собою, сыне мой и Бо-
же, да сниду, владыко, во адъ
съ тобою и азъ, не остави
мене едину, уже бо жити не
терплю...

Пѣснь 1 п. троп. 4 Нынѣ
моего чаянія радости и весе-
лія, сына моего и Господа,
лишена быхъ...

П. 3 тр. 2: О страшномъ
твоємъ рождествѣ и стран-
номъ, Сыне мой, паче всѣхъ
матерей возвеличена быхъ
азъ.,

но увы мнѣ, нынѣ ты ви-
дящи на дрѣвѣ распалаюся
утробою.

Пѣснь 4 троп. 2... Глаголаше.
ко благообразному: потщися
Іосифе,

¹⁾ Сухомлиновъ. О сочиненіяхъ Кирилла Туровскаго, стр. 297.

къ Пилату
безаконному судіи,

и испроси
съ креста сняти
тѣло Іисусово,
учителя своего,
моего же Сына и Бога,
подвигнися“... и т. д.

За обращеніемъ Богоматери къ Іосифу слѣдуетъ у Ки-
рилла рѣчь Іосифа къ Пилату, построенная подобно раз-
смотрѣннымъ уже рѣчамъ Христа къ двумъ эммаусскимъ
путникамъ, къ Өомѣ, равно и Өомы ко Христу: въ уста го-
ворящаго влагается рядъ ссылокъ на ветхозавѣтныя про-
рочества и евангельскія событія. Кратко замѣтивъ о снятіи
тѣла со креста и обстоятельствахъ погребенія, Кириллъ пер-
вый отдѣлъ своего поученія заканчиваетъ плачемъ Іосифа
надъ тѣломъ Христовымъ. Плачь этотъ *начинается* словами
канона о распятіи, влагаемыми однако въ послѣднемъ въ
уста не Іосифа, а Богоматери.

Кириллъ. Солнце незахо-
димое,
Христе, творче всѣхъ, и
тваремъ Господеви, како...

къ Пилату
(„безаконнаго судьи“ — изъ
второго канона Симеона)
приступити,
и испроси
съ креста сняти
со древа
учителя твоего.

П. 4 тр. 1: Солнце неза-
ходяй,
Боже превѣчный и творче
всѣхъ
тварей, Господи, како... чистая,
плачущи, глаголаше.

Продолжается плачь распространеніемъ словъ стихиры ве-
черни великаго пятка „Тебе одѣющагося“, съ дополненіемъ
неизвѣстно въ точности откуда взятой или навѣянной мысли
и фразы, хотя и безконечное число разъ въ той или другой
формѣ повторяющейся и въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ и въ
греческихъ поученіяхъ:

„Обаче сіа вся смотрѣніемъ твориши, и вся си своею
волею претерпѣлъ еси: идеши бо въ адъ, да Адама отъ ада
съ Евъюю падша преступленіемъ пакы возведеша въ рай, и
прочая съ ними воскресиши мрътвеца твоего Божества си-
лоу“ ¹⁾.

¹⁾ Подобная мысль и тирада встрѣчается въ словѣ Епифанія „Что се
днесь безмолвіе“, съ которымъ, какъ мы уже выяснили, Кириллъ былъ

Заканчивается плачь вложеніемъ въ уста Іосифа церковнаго пѣснопѣнія, поемаго на утренѣ великой субботы при началѣ особаго обряда въ память погребенія Господня: „святый Боже“¹⁾.

знакомъ: „камо грядеть, камо восходить?.. что есть смыслъ снѣтія его, еже во адъ? Убо... сѣдѣщихъ во тмѣ и сѣни смертѣй посѣтити хочеть, ибо плѣннаго Адама и плѣнную Еву отъ страстей разрѣшити грядеть, яко Богъ и Сынъ имъ по плоти“ (Печ. Соб. л. 144).

¹⁾ Нашего выноса плащаницы во время Кирилла еще не существовало. Но на утрени великой субботы при пѣніи трисвятого, по показанію устава патріарха Алексія, совершался входъ въ алтарь съ евангеліемъ (См. Мансветовъ „Церковный Уставъ“. М. 1885 г., стр. 148). Кириллъ имѣлъ въ виду этотъ обрядъ, когда писалъ свое поученіе. Доселѣ учеными литургистами не обращено надлежащаго вниманія на слѣдующее мѣсто въ словѣ Кирилла, гдѣ онъ ублажаетъ Іосифа: „Кому уподоблю сего праведника? Святителя или старѣйшину прозову: тѣмъ бо образъ своея службы предасть еси, обходя кадѣ и кланяяся съ молитвою пречистому тѣлу Христову, глаголя: воскресни Господи, помози намъ и избави насъ имени твоего ради“ (Памятники, стр. 149—150). Кириллъ сопоставляетъ Іосифа съ святителями въ томъ, что тѣ получили отъ Іосифа образъ службы, и далѣе объясняется, что этотъ образъ службы состоялъ въ томъ, что тѣ „обходятъ, кадѣ и кланяются пречистому Тѣлу Христову, говоря: воскресни Господи, помози намъ и избави насъ имени твоего ради“. Ясное дѣло, что Кириллъ указываетъ на какой то специальный церковный обрядъ по образу службы Іосифа. Что это за обрядъ, показываютъ слова, произносимыя святителями... „воскресни... Это—прокимень, положенный, по уставу Алексія, на утрени великой субботы по великомъ славословіи предъ чтеніемъ паремій послѣ входа съ евангеліемъ. Въ словахъ Кирилла, такимъ образомъ, мы имѣемъ указаніе на совершеніе въ древне-русской церкви обряда, соотвѣствующаго нашему поклоненію плащаницѣ. Кириллъ говоритъ, что обрядъ состоялъ въ обхожденіи, кажденіи и поклоненіи съ молитвою: „воскресни Боже“ и совершался только архіереями (святителемъ, или старѣйшиной), какъ полагалось по греческимъ уставамъ. (Сравн. Типикъ Великой Церкви у въ изданіи А. А. Дмитріевскаго Описаніе литургическихъ рукописей, находящихся въ бібліотекахъ православнаго Востока т. I *Τυπικὴ* стр. 132). Наболѣе подробно этотъ обрядъ описанъ въ профитологіи XIII в. Синайск. библи. № 9 (Дмитревскій тамъ-же прим. I-ое): *Μετὰ ἐν ὑψίστοις Θεῶν, καὶ τὸ δόξα καὶ νῦν εἰσέρχονται ὁ ἀρχιεπίσκοπος ὄν τῶν ἱερέων εἰς τὴν εἰσοδὸν μετὰ τοῦ εὐαγγελίου καὶ εἰθ' οὕτως λέγει τροπάριον ἤχος β'. Ὁ συνέχων πέρατα, εἶτα πάλιν λέγει τὸ αὐτὸ τροπάριον παρὰ τοῦ λαοῦ εἰθ' οὕτως, δόξα καὶ νῦν καὶ τὸ τέλος τοῦ τροπαρίου. Καὶ ἀθανάσιος ζωῆς ἡμᾶς ὡς Θεὸς ἀθάνατος. Καὶ πάλιν ὁ λαὸς τὴν ἀρχὴν. Ὁ συνέχων τὰ πέρατα, εἶτα περισσὴν μίαν οἱ ἀναγνώσται, καὶ πάλιν ὁ λαός. Ὁ συνέχων τὰ πέρατα. Ψαλλομένον δὲ τοῦτον ἀνέρχεται ὁ ἀρχιεπίσκοπος ἐν τῷ συνθρόνῳ καὶ λέγει ἐν τῷ ἀμβώνῳ ἤχος δ' Ἀνάστα, Κύρια.*

Слово Кирилла на недѣлю Мироносицъ возбуждаетъ большія недоумѣнія по способу своего строенія. Почти все оно построено на основѣ греческихъ образцовъ, положенныхъ на великій пятокъ и субботу. Значительную часть его занимаетъ подробнѣйшее изложеніе плача Богоматери, не имѣющаго прямого отношенія къ воспоминаніямъ дня: ни въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, ни въ греческихъ поученіяхъ, положенныхъ на этотъ праздничный день, плачь Богоматери не составляетъ предмета изображенія или прославленія. Какъ плачь Богоматери, такъ и Іосифа являются рѣзкимъ диссонансомъ къ общему праздничному характеру церковно-богослужебнаго послѣдованія дня. Спрашивается, откуда могла придти въ голову Кирилла странная идея „въ радостный праздникъ“ занять слушателей подробнымъ минорнымъ изложеніемъ скорбныхъ сюжетовъ страстной недѣли, которому по общему господствующему тону мѣсто въ великую пятницу или субботу? Это во первыхъ.

Во вторыхъ, въ общемъ планѣ слова Кирилла чрезвычайно странный порядокъ. Въ началѣ слова онъ ставитъ темою поученія похвалу Іосифа съ мирноносицами, послужившихъ по распятіи тѣлу Христову, и затѣмъ изображается, въ чемъ состояло служеніе тѣлу Христову сначала Іосифа, а потомъ мирноносицъ. Повидимому, это и есть обѣщанная похвала?! Оказывается, нѣтъ. Занявъ большую часть содержанія слова мало относящимися къ дѣлу выясненія подвига Іосифова и мирноносицъ подробностями плача Богоматери, вымышленной, пополненной пророческими предсказаніями о Христѣ рѣчи Іосифа къ Пилату, подобной же рѣчи ангела къ мирноносицамъ, Кириллъ уже въ концѣ слова приступаетъ къ поставленной задачѣ, какъ еще не начатой выполненіемъ, снова повторяя сдѣланную въ приступѣ формулировку своей темы: „похвалимъ нынѣ Іосифа приснопамятнаго, благообразнаго же досточуднаго. Блаженъ еси... Итакъ, похвала только что начинается. Но вмѣсто обѣщанной похвалы Іосифу и мирноносицамъ Кириллъ восхваляетъ только Іосифа, а о мирноносицахъ здѣсь вовсе забываетъ. Подвигъ мирноносицъ уплываетъ изъ сознанія и творческой мысли Кирилла, какъ нѣчто совершенно второстепенное, добавочное, Кириллъ какъ будто собирался писать похвалу только Іосифу, а подвигъ мирноносицъ есть нѣчто стороннее, случайное въ

отношеніи главной задачѣ поученія. Однимъ словомъ, весь ходъ мыслей и особенности строенія слова Кирилла изобличаютъ, что рѣчь о мироносицахъ не входила въ первоначальный замыселъ этого слова, рѣшительно тяготящаго къ воспоминаніямъ, идеямъ и особенностямъ церковно-богослужебнаго послѣдованія великаго пятка и великой субботы. Но каковъ же былъ этотъ первоначальный замыселъ?

Слово Кирилла на недѣлю мироносицъ извѣстно въ двухъ редакціяхъ. Первая—сейчасъ разобранная; вторая напечатана Лопаревымъ, по списку XVI вѣка, въ „Памятникахъ древней письменности“ (XCVII в.)¹⁾. Отличіе состоитъ, во первыхъ, въ томъ, что въ ней нѣтъ всей второй половины слова, т. е. повѣствованія о мироносицахъ и убаженія Іосифа²⁾, и во вторыхъ, въ рѣчи Іосифа къ Пилату нѣтъ большинства ссылокъ на ветхозавѣтные пророчества, въ третьихъ, вслѣдъ за плачемъ Іосифа идетъ еще новый плачъ Богоматери, теперь уже—у гроба. Эта редакція слова полагается въ древне-русскихъ сборникахъ на великій пятокъ, или субботу и имѣетъ особый собственный соотвѣтствующій приступъ и особое заключеніе. Въ рукописи Златоуста Троице-Сергіевой Лавры, нынѣ Моск. Дух. Академіи XVII вѣка № 18 (146) приступъ второй редакціи читается такъ: „Возлюбленніи, кто возглаголетъ силы Господни и чюдеса, или кто скажетъ извѣдати о страсти его. Солнце бо видѣ Богу досаждаему свѣтъ свой помрачи и луна со³⁾ звѣздами не сіяше во время страсти Спасовой. Іосифъ же видѣвъ страшная⁴⁾... (далее какъ и въ первой редакціи на недѣлю мироносицъ). Заключеніемъ слова является общая фраза: „мы

¹⁾ Та же редакція положена и въ Печатномъ Златоустѣ (у насъ подъ руками изданіе единовѣрческой типографіи, представляющее перепечатку Почаевскаго изданія 1795 года), но текстъ ея измѣненъ подъ вліяніемъ слова на недѣлю Мироносицъ.

²⁾ А не одного только повѣствованія о мироносицахъ, какъ неправильно сообщаетъ проф. Голубинскій въ примѣчаніи къ 799 стр. I т. I пол. (изд. второе) Русск. Ц. Исторія.

³⁾ Въ списокѣ, изд. Пономаревымъ, нѣтъ союза „со“, но издатель, думается, совершенно напрасно считаетъ это чтеніе правильнымъ, когда приводитъ: „и луна звѣздами не сіяла“ (Лопаревъ, стр. 14). При такомъ чтеніи фраза имѣла бы неестественный смыслъ.

⁴⁾ Въ Печатномъ Златоустѣ эта редакція начинается прямо со словъ 1-ой редакціи, ех abrupto: „нынѣ же благообразнаго Іосифа съ мироносицами похвалимъ“... л. 193.

же грѣшніи хвалимъ и славимъ Св. Троицу Отца и Сына и Св. Духа нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“¹⁾. О происхожденіи этой редакціи доселѣ неустановлено точно: принадлежитъ ли она самому Кириллу или же кому либо изъ позднѣйшихъ книжниковъ. Издатель разсматриваемой редакціи слова утверждалъ, что редакція принадлежитъ самому Кириллу, представляя переработку первой редакціи примѣнительно къ страстной седмицѣ. Другіе изслѣдователи—Е. Е. Голубинскій,²⁾ проф. Пономаревъ³⁾ считаютъ это вполне возможнымъ, подчеркивая при этомъ, что если редакція принадлежитъ Кириллу, то это была не столько передѣлка, сколько сокращеніе первой редакціи. Но всѣ они безъ основаній, какъ намъ кажется, проходятъ полнымъ игнорированіемъ иное возможное предположеніе, что въ рукахъ Кирилла не 1-я редакція была источникомъ для второй, а какъ разъ наоборотъ 2-я для первой. Между тѣмъ вторая редакція какъ разъ отвѣчаетъ тому первоначальному замыслу Кирилла, который, какъ мы указали, чувствуется на протяженіи всего слова, и который, какъ мы раскрыли, не выходилъ изъ круга страстныхъ воспоминаній. Отсюда же естественно слѣдуетъ, что вторая редакція возникла ранѣе первой. При такомъ утвержденіи становится понятнымъ странная доселѣ особенности слова на недѣлю мироносицъ. Вдохновленный, съ одной стороны, великопятацкими и великосубботными греческими поученіями и церковно-богослужебными послѣдованіями, Кириллъ излагаетъ ихъ содержаніе въ собственномъ словѣ на великій пятокъ. Затѣмъ, когда ему приходится говорить въ недѣлю мироносицъ о предметѣ, тождественномъ съ предметомъ, раскрытымъ въ словѣ на великій пятокъ, онъ естественно избираетъ ту тему, которая сама вытекала при раскрытіи предмета ранѣе составленнаго слова—похвалу Іосифа. Но похвала Іосифу необходимо требовала предварительнаго повѣствовательнаго изображенія самого его подвига. Между тѣмъ у Кирилла было уже сдѣлано такое и притомъ красивое изображеніе, и что же удивительнаго, если онъ воспользовался этимъ готовымъ изобра-

¹⁾ Печатный Златоустъ, л. 193.

²⁾ Исторія Р. Ц. т. I пол. I стр. 799 прим. 1.

³⁾ Памятники, стр. 189.

женіемъ?! Нѣтъ, далѣе, ничего удивительнаго, если авторская любовь къ своему прежнему, дѣйствительно весьма художественному произведенію, побудила Кирилла вставить его въ возможно полномъ видѣ, выкинувъ лишь самое необходимое?! Такимъ необходимо подлежащимъ исключенію и былъ плачь Богоматери у гроба по отшествіи отъ него Іосифа. Этотъ плачь уже совсѣмъ не имѣетъ никакого отношенія къ дѣлу Іосифа, восхваленіе котораго было избрано авторомъ въ качествѣ темы слова. Зато, повторяя рѣчь Іосифа къ Пилату, Кирилль не могъ удержаться, чтобы не пополнить ее по своему излюбленному приему вложеніемъ въ уста Іосифа новыхъ ссылокъ на пророчества. Взявъ изъ стараго слова изображеніе дѣла Іосифа, Кирилль долженъ былъ теперь дополнить его нарочитыми похвалами совершителю этого дѣла. Но здѣсь ему на пути встрѣчалась новая задача: и въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ и въ евангельскомъ чтеніи предметомъ воспоминаній являлся не одинъ Іосифъ, а и мироносицы; слѣдовательно, нельзя было пройти и тѣхъ полнымъ молчаніемъ. И вотъ, слѣдуя этому, чисто внѣшнему побужденію, Кирилль попутно, прежде чѣмъ перейти къ своей главной задачѣ, прицѣпляетъ къ изображенію дѣла Іосифа и изложеніе дневного евангельскаго разсказа о женахъ мироносицахъ. Только покончивъ съ этой добавочной, сторонней работой, Кирилль приступаетъ къ выполненію своей главной задачи—ублаженію Іосифа.

Детальное обслѣдованіе отличительныхъ особенностей текста второй редакціи не даетъ никакихъ серьезныхъ основаній отрицать въ ней работу самого Кирилла, и при томъ въ ея первоначальной формѣ. Слово Кирилла самымъ широкимъ образомъ исчерпываетъ все содержаніе канона Симеона о распятіи, и было бы странно, если бы Кирилль вовсе прошелъ полнымъ молчаніемъ плачь Богоматери у гроба, которому въ этомъ канонѣ посвящено такъ много мѣста. Въ канонѣ плачь Богоматери у гроба раздѣляется на двѣ части: съ 4 п. по 7 включительно идетъ плачь надъ тѣломъ, еще не положеннымъ во гробъ; съ 8 пѣсни—плачь надъ тѣломъ, уже погребенномъ во гробъ. Первая половина плача у Кирилла слита въ одинъ плачь у креста вслѣдствіе тѣснаго сродства ихъ содержанія, и потому совершенно естественно, что Кирилль не удѣляетъ ей особаго

мѣста; но дать мѣсто второй половинѣ плача было для Кирилла неизбежно, потому что иначе картина, данная въ канонѣ и такъ властно захватившая мысль проповѣдника, неожиданно обрывалась бы незаконченною. Поэтому плачь Богоматери у гроба, данный во второй редакціи слова, не есть нѣчто внѣшнее къ общему внутреннему строенію слова, но логически необходимо обусловливается этимъ строеніемъ. Самый этотъ плачь построенъ такъ же, какъ и плачь у креста. Большая часть его состоитъ изъ выдержекъ изъ 8—9 пѣсенъ канона съ добавленіями и измѣненіями автора слова; но какъ при изображеніи плача у креста авторъ не стѣсняется брать выраженія изъ плача у гроба, приспособляя ихъ къ своей цѣли, такъ и здѣсь тѣмъ же способомъ при изображеніи плача у погребеннаго тѣла берутся нѣкоторыя выраженія изъ раннѣйшаго плача у непогребеннаго тѣла.

Кирилль.

1) Сладости мнѣ не прикоснется
отсель никакоже:

свѣтъ бо мой и радость моя
въ гробъ зайде.

2) О жены мироносицы, рыдайте горко и плачите со мною:
се бо свѣтъ мой

и
вашь
оубьень бысть
и гробу преданъ;

3) нынѣ бо моего чаянія и радости и веселія, Сына и Бога лишена быхъ.

Кирилль.

Увы мнѣ болю сердцемъ,

4) солнце незаходяй, Боже превѣчный, творче всѣмъ тваремъ,

Канонъ.

9 п. 1 тр. Радость мнѣ николиже
отсель прикоснется,
рыдаючи глаголаше непорочная:

свѣтъ бо мой и радость моя
во гробъ зайде...

7 п. 4 тр... непорочная мироносицамъ глаголаше: срыдайте ми и сплачите гордѣ:
се бо свѣтъ мой
сладкій

и учитель
вашь

гробу предается.

1 п. 4 тр. Нынѣ моего чаянія, радости и веселія, Сына моего и Бога лишена быхъ;

Канонъ.

увь мнѣ, болѣзную сердцемъ,
чистая плачущи глаголаше...

4 п. 1 тр. Солнце незаходяй, Боже превѣчный, и творче всѣхъ тварей Господи,

како во гробъ зайде

5) и не глаголеши ли слова рабе твоей, Слово Божіе, не ущедриши ли, Владыко, тебѣ рожную,

6) помышляю бо,

яко кому

гласа твоего не услышу, ни доброты лица твоего не узрю.

Уже бо зайде отъ очію моею Сыну мой.

Въ отрывкахъ 3 и 4 берутся тѣ же выраженія, которыя взяты уже для плача Іосифа. Это обстоятельство не можетъ говорить противъ первоначальности разсматриваемаго плача Богоматери. Въ первомъ случаѣ выраженія буквально тождественны (согласно тексту канона), но нужно сказать, что въ разсматриваемой редакціи это не въ единственный разъ встрѣчаются повторенія.—Въ плачѣ у креста дважды повторяется фраза: „хотѣла быхъ, чадо, съ тобою умерети“, второй разъ, вмѣсто словъ 1 ред.: „не хочу бо жити, но предварити тя въ адъ“. Въ отрывкѣ 4 фраза повторяется измѣненіемъ соотвѣтственно характеру плача у гроба. Дальнѣйшій текстъ плача весь сотканъ изъ выраженій только 8 и 9 пп. канона.

Кирилль.

7) ни отъ гроба твоего, чадо мое, встану, ни слезъ престану точащи раба твоя.

8) Увы мнѣ, Сыну мой, по что мя едину остави? но иду съ тобою въ малый гробъ твой;

9) молюти ся, Сыну мой, Боже мой.

Какъ отрывокъ 7 представляетъ буквальную передачу канона, такъ стр. 8—9 отступаютъ отъ буквы канона, сохраняя общую мысль.

како терпиши страсть на крестѣ?..

П. 6 тр. 3. Не изглаголеши ли рабе твоей слова, сложе Божій, не ущедриши ли, Владыко тебе рождшую?..

П. 6 тр. 4. Помышляю, Владыко,

яко къ тому сладкаго

твоего не услышу гласа, ни доброты лица твоего узрю, яко же прежде, раба твоя.

ибо зашелъ еси, сыне мой, отъ очію моею.

Канонъ.

8 п. 4 тр. Ни отъ гроба твоего встану, чадо мое, ни слезы точащи престану раба твоя,

дондеже и азъ сниду во адъ; не могу бо терпѣти разлученія твоего, Сыне мой.

Кирилль.

10) душевную мою язву исцѣли, Сыну, чадо мое,

воскресни тридневно, якожь общася самъ, представи ми болѣзни горькия и печаль на радость преложи; можеша,

елико хочени,

аще и погребесе волею.

11) Господь втайне рече: о мати моя, како утаится бездна щедротъ моихъ:

тварь бо мою хотяи спасти умертвитися изволихъ, но воскресну въ 3-й день,

на небеси и на земли славимъ.

12. Дѣвая жъ мати, слышавше Господа рекъша, и иде во свояси, глаголюще:

Воспою милосердіе твое,

Христе Боже нашъ, и кланяюся, Боже,

милости твоей, человекѡлюбець, созданіе свое хотя спасти, се изволи пріяти,

Христе Боже мой, много-милостиве, долготерпеливе....

Канонъ.

9 п. 2 тр. Душевную мою язву исцѣли, чадо мое, пречистая вопіаше слезящи, воскресни,

и утоли мою болѣзнь

и печаль;

можеша бо, Владыко, елико хочеша и твориши, аще и погреблесе еси волею. 9 п. тр. 4.

о како утаится тебѣ есть бездна щедротъ,

матери въ тайнѣ изрече Господь:

тварь бо мою хотяи спасти, изволихъ умерети, но и воскресну,

и тебе возвеличу, яко Богъ небесе и земли.

9 п. 4 тр. Воспою милосердіе твое, человекѡлюбче,

и поклоняюся

богатству милости твоея Владыко, созданіе бо твое хотя спасти, смерть подъяль еси...

Представивъ отрывокъ 11 въ качествѣ рѣчи Христа къ Богоматери, авторъ въ отрывкѣ 12 дѣлаетъ соотвѣтствующее объясненіе къ словамъ Богоматери.

Относительно отсутствія во 2 ред. въ рѣчи Іосифа многихъ ссылокъ на пророчества, имѣющихся въ 1 редакціи, Лопаревъ думаетъ, что Кириллъ, передѣлывая слово въ недѣлю мироносицъ на великую субботу, выкинулъ ихъ, какъ нарушающія симметрію ¹⁾, но текстъ слова допускаетъ и обратное объясненіе, что, пользуясь готовымъ словомъ на великую субботу для составленія новаго на недѣлю мироносицъ, Кириллъ вставилъ въ старый текстъ новыя ссылки на пророчества и новыя разъясненія.

Изъ болѣе мелкихъ особенностей слова на великую субботу самой характерной является вставка апокрифическаго характера о наученіи Господомъ Іосифа пѣть: „святый Боже“. Въ словѣ на недѣлю мироносицъ плачь Іосифа заканчивается заявленіемъ Іосифа, что онъ по наученію Св. Духа будетъ пѣть при погребеніи: святый Боже. Заявленіе это совершенно неожиданно въ ходѣ мыслей плача. Ни о какомъ наученіи отъ Св. Духа Іосифъ раньше ничего не говорилъ, между тѣмъ ссылка на такое наученіе предполагаетъ, что фактъ такого наученія уже упомянуть въ рѣчи. Но почему же этого упоминанія здѣсь нѣтъ? Слово на вел. субботу выясняетъ, что это упоминаніе дѣйствительно и было въ первоначальномъ текстѣ, но выпущено при новой передѣлкѣ текста для слова на недѣлю Мироносицъ. Прежде же такого выпуска мысль въ словѣ имѣла самую строгую послѣдовательность. На обращенныя ко Христу восклицанія страшащагося Іосифа: „какъ погребу“... погребаемый Христосъ отвѣчаетъ, что Его должно погребать безбоязненно съ пѣніемъ трисвятого. Получивъ такое разъясненіе своего недоумѣнія, Іосифъ выражаетъ свою полную готовность послѣдовать повелѣнію: „погребу тя Боже мой, яко наученъ есмь святымъ твоимъ духомъ“. Теперь уже у него нѣтъ никакихъ колебаній, и онъ вмѣстѣ съ Никодимомъ спѣшитъ выполнить свое дѣло: „и принесоша и положиша во гробъ“ ²⁾. Изъ приведен-

¹⁾ Слово въ великую субботу. Сообщеніе Хр. Лопарева. Памятники древней письменности, ХСVII, стр. 16.

²⁾ Лопаревъ, тамъ же, стр. 22.

наго мѣста не трудно догадаться, что у Кирилла первоначально рѣчь шла не о Св. Духѣ, третьей ипостаси Св. Троицы, а о „духѣ Христовомъ“, т. е. о душѣ Христовой. т. е. предполагается, что обращеніе къ Іосифу могъ сдѣлать только „духъ“ Христовъ, въ то время какъ тѣло, отдѣленное отъ души, было мертво. При обработкѣ текста для полученія въ недѣлю мироносицъ Кириллъ выпустилъ рѣчь объ обращеніи погребяемаго Господа къ Іосифу, быть можетъ, потому, что при тщательномъ обсужденіи нашель его слишкомъ апокрифическимъ, но въ то же время, желая по прежнему связать обычай пѣнія трисвятого при великосубботнемъ обрядѣ съ примѣромъ Іосифа, онъ приписалъ сверхъестественное внушеніе пѣть: „святый Боже“, безъ котораго Іосифъ, конечно, не могъ додуматься до такого пѣнія, вообще св. Духу, и всю тираду сократилъ въ послѣдней фразѣ Іосифа: „тѣмъ же сице возглашая, погребу тя, Милостиве, якоже Святымъ наученъ быхъ Духомъ“ ¹⁾.

Другіе варианты слова на великую субботу въ сравненіи съ словомъ на нед. Мироносицъ, отчасти указанные ²⁾ Лопаревымъ, отчасти не указанные ³⁾, но несомнѣнные, не пред-

¹⁾ Памятники др.-русс. ц. учит. лит., стр. 147.

²⁾ Нѣкоторые изъ указанныхъ Лопаревымъ вариантовъ, возможно, представляютъ ни что иное, какъ пропуски, обусловленные неисправностью текста рукописи. Во всякомъ случаѣ, фраза приводимаго имъ текста изъ обращенія Богоматери къ Іосифу: „потѣхися сугубаго ради венца, иже* примѣши** честь и поклоненіе, а на небеси жизнь вѣчную“, явно безграмотна и бессмысленна; получаетъ же смыслъ только при вставкѣ изъ текста 1-ой редакціи недостающихъ словъ, на мѣстѣ первой звѣздочки: по „воскресеніи Христовѣ“, на мѣстѣ второй: и отъ конецъ всѣхъ земля.

³⁾ Одни состоятъ въ отсутствіи нѣкоторыхъ словъ, имѣющихся въ 1-ой редакціи, другіе въ замѣнѣ однихъ словъ иными. Напримѣръ, въ плачь Іосифа, въ тирадѣ: „како ли понесу тя на руку мою рукою ти вся содержащаго“ къ слову „на руку“ въ 1-й редакціи прибавлено опредѣленіе „перстною“, выраженіе „рукою ти вся содержащаго“ замѣнено другимъ: „носящаго тварь“, а послѣ него прибавлено „невидимаго Господа“. Выраженія 1 ред. „обаже сіа вся смотрѣніемъ твориши“ — нѣтъ. Въ рѣчи Іосифа къ Пилату, послѣ словъ: „дай же ми тѣло сняти со креста“ нѣтъ выраженія 1-й редакціи: „хошу бо въ своемъ положити гробъ“; далѣе, вмѣсто словъ: „и сіа вся слышавъ отъ Іосифа, Пилатъ дивися, и призва сотника и въпроси и, аще уже умреть пропята Іисусъ. И увидѣвъ“ — въ нашей редакціи: „Умоливъ же Іосифъ Пилата и дастъ“...; выраженія—

ставляютъ твердыхъ основаній для какихъ-либо выводовъ по вопросу о происхожденіи разсматриваемыхъ редакцій.

Слово въ недѣлю о разслабленномъ— „Неизмѣрна небесная высота“, по общей идеѣ—представленія подь образомъ разслабленнаго падшаго грѣховнаго человѣчества, воздвигнутаго отъ грѣховнаго разслабленія Христомъ Спасителемъ—имѣеть источникомъ вдохновенія Толковое Евангеліе Теофилакта Болгарскаго ¹⁾, но діалогическо-драматическая форма его построения навѣяна словомъ, съ именемъ Златоуста положеннымъ уже въ сб. № 9 Тр. Серг. Лавры на Преполовеніе „О еже не судити“ „Якоже свѣтоносна луна“. Слово это начинается комментариемъ евангельскихъ словъ Спасителя по испѣленіи разслабленнаго, при чемъ во второй половинѣ своей этотъ комментарий ведется отъ лица Христа. Затѣмъ излагаются длинныя предполагаемыя: рѣчь Христа къ разслабленному, отвѣтъ разслабленнаго Христу и новая рѣчь Христа. Рѣчи и отвѣтъ связываются между собою собственными комментаріями автора отъ своего лица. Въ заключеніе дѣлается краткое замѣчаніе объ отношеніи къ чуду іудеевъ и встрѣчѣ разслабленнаго со Христомъ въ храмѣ. До сихъ поръ еще не были подмѣчены слѣды пользованія со стороны Кирилла приведеннымъ словомъ Златоуста. Въ приступѣ Кирилль, указавъ на долгъ вѣрующихъ исповѣдывать великія чудеса Господни, приглашаетъ „побесѣдовать о разслабленномъ“, какъ человѣкъ, „его же самъ вспомняулъ и призрѣлъ и помиловаль“ ²⁾. Кто это самъ? авторъ не ставитъ подлежащаго, предполагая это извѣстнымъ. Во вторыхъ: *зачѣмъ* это „самъ“, содержащее въ себѣ противоположеніе какимъ-то инымъ лицамъ? Объясненіе этого кроется въ текстѣ Златоустовскаго, поученія, котораго данное мѣсто является“ сокращеніемъ. Оказывается, здѣсь дается мотивировка, почему вѣрующимъ должно вспоминать о

„приде же и Никодимъ несый смѣшеніе смирно, и алоино, достойно цѣны литръ сто“, также вѣтъ, а вмѣсто него стоитъ просто „съ Никодимомъ“ и нѣкотор. друг.

¹⁾ Объ этомъ см. нашу статью „Къ вопросу о литературныхъ источникахъ, составѣ и происхожденіи древне-славянской группы поученій на четыредесятницу въ „Библиографической Лѣтописи“, в. I. (1914 г.), изд. Имп. Общ. Люб. Др. Письменности.

²⁾ Памятники, стр. 151.

разслабленномъ: объ немъ вспомнилъ самъ Христосъ, тѣмъ болѣе должно вспоминать намъ.

Кирилль. ¹⁾

— Златоустъ. ²⁾

Того ради должны есмы, братіе, хвалити и пѣти и прославити Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, исповѣдающе его великая чюдеса, но и елико ихъ створи, неисповѣдима суть ни ангеломъ, ни человѣкомъ.

Нынѣ же о разслабленномъ побесѣдуемъ, его же днесъ самъ въспомняулъ

и призрѣлъ и помиловаль...

Кто не дивится тогда, егда Господьская чюдеса сказуютъ?

аще и мнѣ (если угодно) и малымъ (вкратцѣ) къ самому указу разслабленнаго (самый отдѣлъ о разслабленномъ) по-тецемъ (пробѣжимъ),

Господу вспомняувшу ради разслабленнаго (такъ какъ и Господь вспомнилъ о разслабленномъ); аще бо Богъ его вспомняулъ, како мы забыти сотворимъ? Кто не дивится... (и далѣе, что выше)

Рѣчь разслабленнаго ко Христу въ первой половинѣ своей вращается въ кругъ понятій и выраженій Златоустова поученія ³⁾. Въ началѣ рѣчи разслабленный характеризуетъ свою болѣзнь какъ двойственную—„тѣла и души“: какъ разъ именно такъ и въ тѣхъ же приблизительно выраженіяхъ, что и Златоустъ.

Кирилль.

Златоустъ.

Грѣси мои вся уды тѣлеси моего разслабиша, а душа моя преже страсти поношеніи бодома бысть.

Сей бо разслабленный пре- лежа, сугубы раны терпяше, душу омрачаше, плодъ же недугомъ разслабляше...

„Вси человѣцы мною кленутся“, говоритъ разслабленный у Кирилла ⁴⁾. Клятвою мя вси вземлютъ“, заявляетъ тотъ разслабленный у Златоуста ⁵⁾.

¹⁾ Памятники, стр. 151.

²⁾ Печ. Соб. л. 78 об. Русск. перев., стр. 948.

³⁾ О вліяніи на эту рѣчь кн. Іова и Псалтири см. у Сухомлинова, стр. 278—9.

⁴⁾ Памятники, стр. 152.

⁵⁾ Печ. Соб. л. 80.

Уставныя Чтенія.

Краткое, но характерное противоположеніе дѣлается темою подробнаго раскрытія у Кирилла.

Кирилль.

Златоустъ.

Мрътва ли себе нареку, но...
Жива ли себе помышляю,
но...

Не погребенъ мрътвецъ раз-
зумѣюся; одръ сей гробъ ми
есть:

мрътвъ есмь въ живыхъ, и умрохъ
живъ есмь въ мертвыхъ, живъ ²⁾.
ибо яко живой питаюся и
яко мрътвъ не дѣлаю ¹⁾.

Въ рѣчи фарисеямъ разслабленный у Кирилла почти бук-
вально повторяетъ Златоустовское обращеніе къ іудеямъ.

Кирилль.

Златоустъ.

Не насытитесь ли ся, въ три-
десять и осмь лѣтъ зрящи ме-
не исполумертва лежаща? ³⁾.

„Не насытестесь ли, о жи-
довстїи дѣти, въ тридесять
и осмь лѣтъ, видящи раз-
слабленнаго лежаща, ко одру
и постели пригвожденна и
боляща ⁴⁾...“

При сопоставленіи текста Кириллова поученія съ текстомъ
толковаго Евангелія Феофилакта и основанномъ на этомъ
Евангеліи поученіи „Человѣколюбець благый Господь“ ⁵⁾, въ
рѣчи о прообразовательномъ значеніи крещенія замѣчается
новое неизвѣстно откуда явившееся понятіе: „ангельскій
владыка“. Оказывается, что и здѣсь оказалъ вліяніе текстъ
Златоустова поученія.

Кирилль. ⁶⁾

Златоустъ. ⁷⁾

Понеже вода та не всегда
исцѣляше, но егда ю ангель
возмуцаше:

Въ сію Ангела
посылахъ,

¹⁾ Памятники, стр. 152.
²⁾ Печ. Соб. л. 80.
³⁾ Памятники, стр. 105.
⁴⁾ Печ. Соб. л. 78 об.
⁵⁾ См. нашу статью „Къ вопросу о литературныхъ источникахъ, составѣ
и происхожденіи др.-слав. группы поученій на чотырдесятницу“. Библиограф. Лѣтопись, в. I. Изд. Общ. Люб. Др. письм. 1914 г.
⁶⁾ Памятники, стр. 151—2.
⁷⁾ Печ. Злат. л. 80; Приведенное у Сухомлинова для сопоставленія мѣсто
изъ „Вопросовъ и отвѣтовъ“ заимствовано изъ рассматриваемаго поученія.

Кирилль.

Златоустъ.

нынѣ же къ крещенію купели
самъ ангелскій владыка
и Св. Духъ.
приходя,
освящаетъ.

во ону же
азъ, иже Ангеломъ творецъ,
и Св. Духъ.
снисдохъ.

Мысль о Христѣ какъ врачъ не только душъ, но и тѣлесъ
встрѣчающаяся не разъ въ поученіи Кирилла и по буквѣ
заимствованная имъ непосредственно изъ поученія „Чело-
вѣколюбець благый Господь“, первоначальнымъ своимъ ис-
точникомъ имѣетъ поученіе Златоуста.

Кирилль.

Златоустъ. ³⁾

Врачь бо есть душамъ и
тѣломъ... ¹⁾

Сей бо разслабленный пред-
лежа сугубы раны терпяше:
душу омрачаше, плоть же не-
дугомъ разслабляше. Тѣмъ
Господь, якоже обоемъ врачъ,
и тѣло стягнетъ, и духъ освѣ-
щаетъ, плоти же одръ поне-
сти повелѣ.

—Поуч. „Человѣколюбець
Богъ“ ²⁾

не токмо душамъ врачъ,
но и тѣломъ, прииде бо насъ
ради человекъ восхотѣ быти,
да обое вкупѣ исцѣлитъ, яко-
же и о семъ разслабленномъ
исцѣлити сотвори...

Изъ Златоуста же, повидимому, заимствована и слѣдующая
фраза.

Кирилль.

Златоустъ. ⁶⁾

И слово его дѣло бысть ⁴⁾,
и въслѣдова слову дѣло ⁵⁾

Аще ли слово сіе сбылося
дѣломъ...

Наконецъ, рѣчь Христа къ разслабленному, хотя, какъ
удачно подмѣтилъ проф. Пономаревъ ⁷⁾, по формѣ слѣдуетъ

¹⁾ Памятники, стр. 151.
²⁾ Рук. № 1265. Софійской библ. СПБ. Дух. Акад. Библ. л. 45—47 об.
³⁾ Печ. Соб. л. 79.
⁴⁾ Памятники, стр. 151 и 155.
⁵⁾ Тамъ же, стр. 155.
⁶⁾ Печ. Соб. л. 78 об.
⁷⁾ Памятники, стр. 191.

перковной стихирѣ, но тема ей дана уже въ словѣ Златоуста.

Кирилль. ¹⁾

Что глаголеши человекѣ не имамъ? азъ тебе ради человекѣ быхъ...

Златоустъ. ²⁾

Что сомнишися... аще бо и человекѣ не имаша, но пристахъ ти Богъ вочеловѣчився.

Слово Кирилла на Вознесеніе начинающееся словами „Прииди нынѣ духомъ, священный пророче Захаріе“, въ своей основѣ имѣетъ идею сопоставленія двухъ фактовъ—снишествія во адъ и вознесенія Господня, побѣды Христа надъ адомъ, съ освобожденіемъ его узниковъ, и встрѣчи его на небесахъ, какъ побѣдителя, въ день вознесенія. Эта идея—характерная принадлежность слова съ именемъ „Златоуста“ „Свѣтло ми се церковное позорище“, имѣющагося уже въ сб. № 9 ³⁾ Тр. Серг. Лавр. XIV в., равно какъ и въ № 17 ⁴⁾ Тр. Серг. Лавр. Моск. Дух. Акад. XV в. Наличие въ томъ и другомъ поученіи рѣчи о первомъ фактѣ отмѣтилъ еще проф. Пономаревъ, но онъ не обратилъ вниманія на болѣе важное обстоятельство, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ поученіи указанный фактъ сопоставляется съ другимъ—встрѣчей возносящагося Христа на небесахъ ангелами и двумя другими ипостасями Св. Троицы. Разница здѣсь между поученіями заключается въ двухъ пунктахъ: во-первыхъ, у Златоуста сопоставленіе имѣетъ второстепенное значеніе въ общемъ построеніи слова, а въ словѣ Кирилла основное, и во-вторыхъ, у Златоуста эти два факта только сопоставляются, но не связываются внутреннею связью, а у Кирилла оба факта объединяются въ одномъ, какъ на-

¹⁾ Памятники, стр. 153.

²⁾ Печ. Соб. л. 80. Форма многократнаго обращенія: „тебе ради... тебе ради“... очень напоминаетъ обращеніе Спасителя къ Адаму въ аду въ словѣ Епифанія на великую субботу „Что се днесъ“. Печ. Соб. л. 146 и об. Упомянутое Кирилломъ объ Адамѣ дѣлаетъ возможнымъ предположеніе, что проповѣдникъ при составленіи даннаго мѣста имѣлъ въ виду и указанное слово Епифанія.

³⁾ Л. 105.

⁴⁾ Л. 440 Печатн. Соб. л. 85 об.—87, Русск. перев. т. III, стр. 854—6.

чало и завершеніе одного и того же факта. Последнее удалось Кириллу благодаря внесенію *новой идеи*—идеи незаконченности Христомъ дѣла изведенія изъ ада праведныхъ душъ при нисшествіи во адъ: тогда онъ вывелъ ихъ только изъ ада, но не возвелъ еще на небеса. Но и эта новая идея не принадлежитъ творчеству самого Кирилла, а заложена въ известномъ Кириллу словѣ Епифанія на вел. субботу „Что се днесъ безмолвіе“. Стоитъ только внимательно приглядѣться къ заключительному отдѣлу этого слова, чтобы замѣтить, что по изображенію Епифанія дѣло Христа кончается тѣмъ, что по зову Христа къ плѣнникамъ ада „востать и вытти“ изъ ада, плѣнники „воскресають вмѣстѣ съ нимъ“ и проповѣдаютъ на землѣ о тридневномъ Господнемъ воскресеніи. Что же касается вселенія въ небесныя обители, то объ этомъ въ рѣчи Спасителя говорится лишь какъ о будущемъ, о готовящемся; здѣсь набросана кратко и картина этого будущаго вселенія: небесныя селенія уготованы. Отецъ небесный ожидаетъ... девяносто девять овецъ, т. е. ангеловъ ожидаютъ овцу погибшую—Адама съ остальнымъ человечествомъ, херувимскій престоль уготованъ, Адамъ съ праведными душами „входитъ къ Богу“ въ прежде вѣкъ уготованное царство „возносимый ангелами“ ¹⁾. Вотъ эту-то картину, составляющую необходимое продолженіе первой, однако же только проэктированную, а не выполненную Епифаніемъ, и берется выполнить Кирилль въ своемъ словѣ. Стремясь дорисовать картину Епифанія, Кирилль естественно отъ нея отправляется и строить свою картину такъ, чтобы штрихи ея стояли въ соотвѣтствіи, были продолженіемъ основныхъ штриховъ первой картины. Въ началѣ слова онъ кратко повторяетъ Епифаніеву картину объ освобожденіи праведныхъ душъ при нисшествіи Христа во адъ, затѣмъ подчеркиваетъ соединительную мысль, что души праведныхъ, изведенныя изъ ада, не сразу вопли на небеса, а лишь по воскресеніи Христа вмѣстѣ съ нимъ въ день вознесенія, и потомъ уже приступаетъ къ изображенію того, какъ души праведныхъ возносятся вмѣстѣ со Христомъ на небеса. Изображеніе дѣлается какъ разъ по образу Епифа-

¹⁾ Печ. Соб. л. 146 об.—147; Сборникъ ц. учит. чтеній, стр. 232.

ниевой картины испещривъ ада. Тамъ мѣсто дѣйствія— адъ, здѣсь— всѣ дѣйствующія лица, испещривъ оттуда, переносятся уже на землю на гору Елеонскую: здѣсь тѣ же ангелы, сопровождающіе Христа, тѣ же бывшіе плѣнники ада— патриархи, восполняемые апостолами. Къ самой картинѣ дѣйствія на горѣ Елеонской Кириллъ приступаетъ съ тѣмъ же приѣмомъ выраженія, что и Епифаній въ картинѣ дѣйствія во адѣ.

Епифаній.

„Но да снидемъ съ Нимъ“¹⁾... Пойдемъ же и нынѣ, братіе, Потщимся мыслию во адъ снѣ- на гору Елеонскую умоумъ и ти, да видимъ, како тамо узримъ мысленно вся преслав- тогда державою крѣпкою²⁾... ная створившаяся на ней³⁾.

И какъ тамъ прежде ниспещривъ Христа плѣнныя праведныя души молятъ Христа объ этомъ⁴⁾, такъ и здѣсь прежде воспещривъ на небеса, они обращаются ко Христу съ различными восклицаніями, выражающими ихъ желаніе вознесенія. Шествіе Христа на небеса изображается опять таки по образу шествія во адъ. Впереди него шествуютъ ангелы, требуя отъ привратниковъ открыть врата. Привратники не отворяютъ, не желая подчиниться волѣ идущаго во образѣ челоуѣка. Ангелы снова требуютъ и разъясняютъ Божественное величіе пришедшаго, но снова — безуспѣшно. Тогда, наконецъ, Христосъ самъ заявляетъ о своемъ Божественномъ величіи (у Епифанія— дѣломъ, у Кирилла— словомъ) и входитъ. Здѣсь уже наступаетъ заключительный моментъ картины— встрѣча Христа въ самыхъ небесахъ, для деталей которой, конечно, уже нѣтъ параллелей въ картинѣ Епифанія. Детали этого послѣдняго момента заимствованы уже изъ подробнаго изображенія его въ словѣ съ именемъ „Златоуста“ на Вознесеніе— „Конечно всякій праздникъ“⁵⁾, цѣликомъ внесен-

1) Печ. Соб. Л. 144.

2) Тамъ же Л. 144 об.

3) Памятн. стр. 163.

4) Печ. Соб. Л. 144 об.

5) Твор. Ио. Злат. Р. Пер. т. IV стр. 860—861. Это слово имѣется въ греч. сб. Синод. Библи. № 215 л. 341: *Εἰς τὴν ἀνάληψιν τοῦ Κυρίου. „Φαῖδρά μὲν πάσα ἑορτὴ τῆς τοῦ Χριστοῦ οἰκονομίας καὶ φαῖδρύνουσα τῶν πιστῶν τὰς καρδίας.“* См. арх. Владиміра, Описаніе греч. рукописей Синод. библи. (М. 1894) стр. 266.

наго Иоанномъ экзархомъ Болгарскимъ въ его слово на тотъ же день „Веселитесь небеса“¹⁾. Здѣсь у Кирилла такъ же, какъ и у Златоуста: поклоненіе и восклицаніе ангеловъ, встрѣча Св. Духомъ, повелѣвающимъ воздать Божественныя почести грядущему; но затѣмъ, быть можетъ, по руководству церковнаго пѣснопѣнія²⁾, или просто по требованію симметріи, приводимыя у „Златоуста“ слова пророка Давида— „рече Господь Господеви моему: сѣди одесную мене“³⁾ превращаются Кирилломъ въ обращеніе Бога Отца къ Сыну при посаженіи послѣдняго на престоль: „Самъ же Богъ Отецъ возгласи къ грядущему во плоти: сяди“...⁴⁾ Это посаженіе на престоль сопровождается, по изображенію Кирилла, воспѣваніемъ серафимовъ словами псалма и показаніемъ Божія существа, о которомъ нѣкогда пророчествовалъ Давидъ: „сега ради помаза тя Боже“⁵⁾...

Въ строеніи отдѣльныхъ частей слова Кириллъ слѣдуетъ образцу, данному въ томъ, или другомъ мѣстѣ греческихъ источниковъ.

Весь приступъ слова Кирилла по ходу мыслей есть точная копія слова „Златоуста“ „Свѣтло ми се церковное позорище“. Исходнымъ пунктомъ слова Златоуста является текстъ пророчества— созерцаніе Христа, окружаемаго праведниками, грядущаго побѣдно отъ „брани“. То же и въ словѣ Кирилла, только здѣсь берется хотя и тождественное по мысли, но по буквѣ иное пророчество, чѣмъ у Златоуста: у того— пророчество изъ псалма, у Кирилла— изъ Захаріи.

Кириллъ.⁶⁾

Златоустъ.⁷⁾

Прииди нынѣ духомъ, свя- Предо мною открывается

1) Доказательства этого положенія, равно какъ и выясненіе вопроса: откуда непосредственно заимствовалъ Кириллъ— изъ слова ли Златоуста или Иоанна— мы имѣемъ въ виду представить въ особой статьѣ.

2) См. Пономаревъ, Памятники, стр. 194.

3) Русск. перев., стр. 861.

4) Возможно также, что Кириллъ здѣсь пользовался словомъ „Златоуста“ на Вознесеніе „Такъ какъ по милости Божіей“ помѣщ. въ XII т. стр. 943—946, гдѣ есть подробная картина.

5) Памятники, стр. 186.

6) Памятники, стр. 162.

7) Приводимъ текстъ по русск. переводу, т. III стр. 854.

ценный пророке Захаріа, начатокъ славу дая намъ отъ своихъ прорицаній о вознесе- нии на небеса Господа Бога Спаса нашего Иисуса Христа. Не бо притчею, но явѣ показалъ еси намъ, глаголя: се Богъ нашъ грядетъ въ славу отъ брани ополченія своего, и вси святіи его Нимъ, и станета нозѣ Его на горѣ Елеон- ствѣй, прямо Іерусалиму на вѣстокъ (Захар. XIV, 3, 4).

Затѣмъ, и въ томъ и другомъ поученіи авторъ остана- вливается на одномъ изъ выраженій приведеннаго впереди текста пророчества— „брани“ и начинаетъ объяснять, о какой это здѣсь говорится брани; при чемъ Златоустъ самъ ставитъ этотъ вопросъ: „въ какой брани“, а Кирилль этотъ вопросъ предполагаетъ уже поставленнымъ и прямо отвѣчаетъ на него, почти въ той же формѣ выраженія, что и Златоустъ

Кирилль.

Хочеть бо и прочее отъ тебе увѣдати,

а о брани, бывшей на об- щаго врага діавола, разумѣ- емъ...

Далѣе, Златоустъ объясняетъ, что эту брань не могъ ве- сти никто изъ людей; а только одинъ Христосъ, какъ Царь вѣковъ, могъ одолѣть діавола. То же дѣлаетъ и Кирилль, обосновывая и дополняя свою рѣчь собственной цитатой изъ пророка Исаи.

Златоустъ.

Послѣдняго (т. е. всеобщаго врага) не былъ въ состояніи преодолѣть никто изъ людей: ни изъ пророковъ ни изъ пра- ведниковъ. Всѣ находились подъ тираніемъ царствовав- шей тогда смерти, пока не

блистательное церковное зрѣ- лище... Онъ видитъ въ гор- ныхъ тотъ „корень“, который воскрешаетъ въ преисподней мертвецъ... видитъ, что не- бесная силы выходятъ на- встрѣчу, и слышитъ, что однѣ изъ нихъ говорятъ: „возмите врата, князи, валхи, и внидеть Царь славы, а другія въ свою очередь, встрѣчая и сопро- вождая Христа, восклицаютъ: Господь силенъ въ брани.

Въ какой брани?

Въ той, которую Онъ пред- принялъ за насъ со всеоб- щимъ врагомъ.

Кирилль.

Самъ бо Господь нашъ Иисусъ Христосъ— единъ вополчился на вся бѣсовскыя полки, и власти темныя испро- верже: попрахъ бо я, рече,

Златоустъ.

явился Царь вѣковъ, который, связавъ сильнаго, взялъ его оружіе.

Кирилль.

въ ярости моей и истлихъ я въ гнѣвѣ моемъ и вся ризы моя окровавихъ побѣждени- емъ; снидохъ и до сокровищъ плѣнникъ моихъ и вся изба- вихъ крѣпостию мышца моя...

Но такъ какъ и у Златоуста и у Кирилла доселѣ рѣчь идетъ иносказательно, все еще не объясняется прямо, какое же именно событіе здѣсь разумѣется, то теперь иносказательная рѣчь переходитъ въ прямое указаніе факта:

Златоустъ. 1)

И когда Господа пригво- ждали ко кресту...

тогда адъ подвергся разруше- нію, врата его сокрушились и запоры его были сломаны... и сказалъ находившимся въ аду плѣнникамъ: идите, всѣ племена народовъ, иди- те... изъ тмы въ свѣтъ...

Кирилль. 2)

Ся вся о страсти Господни и о сшествіи его въ адъ ре- чено быша.

Тамо бо побѣди власти тем- ныя крестомъ и изведе все- роднаго Адама,

со всѣми отечествіи языкъ... и изведе ихъ изъ тмы и сѣни смертна 3)...

Мысль Златоуста объ изведеніи изъ ада всѣхъ племень и народовъ подчеркивается у Кирилла и дальше: „а за четы- редесяте дѣни сия раздѣлили естъ (користь) радости своеа: ра- дуйте бо ся, рече, со мною, яко обрѣтохъ изгыбшую драгму, сирѣчь душа всѣхъ человекъ, по отечествіемъ языкъ, яже въ разная мѣста своихъ обителій введе: овы въ рай съ раз- бойникомъ, а другыя... и всѣхъ же языкъ душа, въ своемъ свѣ- тѣ, на водахъ покоинахъ всели. По всѣхъ бо, въ тѣлеси пад- шихъ прелестію змиевою, тою же плотію Иисусъ пострада, а по дѣломъ комуждо въ послѣдній день въздасть, егда при- идетъ судити всему міру“ 4).

1) Русск. перев. стр. 854.

2) Памятники, стр. 162.

3) Памятники, стр. 163.

4) Памятники, тамъ же.

Изображая встречу Христа ангелами въ небесахъ, Кирилль обнаруживаетъ близость къ слову съ именемъ „Златоуста“ — „Между тѣмъ какъ я еще исчислялъ въ умѣ послѣдствія“¹⁾.

Въ Епифаніевой картинѣ привратники ада дивятся и недоумѣваютъ, видя грядущаго необычайнаго человѣка. То же приписываетъ Кирилль и привратникамъ рая, быть можетъ имѣя одновременно въ виду и мысль одного церковнаго пѣснопѣнія²⁾. Но чтобы объяснить причину удивленія привратниковъ рая при видѣ человѣка Христа, Кирилль прибѣгаетъ къ мысли, выраженной въ словѣ Златоуста, что Сынъ Божій снизошелъ на землю „тайно отъ серафимовъ“³⁾. При этомъ Кирилль весьма близко удерживаетъ форму выраженной слова Златоуста. Сначала Кирилль вкладываетъ эту мысль въ обращеніе ангеловъ къ привратникамъ рая.

Златоустъ.

Кирилль.

Тайно отъ серафимовъ снизошелъ ради меня...

Сниде бо... на землю, ни кому-же нечувшу...

Затѣмъ, у Кирилла ангелы привѣтствуютъ въ небесахъ Христа выраженіемъ, чрезвычайно сходнымъ со словомъ Златоуста.

Кирилль

Златоустъ.

И познавше гласъ Господень, вся силы небесныя падше поклонишася, глаголюще: аще не видѣхомъ, Владыко, Тебе сходяща, се поклоняемъ тися восходящу въ славу⁴⁾.

Вѣдь, если снисхождение Его оставалось невѣдомымъ для ангеловъ, властей, силъ и господствъ, то восхождение Его съ плотію они прославляли восклицая: Господь силъ, той есть царь славы⁵⁾.

Повидимому, можно было бы заключить, что Кирилль при изображеніи картины встречи Христа на небесахъ воспользовался подходящими отдѣльными выраженіями указаннаго сейчасъ слова Златоуста „Между тѣмъ какъ“. Но при бли-

¹⁾ Русскій перев. т. XI, стр. 920—924.

²⁾ См. Пономаревъ. Памятники, стр. 194.

³⁾ Русск. перев., стр. 923.

⁴⁾ Памятники, стр. 166.

⁵⁾ Русск. перев., стр. 923.

жайшемъ изученіи твореній съ именемъ Златоуста намъ удалось установить интереснѣйшій фактъ. Вся эта картина списана Кирилломъ изъ одного поученія съ именемъ Златоуста. Оно помѣщено въ X томѣ русск. перевода твореній Златоуста (стр. 830—841) и заглавывается такъ: „На слова—Помянухъ Бога и возвеселихся“ (Псал. LXXVI, 4).“ Въ этомъ словѣ дается „обозрѣніе“, въ которомъ Златоустъ „изложилъ великія и изумительныя чюдеса Спасителя, чтобы ежедневнымъ воспоминаніемъ (ихъ) радоваться“¹⁾. Къ концъ этого слова есть отдѣлъ (стр. 838—840), въ которомъ какъ разъ дано то представленіе славнаго восшествія Господня на небеса, какъ завершительнаго момента событія изведенія праведныхъ изъ ада, которое развиваетъ Кирилль въ своемъ словѣ на Вознесеніе. Въ первой половинѣ этого отдѣла идетъ вкратцѣ та же картина нисшествія во адъ, что и у Епифанія, но, дойдя до момента освобожденія узниковъ, авторъ не останавливается здѣсь, какъ Епифаній, а непосредственно переходитъ къ изображенію того, какъ Христосъ въ день славнаго своего возшествія на небеса открылъ для освобожденныхъ врата небесныя. „Тѣхъ, которыхъ врагъ свель во адъ, Господь собралъ; которыхъ тамъ родилъ діаволь, или лучше, разсѣялъ, этихъ собралъ Христосъ. Встаньте, сказалъ Господь, и взойдемъ на небо. Все это совершилось во исполненіе загадочнаго пророчества: встаньте и взойдемъ на гору, и въ небесный Іерусалимъ“. Кирилль почти буквально беретъ эту тираду: Си же отъ Іереміа разумѣй глаголюща: душа, яже врагъ въ преисподняя свеле, (тыя-же Господь на небеса возведе) рекъ: встаните взыдемъ въ вышній Сіонъ (Іерем. 31, 36), се же есть небесный Іерусалимъ“²⁾. Преисподняя врата, продолжаетъ Златоустъ, были открыты, или лучше сокрушены; нужно было открыть и небесныя врата“. Дальше идетъ та картина, которую даетъ Кирилль, дѣлая буквально выдержки изъ текста „Златоуста“.

Златоустъ.

Кирилль.

1) Преисподняя врата были открыты, лучше сокрушены; Прѣди же течаху ангельскія силы, страхомъ и радостію

¹⁾ Русск. перев., т. X стр. 841.

²⁾ Памятники, стр. 165.

Златоустъ.

нужно было открыть и небесныя врата;

2) но привратники, по незнанію препятствовали.

3) См. отр. 15 и 21.

4) См. отр. 22.

5) См. отр. 22.

6)

7) Когда онъ сходилъ, они не знали, потому, при возвращеніи, не узнали и начали спрашивать:

8) (а у Господа были съ собою души, которыя онъ испустилъ и разбойникъ, или лучше, ученикъ)

9) Кто это идетъ съ такимъ отрядомъ?

10) Предводившіе ангелы объявили о божественномъ достоинствѣ.

11) Но они не спѣшили (открыть врата), удерживаясь невѣдѣніемъ: если восходитъ Господь, то почему мы не замѣтили его нисходящимъ?.. Нѣтъ рода, когда бы Онъ не нисходилъ, и отъ насъ Онъ не былъ скрытъ.

12) И если теперь Господь восходитъ, то почему мы не замѣтили Его нисходящимъ?

13) Предводители отвѣтили; Онъ есть тогда сходящій; Онъ принялъ образъ раба, чтобы не быть узаннымъ при восхожденіи, чтобы вамъ не узнать владычняго великолѣпія. И (теперь) узнайте

Кирилль.

отвѣсти хотяще врата небесная;

но вышніи вратници въбраняху, въпующе;

си врата Господня, да никтоже земныхъ сюду проходить, намъ бо положи Богъ

яже не мимо идутъ

нынѣ же дивимся, челоувѣка зряще на херувимствѣмъ престолѣ сѣдяща и преже серафимъ тѣшася врата си проити.

(Имяше же съ собою Господь и душа челоувѣцкы, яже възнесе на небеса въ даръ своему Отцу, ихъ же въ горнѣмъ градѣ всели)

Сравн. 1 отр.

Ангели же проповѣдаху Сына Божіа силу и санъ челоувѣцкимъ обложена тѣлесьемъ, и не прерѣковати Божіи воли, вся мудростію творящему: сниде бо, рѣша, на землю никомуже нечювшу, и

Златоустъ.

тайну Владыки и мудрое дѣло Господа, и не мѣшайте челоувѣколюбивому рѣшенію. Если бы вы замѣтили Его сходящимъ съ великимъ смиреніемъ ради своего творенія, то помѣшали бы схожденію и лишили бы челоувѣка спасенія, оставивъ его внѣ горняго царства. Теперь откройте, упадите на колѣни!

14) Отвѣчаютъ они: если мы не услышимъ Его божественнаго голоса, не можемъ открыть дверей.

15) Никто не чистымъ не входитъ оттуда. „Сія врата Господня: праведніи внидутъ въ ня“ (Пс. СХVII, 20)

16) Тогда Господь драгоценнымъ голосомъ сказалъ: Я есмь, о Которомъ вы спрашиваете;

17) Отверзите мнѣ врата правды: вшедь въ ня, исповѣмъ Господеви (Пс. СХVII, ст. 19), т. е. что я сдѣлалъ и пострадалъ,

18) сколько я совершилъ прекраснаго и получилъ худаго. Я възвѣщу признаки праведныхъ, дары исцѣленій, правоту дѣлъ — „отверзите мнѣ врата правды: вшедь въ ня, исповѣмся Господеви“.

19) Тогда привратники, узнавъ непорочный голосъ Владыки, со страхомъ вопіяли для поклоненія:

20) мы не узнали Тебя, Владыко, нисходящимъ; поклоняемся Тебѣ, восходящему.

21) Потомъ онъ и слѣдующіе за Нимъ проходятъ безпрекословно. Но они препятствовали входившимъ позади:

Кирилль.

се, рабій нося образъ, възсходить.

Они же рѣша: не будемъ покориви, аще не услышимъ слова Божіа.

Тогда възгласи Христосъ:

„отверзѣте мнѣ врата правды“ (Пс. 117, 6) и, вшедь въ ня, възвѣщу Отцу моему, яже на земли сдѣвахъ и пострадахъ.

И познавше гласъ Господень, вся силы небесныя падше поклонишася, глаголюще:

аще не видѣхомъ, Владыко, Тебе сходяща, се поклоняемся възсходящу въ славу.

„сія врата Господня: праведни внидуть въ ня“; но никакъ не неправедные; здѣсь же прелюбодѣи и мытари и хищники.

Почему же это происходитъ вопреки Твоей святой волѣ? Эти врата Ты Самъ утвердилъ, Ты поставилъ насъ привратниками, Ты объявилъ намъ законъ, что „сія врата Господня: праведни внидуть въ ня“. Не о Тебѣ ли сказано, что

22) „повелѣніе положи, и не мимо иди“ (Пс. CXLVIII, 6)

См. отр. 4 и 5.

Представленный анализъ текста съ очевидностью показываетъ, что Кирилль цѣликомъ заимствовалъ картину Златоуста, сохраняя самую тѣсную близость къ ея буквѣ. Самый характерный образецъ этой близости представляетъ отр. 4—5. У Кирилла здѣсь читается: „намъ бо положи Богъ, яже не мимоидуть“. Выраженіе довольно странное. Что такое: „яже не мимоидуть? Посмотрите въ текстъ „Златоуста“, и вы поймете, въ чемъ дѣло. Тамъ приводится цитата изъ псалма: „повелѣніе положи, и не мимоидеть“—Господь положилъ повелѣніе, чтобы никто (изъ грѣшниковъ) ни могъ проходить мимо. Выраженіе „и не мимоидуть“ представляетъ цитату изъ словъ повелѣнія Господняго, подлинныя слова Господни, а такія выраженія въ косвенной рѣчи на славянскомъ языкѣ передаются соотвѣтственно греческому съ членомъ средняго рода: еже—*то*. Слѣдовательно, вся фраза должна читаться: „намъ бо положи Богъ, (подразумѣвается пропущенное слово: повелѣніе) еже не мимоидуть“—намъ положилъ, Богъ повелѣніе: имъ не должно проходить мимо, т. е. ихъ не должно пропускать.—Самую картину Кирилль сокращаетъ, опуская моментъ вторичнаго упорства привратниковъ, нежелавшихъ пропустить грѣшниковъ, слѣдовавшихъ за Христомъ. Однако выраженія ангельскаго недоумѣнія этого момента сохранены, будучи отнесены къ моменту перваго упорства (отр. 22 Злат.—4 и 5 Кирилла; отр. 15 и 22 Злат.—3 Кирилла).

Такимъ образомъ, и по основной идеѣ, и по содержанію основныхъ частей картины и по способу выраженія и даже по буквѣ слово Кирилла на Вознесеніе есть компиляція, произведеніе, мозаически составленное по разнымъ источникамъ. Очевидно, что обычное мнѣніе объ этомъ словѣ, какъ о самостоятельномъ составленномъ творческимъ гениемъ русскаго проповѣдника XII вѣка, лишь подъ общимъ вліяніемъ византійскаго аллегоризма „изъ псалмовъ и дѣяній, изъ повѣствованія пророка Захаріи, евангелиста Маттея, ап. Павла“—мнѣніе, принадлежащее Сухомлинову ¹⁾, есть ошибочное. Не тексты свящ. Писанія внушили Кириллу его картину, а наоборотъ, въ чужую, уже готовую картину внесъ Кирилль цѣлыя ряды текстовъ. Не самъ создалъ Кирилль эту мастерскую картину, а чужую передѣлалъ, воспользовавшись мыслями и подлинными выраженіями изъ другихъ, чужихъ же источниковъ. И уже ни въ какомъ смыслѣ о словѣ Кирилла нельзя сказать, чтобы оно было „совершенно самостоятельно“, какъ склоненъ думать проф. Пономаревъ ²⁾.

Заключеніе слова Кирилла представляетъ перечисленіе даровъ Вознесенія для каждаго христіанскаго положенія—„апостоловъ, пророковъ, мучениковъ, страсотерпцевъ, святителей, князей, церковниковъ, іереевъ и діаконовъ, игуменовъ, монаховъ, всѣхъ крестіанъ“—и призывъ прославить Бога за Его дары. Заключеніе это замѣчательно, какъ новое проявленіе характерныхъ приемовъ Кирилла: во первыхъ, перечислять отдѣльные классы христіанскаго общества (какъ раньше въ словѣ на нед. Мироносицъ въ ублаженіи Іосифа и молитвѣ къ нему) и во вторыхъ—подчеркивать іерархическій моментъ церковной жизни.

Рядъ общепризнанныхъ воскресныхъ поученій Кирилла Туровскаго заканчивается *словомъ на недѣлю святыхъ отецъ*—„Якоже историци и вѣтїа“.

Слово это отличается тою особенностью, что имѣетъ своимъ предметомъ не евангельское повѣствованіе, какъ въ предыдущія, а историческое событіе—обстоятельства 1-го вселенскаго собора на Арїа. Оно начинается вступленіемъ, въ

¹⁾ Сухомлиновъ. О сочиненіяхъ Кирилла Туровскаго, стр. 315—316.

²⁾ Памятники, стр. 194.

которомъ Кирилль сравниваетъ отцевъ собора, какъ духовныхъ воиновъ Христовыхъ, съ побѣдосными военачальниками земныхъ войнъ, а ихъ побѣду надъ еретиками—съ древней побѣдой Авраама. Основная часть слова занята драматическимъ изображеніемъ соборныхъ преній и сопровождавшихъ ихъ историческихъ обстоятельствъ. Затѣмъ идетъ отдѣлъ, посвященный восхваленію отцевъ, бывшихъ на соборѣ, въ формѣ обращеній: „о богоблаженніи отци.. о богоблаженніи святители“. Слово заканчивается молитвою къ восхваляемымъ отцамъ принять приносимое имъ „похваленіе“.

Проф. Пономаревъ отмѣтилъ, что ближайшимъ источникомъ свѣдѣній о Никейскомъ соборѣ для Кирилла Туровскаго послужило небольшое повѣствованіе, помѣщавшееся въ Торжественникахъ и Златоустахъ, какъ особое поученіе на 6 недѣлю по Пасхѣ, подъ заглавіемъ „Слово о соборѣ святыхъ отецъ 318, шедшихся въ Никіи проклинати Арія еретика“¹⁾. Проф. Пономаревъ справедливо отмѣтилъ фактъ зависимости слова Кирилла отъ указаннаго другого, неизвѣстнаго автора. Но онъ чрезвычайно не точно опредѣлилъ содержаніе этого факта. Онъ утверждаетъ, что второе слово было для Кирилла лишь источникомъ историческихъ свѣдѣній о 1 соборѣ. На самомъ дѣлѣ детальный анализъ этого анонимнаго слова показываетъ, что оно служитъ для Кирилла не только источникомъ историческихъ свѣдѣній, но матеріальною канвою, по которой древне-русскій витія прядетъ ткань своего слова. Кирилль беретъ одно за другимъ подлинныя или почти подлинныя выраженія анонимнаго слова и нанизываетъ къ каждому изъ нихъ свой комментарий. Въ свою очередь анонимное поученіе есть сокращенное изложеніе греческаго источника. Проф. Терновскій²⁾, перечисляя византійскіе источники, откуда древняя Русь получила свѣдѣнія о событіяхъ Византійской исторіи, для исторіи 1 всел. собора указываетъ въ качествѣ источника извѣстіе, помѣщенное въ греческомъ часословѣ „*Ῥρολόγιον τὸ μέγα*“ подъ 29 мая. Но, касаясь славянскихъ сказаній объ этомъ соборѣ, онъ заявляетъ: „въ русскихъ про-

¹⁾ Памятники, стр. 195.

²⁾ Изученіе Византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси. Кіевъ 1875 г. стр. 178—9.

логахъ и минеяхъ свѣдѣнія о 1 всел. соборѣ приведены по болѣе обширной редакціи; при этомъ въ качествѣ представительницы славянской редакціи проф. Терновскій указываетъ слово Кирилла на недѣлю св. отецъ. Невозможно понять, что хочетъ сказать проф. Иконниковъ: то ли, что повѣствованіе прологовъ и миней заимствовано изъ слова Кирилла¹⁾, или же въ прологахъ и минеяхъ онъ встрѣчалъ самое слово Кирилла,—или же, наконецъ то, что какъ повѣствованіе прологовъ, такъ и слово Кирилла имѣютъ въ своей основѣ болѣе обширную редакцію; во всякомъ случаѣ почтенный изслѣдователь самъ же признаетъ, что славянская редакція сказанія обширнѣе сказанія греч. часослова, и, слѣдовательно, не могла имѣть своимъ источникомъ одинъ текстъ, извѣстный по греческому *Ῥρολόγιον*-у. Значитъ, славянская редакція имѣла еще свой, дополнительный источникъ. Намъ удалось установить этотъ дополнительный, хотя и не прямой, источникъ. Это было повѣствованіе, вошедшее въ хронику Георгія Амартола. Оба нашихъ поученія—анонимное и Кириллово воспроизводятъ, съ нѣкоторыми отклоненіями, текстъ главы CLXXXI и отчасти CLXXXIII „*Χρονικὸν σύντομον ἐκ διαφόρων χρονογράφων... ὑπὸ Γεωργίου Ἀμαρτόλου μονάχου.*“²⁾ При этомъ анонимное поученіе гораздо ближе къ тексту Амартола, а Кириллово согласуется съ анонимнымъ часто даже и тамъ, гдѣ анонимное отступаетъ отъ текста Амартола.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ мы аналитически доказываемъ наше положеніе. Греческій текстъ Амартола приводимъ по изданію Муральта; параллельно ему ставимъ древнеславянскій переводъ по болгарской рукописи Московской Дух. Академіи XIII в.³⁾ Текстъ *Ῥρολόγιον*-а даемъ по изданію „*Ῥρολόγιον μέγα, διορθώθεν... ὑπὸ Βαρθολομαίου Κουτλουμοσιάνου...*“ *Ἐκδοσις ὀρθον ἐν Βενετία* 1875 г. (стр. 367—368).

¹⁾ Въ Печатномъ Прологѣ подъ 29 мая находится чрезвычайно краткое сказаніе, имѣющее слишкомъ мало общаго съ словомъ Кирилла.

²⁾ Ed. E. de Muralto. Petropoli. Tipis Academiae Caesareae Scientiarum MDCCCLIX p. 401—408; 413—414.

³⁾ № 100 л. 211—214.

Ὁρολόγιον τὸ μεγα

Χρονικὸν...
ὑπὸ Ἀμαρτό-
λου

Рук. № 100
Моск. Дух.
Акад.

1. Ἄρειος... πρωτοπρεσβύτερος
δε τῆς τῶν Ἀλεξανδρέων Ἐκκλη-
σίας,
2.

3.

4.

5.

6.

7. ἤρξατο... βλασφημεῖν εἰς
τὸν Υἱὸν καὶ Λόγον τοῦ Θεοῦ
(Сравн. далѣе: *Ἡ φρικτὴ αὐτῆ
βλασφημία ἐτάραξε τῆς Ἀλεξαν-
δρείας τοὺς πιστοὺς.*)

8. (Сравн. отр. 19.)

9. καὶ λέγειν,

10.

11. ὅτι οὐκ ἔστι Θεὸς ἀληθινός

12.

13.

14. ὁμοούσιος τῷ Πατρὶ ..

15.

16. Καὶ ὁ τότε Ἀρχιεπίσκοπος
αὐτῆς Ἀλέξανδρος...

17.

18. ἀφόρισεν αὐτόν...

19. Ἀλλ' ὁ βλάσφημος οὐδὲ
οὕτους ἠβουλήθη σωφρονισθῆναι,
οὐδὲ ἐπαύετο σπειρώων τῶν αἰρε-
τικῶν αὐτοῦ δογμάτων τὰ θανα-
τηφόρα ζιζάνια.

20.

21.

Поуч. „Днесъ, вѣрнии, па-
мать“...

Кирилль Туровскій „Яко-
же историци“...

Бѣ во Александріи Египет-
стѣй презвитерь великія цер-
кве, именемъ Аріи,

Сей Аріи поць бѣше але-
ксандрійскія церкве,

паче же рещи, съсудь бѣ
сатанинь, и волкъ, овчею по-
кровець кожею.

хитрь сый книгамъ вельми,
емуже Петрь архіепископъ
поручилъ бѣ учти люди въ
церкви.

Сему бо бѣ поручено вѣрѣ
Христовѣ научити люди,

Не по мнозѣ же времени нача
Аріи злая вѣщати,

но понеже не бѣ дѣлатель
винограда Христова,

нача злое сѣмя сѣати,

глаголя:

вся тварь Сынъ Божій есть;

по немъ же тръніе и волчець
прозябаше: хульникъ бо бѣ,
а не благовѣстникъ,
и глаголаше
окаанный:

Христа же Иисуса глаголаше
не единосуцна Богу Отцу,
ни равна Св. Духу.
Се же увѣдѣвъ, архіепископъ

нѣсть Христось Сынъ Бо-
жій, но вся тварь чяда суть
Божія и сыномъ Божиимъ
нарицается тварь.
(См. отр. 50).

повелѣ Аріа изъяти изъ
церкве.

Онъ же нача соборы дѣяти,

(См. отр. 51).
Сѣ увѣдавъ, архіепископъ

Петрь
изрину его изъ церкве.

Аріи же бѣ съвокупля
свое съборище,

уча своей ереси многи.

и своей ереси учяше народы,
Богу попустившу таковому
искусу отъ діавола на святую
церковь пріити.

Χρονολόγιον τὸ μεγα

Χρονικόν...
ὑπὸ Ἀμαρτό
λου.

Рук. № 100
Моск. Дух.
Акад.

22.

23. Καὶ τῆς αἰρέσεως ταύτης
ἢ πλάνη ἐφαπλουμένη πολλαχοῦ
καὶ καθ' ἐκάστην αὐξονομένη ἐπα-
ράττε δεινῶς τὴν τοῦ Χριστοῦ
Ἐκκλησίαν...

24.

25. Ὁ πρῶτος τῶν χριστιανῶν
βασιλεὺς Κωνσταντῖνος.....

Ὁρῶν ὁ μέγας
οὗτος βασιλεὺς
(Κωνσταντῖνος)
τὴν ἐκκλησίαν
ὑπὸ Ἀρείου τα-
ραττομένην,

Л. 211. об. Видя
бо велий съ
царь Костян-
тинъ Церковь
Аръемъ възму-
щену,

26.

27.

σύνοδον οἰκου-
μενικὴν συνε-
κρότησε. Καὶ
τοὺς μὲν ἐπισκό-
πους πανταχό-
θεν δημοσίοις
ἵπποις καὶ ἡμιό-
νοις εἰς τὴν ἔλε-
σιν τῆς συνόδου
χρησασθαι ἐκέ-
λευθεν...

сборъ отъ
вселенныя со-
бра, ибо епис-
копѣмъ на людѣ-
скихъ конихъ
и на мьскахъ
прити на со-
боръ...

28.

29.

30.

31.

32.

Съшедьшимъ
же ся всѣмъ

Ποуч. „Днесъ, вѣрнии, па-
мять“...

Кирилль Туровскій „Яко-
же историцы“...

Се бо сему на долзѣ бывшю
времени и распротраняшесе
душегубная та ересь, и дои-
де то учение до Антиохіа и
Византіа, рекше до Царя-
града,

и мнози оставляющи Хри-
стоу вѣру, і пристапа ереси
его.

Видѣвъ же царь церковь
возмущену Ариемъ,

Богоизбранный и благоче-
стивый царь Константинъ, ви-
дѣвъ церковь Ариемъ възмя-
тену,

повелѣ созвати всея все-
ленныя епископы.

и велми опечалися о томъ
и повелѣ въскорѣ отъ всеа,
вселенныя събрати епископы

и пріити всѣмъ
въ Никею.

Помяну бо блаженный царь
пророчское слово: „събѣрете
ему преподобныя Его, да ся
прославить Богъ въ совѣте
святыхъ его“ (Пс. 99, 5 и 88,8).

И скоро съвокупишася свя-
тии наши отци, по суху же
и по морю не трудно путь
шествующе, яко корабли пол-
ны духовнаго богатства, или
яко орли, апостольскимъ вс-
крилишася учениемъ, легци су-

И скоро снисдошася въ Никію.

Χρονικὸν... ὑπὸ Ἀμαρτόλου.

Рук. № 100 Моск. Дух. Акад.

33... οἶκον μέγιστον ἐν τοῖς βασιλείοις ἐκέλευσεν εὐτρεπισιδῆναι καὶ θρόνους ἐναὐτῷ τεθῆναι...

домъ велии въ царевахъ палатахъ повелѣ устроити и престолы поставити въ немъ...

34. Τῇ δε ἐπαύριον οἱ ἐπισκοποι καὶ ὁ βασιλεὺς εἰς ἓνα τόπον συνέλθοντες

Л. 212. На утрия же епископи вси и царь, на единомѣсто съшедъшеся,

35. καλοῦσι τὸν Ἄρειον σὺν τοῖς ὁμόφροσιν αὐτοῦ εἰς τὴν ἀνάδοχον,

призваша Арья и купно мыслящимъ съ нимъ на сборъ,

36.

37.

38.

39.

40.

41.

42. ἐπιτρέποντες αὐτῷ

(См. стр. 61—и 66)

повелѣюще ему

Поуч. „Днесъ, вѣрнии, память“...

Кирилль Туровскій „Якоже историцы“...

ще тѣломъ (легцы супостатницы бѣша, и смиреннїи духомъ) постници бо бяху, утвержени Духомъ Христовымъ.

идѣже и Аріѳ приведенъ бысть со единомысленники своими.

Приведенъ же бысть и Аріѳ съ единомысленики своими,

И снисдошася, отвсюду епископы триста и осьмнадцать

и вси внидоша

и сѣдоша со царемъ.

въ домъ, на то устроеныи.

Приведоша же Арія и его други на соборъ,

Цареви же сѣдшю на престолѣ и старейшины святитель Христовыхъ одесную его на престолѣхъ посажены быша.

Аріѳ же съ своими пособники противу шедъ ста, крѣпко въоружся на Святую Троицю, и нача яко стрѣлы пущати богохульная словеса своа, яко левъ злохитриемъ рыкая неукротимо, „ему же клятвы уста его полна суть... (Пс. IX, 98; 108, 17) остави небеса и позвавшаго на ня Христа, и обратися въ прелстившимъ его змиемъ, имъ же тогда, акы самъ диаволь, неподобная глаголаше. Великъ бо бѣ воевода сатанинъ Аріѳ, но царь его уже бѣ связанъ; тѣмъ и воинство его не твердо боряшеся.

(См. отр. 61 и 66)

Бяху бо философи и книжници горазди, по Аріѳ похуляюще (вар: власфимисающе) хулу отрыгающе).

и повелѣ царь Константинъ первѣ Арію

Повелѣ же царь Аріѳи преже

Χρονικὸν... ὑπὸ Ἀμαρτόλου.

- 44. τοῖς οἰκείοις δόγμασιν
- 43. σοσῆραι.
- 45. Ἦν δὲ
- 47. τοῦ ἀσεβοῦς καὶ τρισκατα-
ράτου
- 46. τὰ δόγματα τοιαῦτα...
- 48.
- 49. „Οὐκ ἀεὶ δὲ ἦν τοῦ θεοῦ λόγος,
- 50.
- 51.
- 52.
- 53.
- 55. ἀλλ' ἐξ οὐκ ὄντων γέγονεν...
- 56. οὔτε ἡμοῖς ἐστὶν ὁ υἱὸς
κατ' οὐσίαν τῷ Πατρὶ,
- 57. οὔτε ὁ ἄληθινὸς καὶ
φύσει τοῦ Πατρὸς λόγος ἐστὶν...
- 58. καὶ ἀόρατός ἐστιν ὁ πα-
τήρ τῷ υἱῷ...
- 59.
- 54. κτίσμα γὰρ ἐστὶ καὶ ποιήμα
ὁ υἱὸς ..
- 60. (см. отр. 58).
- 61. ...πρὸς γὰρ τὸ παράδοξον τοῦ
βασιλικοῦ διατάγματος καὶ φιλό-
σοφοι καὶ ῥήτορες ἐν τῇ συνόδῳ
παρήσαν διαλεκτικῆς ἐμπειρότατοι.
- 62. ἐν οἷς ὑπῆρχέ τις
- 63.
- 64. Ἑλλήν
- 65. καὶ αὐτὸς παρὰ πάντων
θαυμαζόμενος,
- 66. καὶ τοῖς ἐπισκόποις ὑπερ
Ἀρείου πάνπολλα διαπληκτιζόμε-
τος,
- 67. ὥστε μεγάλην ἀκρόασιν ἐκ
τῆς συμβολῆς γενέσθαι, πλήθους
ἐπισυντρέχοντος. Οὐδὲ γὰρ οἱ-
οῖτε ἦσαν οἱ ἐπίσκοποι τὸν φιλό-
σοφόν τε καὶ ῥήτορα περιτρέψαι
τέως διαλεγόμενον, ὅτι πᾶσι τοῖς
ἐπαγομένοις ὅσα προσεφέρετο

Рук. № 100 Моск. Дух. Акад.

съ своими преданіи
статі.
Бяху же преданія
нечестиваго и треклятаго

тако...

не присно бысть Божіе Слово

но отъ небытѣя бысть...

не подобенъ же есть Сынъ
по существѣ Отцу,
ни истиненъ же естъствомъ
Отче Слово естъ...
не видимъ естъ Отець Сынови...

Созданіе бо и тварь Сынъ...

Къ преславному царьскому
повелѣнію и философи и ри-
тори на сборъ придоша, сло-
весницы зѣло горазди.
Въ нихъ бяше нѣкто

Елинь,
и той всѣмъ дивенъ бысть.

и епископомъ по Арьи мно-
гогнѣванъ дая,

яко велико послушанье отъ
поученія быти множество лю-
дей стекающеса. Ни единъ
ихъ отъ епископъ и премудра
же ритора преложити тогда
глаголюще, яко всѣмъ стека
ющемъся угодына бяху разрѣ-

Поуч. „Днесъ, вѣрнии, па-
мать“...

глаголати.
и рече
Арій:

не искони слово Божіе бысть,
(См. отр. 14)
(См. отр. 15)

ни тѣмъ видимая быша,

[Вар. № 1265 Соф. библ. Петр.
Дух. Акад. вмѣсто 53 отр.:
но отъ небытїя бысть],

ни подобенъ естъ Сынъ Отцу

ни истиненъ естъствомъ бысть,

(См. отр. 60)

но тварь и созданіе все
Богу Сынъ наречетъся,

а Отець невидимъ естъ
Сынови.

Бяху же со Ариемъ и фи-
лософи мнози,

въ нихъ же единъ
Теодоръ,

зѣло хитръ разрѣшая Ари-
емъ глаголемая,

и на епископы крѣпко по
Арии противляшеса

Кирилль Туровскій „Яко-
же историцы“...

своа ученіа
глаголати, ими же лъстяше ¹⁾
миръ, къ своей обраща пагубѣ.
И нача
окаянный

сице догматисати:
что ся вамъ мнить о Христѣ,
яко не искони естъ съ Богомъ
ни единосущенъ Богу и Отцю
ни равенъ Св. Духу существомъ,
ниже естъ Слово Божіе въ
единствѣ, ни тѣмъ видимая
сътвореная бысть тварь;

ни видимъ ¹⁾ естъ Отець Сынови,

ни въплотися Богъ въ чело-
вѣчство, но вся тварь небес-
ная и земная Сынъ Божій
наречетъся...
(см. отр. 57).

наченшю бо ему... глаголати
къ философомъ, (еп. Спири-
дону) иже по Арии пряхуся
(Памятники, стр. 171)...

¹⁾ Эти слова имѣются и въ краткой редакціи разсматриваемаго аноним-
наго поученія, въ сб. Рум. Музея № 406 л. 242 об. Ср. у насъ ниже
стр. 392—3 прим.

²⁾ Сопоставленіе съ текстомъ Амартолы и поуч. „Днесъ вѣрнии“ без-
спорно устанавливаетъ, что даваемое въ изданіи Пономарева чтеніе—
„видимъ“ вмѣсто“ „не видимъ“ естъ результатъ искаженія текста.

Χρονικὸν... ὑπὸ Ἀμαρτόλου.

ἐπιλύων εὐφρῶς τὰ προτενωμένα
καὶ δίκην ἐγγέλους ἀκατάσχετος
εὐρισκόμενος (καὶ μηδενὶ λόγῳ
κρατούμενος) ἐν οἷς γὰρ ἐδόκει
συνέχεσθαι, διολισθαίων ἐπικρατέ-
στερος ἀνεφαίνετο τῇ τῶν νο-
ημάτων δεινότητι καὶ ὁημάτων
εὐγλωττία τε καὶ στωικιλία.

- 68. Ἄλλ' ἵνα δείξῃ ὁ θεός, ὅτι
- 69. οὐκ ἐν λόγοις
- 70. ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν,
- 71. ἀλλ' ἐν δυνάμει,
- 72.
- 73.

74. ἄνθρωπος τις ἐκ τῶν
ἁγίων (Κύπριος μὲν τῶ γένει... ἐπι-
σχοπος) ὀνόματι Σπυριδίων,

- 75. ἀπλούστατος δὲ τὴν φύσει
- 76. καὶ ιδιώτης
- 77. τὸν λόγον (σφόδρα),
- 78. αἰτεῖται χώραν
- 79. αὐτῷ διαλέξεως ἐπιδοθῆναι
πρὸς τὸν φιλόσοφον.

80. Οἱ δὲ πατέρες τὸ ἀπλοῦν
τε καὶ ιδιωτικὸν τοῦ ἀνδρός εἰδόν-
τες

- 81. ἐκόλων αὐτὸν (μήποτε
- 82. παρὰ τοῖς μοχθηροῖς
- 83. καταγελασθῶσι).
- 84. Τοῦ δὲ μὴ ἀνεχομένου,
- 85. πρόσεισι
- 86. τῶ ἀνδρὶ καὶ φησὶν
- 87. „Ἐν ὀνόματι Ἰησοῦ Χριστοῦ

- ἀκουσον,
- 88. ὦ φιλόσοφε,
- 89. τὰ τῆς ἀληθείας δόγματα“.
- 90. Ὁ δὲ πρὸς αὐτὸν ἔφη: „Ὁ
- ἐὰν εἴπῃς ἀκούω“.

- 91. Κακείνος εἶπε: Γίνωσκε ὅτι
- 92. θεός εἰς ἐστίν
- 93. ὁ τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν
- 94.
- 95. δημιουργήσας

Рук. № 100. Моск. Дух. Акад.

шаху хытро глаголемая. Яко
угоря не можеть никто же яти,
такo и того философа, ни еди-
немъ словомъ держимъ, им-
же мняше яту быти, и съ
трепетомъ крѣпщѣ противля-
шеся о разумнѣи высотѣ и гла-
гола языкъ рѣчиствъ.

Но да покажетъ Богъ, яко
не словомъ
царьствие небесное бысть,
но силою,

человѣкъ нѣкый копріянинъ
отъ святыхъ... Спиридонъ,

простъ же родомъ,
не книжникъ
словомъ, зѣло
прошаше времеңе,
да дадять ему глаголати съ
философу.

Отци же (л. 213), вѣдуще
простство его, яко не книжну
ему суцу,

браняху ему, да
не отъ грѣшникъ
поруганъ будетъ.

Оному же не послушающу ихъ,
приде
къ мужеву и рече:

во имя Исуса Христа послушай,

о философе,
и о истинѣ преданья.

Онъ же къ нему отвѣща:
аще речеши, да послушаю.
Святый рече: вѣдый буди, яко
Богъ единъ есть,
яко небо и землю

створи

Поуч. „Днесъ, вѣрни, па-
мять“...

бѣ бо языкомъ рѣчиствъ.

Прояви же Господь Богъ,
яко не силою есть
пріяти кому царствіе небесное,
но правду
дадй пріиметь е;
сотворижеся тогда въ со-
борѣ чудо.

Епископъ бѣ Тримифійскій,
Спиридонъ именовъ,

не книжникъ сый,
не рѣчиствъ,
дерзаше,
хотя претися съ философомъ.

Епископы же, вѣдуще его
не книжна,

браняху ему, да

не будетъ посрамленъ
Онъ же не послуша ихъ, но

съ радостію рече къ философу:
во имя Исуса Христа, послу-
шай сего,
еретиче.

Богъ бо единъ есть,
иже небо и землю
мудрѣ
сотвори

Кирилль Туровскій „Яко-
же историцы“...

Въ нихъ же бѣ и богобла-
женный Спиридонъ, имъ же
сътвори Богъ чудовъ соборѣ...

(См. выше).

Χρονικὸν... ὑπὸ Ἀμαρτόλου.

96. ὁ καὶ (τὸν) ἄνθρωπον ἐκ γῆς διαπλάσας

97.

98. καὶ τὰ ὄρατὰ πάντα καὶ ἀόρατα

99. τῷ λόγῳ αὐτοῦ καὶ τῷ πνεύματι συστηράμενος.

100.

101.

102. Τοῦτον (οὖν) τὸν λόγον ἡμεῖς υἱὸν θεοῦ εἰδότες

103. προσκυνοῦμεν, πιστεύοντες (вар: προσκεινοῦντες πιστεύομεν)

104. διὰ τὴν ἡμετέραν σωτηρίαν ἐκ' ἐσχάτων ἐκ τῆς παρθένου τεχθῆναι καὶ διὰ σιανοῦ καὶ θανάτου καὶ ἀναστάσεως (αὐτοῦ) ἐλευθερωκένοι τὸ γένος τῶν ἀνθρώπων, ὃν καὶ ἐλπίζομεν ἐλθόντα κρίναι

105. πάντας ἐν δικαιοσύνῃ.

106. Πιστεύεις τοῦτο, φιλόσοφε;

107. Ὁ δὲ ὡς ἂν τις πείραν λόγων μηδέποτε ἔχων τὴν ἀντίθεσιν,

108. ἀπηρεώθη

109. καὶ ὡς κωφὸς καὶ ἄλαλος

110. ἀποσιωπήσας,

111. τοῦτο μόνον ἐφθέγγετο. ὅτι

112. ταῦτα καὶ μοι οὕτως ἔχειν δοκεῖ.

113. Καὶ ὁ γέρον φησίν·

114.

115. Οὐκοῦν ἀναστάς ἀκολούθει μοι πρὸς τὴν ἐκκλησίαν καὶ λήψη τὸ σημεῖον (τῆς πίστεως) ταύτης.

116. Ὁ δὲ φιλόσοφος

117. ἐπιστραφεὶς λέγει τοῖς μαθηταῖς αὐτοῦ· Ἀκούσατε μου, ὦ ἄνδρες· ἕως ἕτε λόγων ἐποιησάμην σπουδῆρ,

Рук. № 100. Моск. Дух. Акад.

и человекъ созда

и видимая вся и невидимая

словомъ и духомъ състави.

Сего убо Слова Сына Божія вѣдуще, покланяющеся вѣруемъ

нашего ради спасенья на- послѣдокъ отъ дѣвы родитися и распятиемъ и смертию и въскресениемъ ему свободити родъ человекъ, его-же на- дѣемъся пришедъша судити живымъ и мертвымъ

всѣмъ правдою.

Вѣру сему имѣши ли, о философе?

овъ же яко нѣкоторый не разумѣвающъ словеса никогда же имѣя на противленье,

ужасеся,

яко глухъ и нѣмъ,

умолкну,

и се едино извѣща, яко

азъ мнѹ тако есть.

И отвѣща старецъ:

въставъ убо послѣдствуй ми къ церкви и приимеши зна- менье вѣры сея.

Философъ же, обративъся, глагола къ учени- комъ своимъ: послушайте, о мужи, доселѣ створяхъ сло- во съ тщаниемъ,

Поуч. „Днесъ, вѣрніи, па- мять“...

и человекъ созда,

и всю тварь (см. отр. 100)

состави Словомъ и Духомъ,

видимую же и невидимую, и вся, иже въ нихъ;

Сего же и мы Слова Сына Божія вѣдуще

въ послѣдняя дни нашего ради спасенія отъ дѣвы ро- ждѣшагося и распятиемъ и смертію и воскресеніемъ сво- бодившаго родъ человекъ, его же чаемъ хотяща пріити су- дити живымъ и мертвымъ.

Вѣруеши ли симъ, философе.

И вси иже со Аріемъ ужасошася

и умолкоша.

Се токмо Теодоръ философъ рече:

и азъ, отче, вѣрую тако.

Святый же глагола: аще хочещи душу свою спа- сти, то иди по мнѣ въ цер- ковь, да приимеши знаменіе вѣры Христовой.

Теодоръ же, обратився, глагола ко учени- комъ своимъ: слышите убо, се доселѣ по Аріи крѣпко пряхся,

Кирилль Туровскій „Яко- же историцы“...

[Его же въчеловѣченія про- зряще, святіи ти мужи вси велегласно вопіють: о благо- вѣщеніи посланнаго къ дѣвѣ архангела, и о зачатіи отъ Св. Духа... и за весь міръ умрътвіи... и о въскресеніи отъ мертвыхъ... и о вторѣмъ его пришествіи, егда пріидеть судити миру и въздати ко- муждо противу дѣломъ его] (Памятники, стр. 170, 171).

Χρονικόν... ὑπὸ Ἀμαρτόλου.

Рук. № 100. Моск. Дух. Акад.

118. λόγους λόγοις ἀντετίθουν...

слова къ словесемъ при-
кладахъ...

119. Ὅτε δὲ ἀντὶ λόγων

егда же противу слову
слышахъ,

120. δύναμις τις ἐξῆλθεν ἐκ
τοῦ στόματος τοῦδὲ τοῦ γέροντος,

сила нѣкая изиде изъ усть
старца сего,

121. οὐκ ἴσχυσαν οἱ λόγοι τῆν
δύναμιν ἀντιτάξασθαι

не възмогша слова моя
силѣ противитися,

122. οὐδὲ γὰρ οἶός τε ἐστὶν
ἄνθρωπος ἀντιστῆναι θεῷ. Διὰ

ни который есть человекъ
Богу противится. Сего ради

τι τοῦτο, εἴτις ὑμῶν δυνάται
συνιέναι ὡς κἀγὼ ἐνόηκα, πιστεῦ-

аще кто отъ васъ можетъ ра-
зумѣти, яко и азъ разумѣхъ,

σει εἰς τὸν Χριστὸν καὶ ἀκολου-

да вѣруеть въ Христа и да

θεῶν δὲν ἐμοὶ τῶ γέροντι τοῦτω,
(ἐν) ᾧ ἐλάλησεν ὁ θεός·

послѣдствуетъ со мною старцю
сему, в нем же глагола
Богъ.

123.

124. Τοῦτο οὖν τῶ τρόπῳ γε-
νόμενος ο φιλόσοφος χριστιανός,

Таковымъ нравомъ бысть
христiанинъ философъ,

125. ἔχαιρεν ἠττηθεὶς ὑπὸ τοῦ
γέροντος.

радъ бяше побѣжденъ стар-
цемъ...

126.

127.

128. ...παρεκτός Ἀρείου τοῦ
ἀσεβοῦς

кромѣ Арія нечтиваго

129.

130.

131.

(См. отр. 134)

132. καὶ ἄλλων ἐξ ὁμοφρόνων
αὐτῶ,

и инѣхъ, купно смыслящихъ
съ нимъ,

133. οὗς ἀναθεμίσαντες οἱ θεῖοι
πατέρες οἱ τῆ,

ихъ же прокленъше бже-
ствънии отци 318

134. ὁ βασιλεὺς ἐξώρισεν.

и царь оземьствова ихъ...

Глава CLXXXIII.

135. Ἡ δὲ ἀ σύνοδος γέγονεν ἐν
Νικαίᾳ τῇ μητροπόλει συνελθόντων

Л. 214 Первый же сборъ
бысть в Никии, сошедъ-
шимъся тремъ стомъ и 18
святыхъ отецъ. царь.

Ποуч. „Днесъ, вѣрнии, па-
мать“...

Кирилль Туровскій „Яко-
же историцы“...

а егда нача ми старецъ сей

глаголати, сила велія исхо-
ждаше изъ усть его,
и не могахъ противитися
силѣ Божіей.

Все иже въ соборѣ томъ
сущи видѣша огонь изъ усть
Спиридоновыхъ исходящъ,
егда глагола къ Θεодору

...видѣша огонь, изъ усть его
исходящъ,

И тако все быша христiяне,

и отвергшеися Арія, вѣрова-
ша въ Св. Троицю, и быша
христiяне Божією благодатию...

иже съ Θεодоромъ бывшии,

развѣ Арія христоборца,
его же святii отци
посрамивше, извергоша
и изъ собора и отъ области
изгнаша и утвердиша право-
вѣріе, прокляша же Арія и его
ересь
и вся еретики.

О сихъ же всехъ препрѣша
и посрамиша (св. наши отци
окаанныя и проклятыя) ере-
тики, прокленше
богохулника Арія,

изринуша и изъ церкви
[и утвердиша церковь апо-
стольскими заповѣдми]

и сущая съ нимъ въ той же
окаяннѣй ереси...

(Смотр. отр. 136)

Бысть же первый сій съ-
боръ при Константинѣ свя-
тѣмъ цари, въ двадесатое лѣто

Χρονικόν... ὑπὸ Ἀματόλου

τῆ ἀγίων πατέρων, ἐτεῖ τῆς βασιλείας Κωνσταντίνου κ'. 136.

Рук. № 100. Моск. Дух. Акад.

ствующю великому Константину цесарю лѣтъ 20; (см. отр. 134).

137. *Таύτης ἡγοῦντο Σιλβέστρου τοῦ τῆς πρεσβυτέρας Ρώμης*

отъ Рима пришедъшема съ Силевестромъ

138.

139. *τοιοτηταὶ Βίτων καὶ Βικέντιος πρεσβύτεροι,*
140. *Μητροφάνης τοῦ Βυζαντίου,*
141.

земли хранитель Вить и Викентий прозвитера, Митрофану отъ Византія града

142. *Ἀλέξανδρος Ἀλεξανδρείας,*

Александру изъ Александрия,

143.

144. *Εὐστάθιος Ἀντιοχείας,*

Евстафью отъ Антиохія,

145.

146. *Μακάριος Ἱερουσαλῶνων,*

Макарью отъ Иерусалима

147.

148.

149.

150.

151.

152.

Поуч. „Днесъ, вѣрніи, па-
мать“...

Кирилль Туровскій „Яко-
же историцы“...

царства его, и той заточи Арія, хулившаго Христа, Сына Божіа „и възвратися болѣзнь его на главу его, и на верхъ ему неправда его сниде“. (Пс. VII, 17) Тому бо, рече Господь, не будетъ прощенья нивъ сій вѣкъ, ни въ будущій; но и здѣ проклинаемъ есть, и тамо горцѣ мучимъ есть... Съборъ же святыхъ отецъ тиі (318) радости исполнишася, и прославиша Бога и праздновати повелѣша честно.

Бяху же старѣйшины въ соборѣ святителемъ Силивестръ, папа римскій,

Бяху же старѣйшины събору тому мужи святіи и чудотворци: Силевестръ, папа римскій,

иже крещеніемъ Константина царя отъ проказы очисти и многа ина чудеса сътвори (см. отр. 148);

(см. отр. 145).

Митрофанъ, патриархъ Царя града, иже слѣщцу очи словомъ отверзе, и нѣмому молитвою глаголати сътвори;

и Александръ, патриархъ Александрійскій,

Александръ, архиепископъ александрскій, иже пророчьскимъ даромъ украшенъ;

Евстафій, архіепископъ отъ Антиохіи,

Евстафій отъ Антиохіа,

Митрофанъ отъ Византіи,
Макарій отъ Иерусалима,

Макарій отъ Иерусалима, патриархасуша и знаменоносца, Вить, и Викентій, (см. отр. 151)

Никола отъ Ликии,
Пафнотій отъ Египта,
(см. отр. 149).

и Пафнотій, и Николае, честніи митрополити и чудотворци, и ини мнози святіи епископи,

въ нихъ же бѣ и богоблаженный Спиридонъ, имъ же

Χρονικὸν ὑπὸ Ἀμαρτόλου.

Рук. № 100. Моск. Дух. Акад.

153.

(См. отр. 135)

154. κατὰ Ἀρείου πρεσβυτέρου γεγονότος Ἀλεξανδρείας, βλασφημοῦντος (δὲ) τὸν θεὸν λόγον κτίσμα καὶ ἑτεροῦσιον τοῦ πατρὸς (καὶ) ὅτε οὐκ ἦν ποτὲ, ὅτε οὐκ ἦν, δοξάζοντος. Ὁν καθελοῦσα ἀνεθεμάτισε σὺν τοῖς ὁμοήροισιν αὐτοῦ, τὸν δὲ υἱὸν ὁμοούσιον... ἐδογματίσε...

на Арья прозвитера бывша въ Александрии, хулящую же Бога Слова тварь есть и етеро сущьство Бога Отцю и яко бысть нѣкогда и егда не бысть славящую, его же сборъ свергъ прокляша и смыслящимъ с нимъ купно, Сына же единосущна... проповѣда

Анализъ текстовъ, данный въ таблицѣ, даетъ слѣдующія наблюденія. Отрывки 16, 18, 32, 35, 41, 42—47, 128, 132, 137, 140, 142, 144, 150, 151 Кириллова поученія суть буквальная или почти буквальная передача соотвѣтствующихъ отрывковъ анонимнаго поученія. Отрывки 2, 15, 8, 10, 24, 26, 31, 32 (вторая часть) 138, 141, 143, 147, 148, 152 суть логическіе и драматическіе привѣски къ этимъ заимствованнымъ отрывкамъ, представляющіе риторическія украшенія или разъясненія Кирилла. Отр. 40 есть передача смысла отр. 42—60, подробно излагающихъ рѣчь Арія. Кирилль вынесъ эту рѣчь изъ того положенія, которое она занимала у анонима и въ греческомъ источникѣ затѣмъ, чтобы связать ее съ тѣмъ опроверженіемъ, которое далѣе вкладываетъ въ уста отцовъ собора. А самое это опроверженіе, состоящее въ приведеніи цитатъ изъ Свящ. Писанія противъ представленныхъ въ отр. 42—60 положеній Арія, очевидно построена по образцу рѣчи философа Θεодора, приводимой у анонима: она заканчивается подобнымъ же образомъ, что и рѣчь Θεодора (см. отр. 104). Отсюда, повидимому, слѣдуетъ выводъ, что анонимное поученіе есть или сокращеніе или источникъ Кириллова слова. Но первое рѣшительно невозможно.

Поуч. „Днесъ, вѣрніи, память“...

Кирилль Туровскій „Якоже историцы“...

сътвори Богъ чудо въ соборѣ: наченшю бо ему глаголати къ философомъ (см. далѣе отр. 123—124).

(См. отр. 135).

Сей бысть первый соборъ въ Никеи, триста осьмнадцать св. Отець въ дванадцатое лѣто царства Константина.

Анонимное поученіе гораздо ближе къ греческому тексту, чѣмъ къ тексту Кириллова слова. Довольно сказать, что отр. 54, 55, 56 анонимнаго поученія, а въ особенности цѣлаго отдѣла 62—125 (за исключеніемъ нѣсколькихъ строкъ) во все нѣтъ въ Кирилловомъ поученіи, и потому они могли быть заимствованы только непосредственно изъ греческаго источника, въ то время какъ Кирилль при изложеніи этого же греческаго источника пользуется выраженіями анонима. Мало того, Кирилль слѣдуетъ анонимному поученію даже тамъ, гдѣ это поученіе отстываетъ отъ хроники. Такъ отрывки 51, 51 Кирилла тождественны отр. 14, 15 анонима, которыхъ нѣтъ у Амартола. Въ отрывкахъ 123—124 въ греч. источникѣ говорится объ обращеніи лишь одного философа, который видѣлъ силу, исходящую изъ устъ Спиридона, а Кирилль повторяетъ это мѣсто въ передѣлкѣ анонима, что въ христіанство обратились и другіе изъ бывшихъ на соборѣ сторонниковъ Арія, потому что имъ изъ устъ Спиридона былъ виденъ исходящій огонь. Очевидно, что Кирилль передавалъ содержаніе греческаго слова, пользуясь текстомъ, имѣющимся у анонима. Этимъ, повидимому, и рѣшается весь вопросъ объ отношеніи слова Кирилла къ анонимному слову:

Кирилль взялъ большую часть текста послѣдняго слова, распространилъ его, да дополнилъ предисловіемъ и заключительною частью, посвященною похвалѣ отцамъ—вотъ и все, что должно, повидимому, сказать о происхожденіи и составѣ Кириллова слова. Но въ дѣйствительности дѣло обстоитъ гораздо серьезнѣе. Приведенный анализъ текстовъ показываетъ, что Кирилль, несмотря на то, что пользовался анонимнымъ изложеніемъ греческаго источника, одновременно пользовался и самымъ этимъ источникомъ. Въ отр. 41 слова Кирилла по древнѣйшей редакціи сб. № 9 Тр.-Серг. Лавры вмѣсто слова „похуляюще“ стоитъ: „власфимисающе“. Какъ могъ попасть такой греческій вариантъ въ русское поученіе? Было бы совершенно немислимо предполагать, чтобы какой-либо русскій переписчикъ замѣнилъ славянское „похуляюще“ греческимъ словомъ. Несомнѣнно, что „власфимисающе“ есть болѣе первоначальное чтеніе даннаго мѣста. Какимъ же образомъ русскій авторъ могъ внести въ свое поученіе греческое слово? Не иначе, какъ взявъ его изъ имѣвшагося у него греческаго источника. Такимъ образомъ, уже здѣсь мы имѣемъ рѣшительнѣйшее доказательство, что Кирилль имѣлъ подъ руками греческій источникъ. Но какой? Вѣдь слова „власфимисати“ въ приводимомъ нами греч. источникѣ нѣтъ? Отвѣтъ на это даетъ другое греческое выраженіе Кирилла. Въ отрывкѣ 46 Кирилль вдругъ отступаетъ отъ текста анонима, которому въ данной тирадѣ слѣдуетъ, и неожиданно употребляетъ греческое выраженіе: нача окаянный „догматисати“. Откуда, зачѣмъ и почему явилось оно вдругъ у русскаго автора? Если заглянемъ въ соотвѣтствующій отрывокъ *Χρονικὸν Ἀμαρτόλου*, то увидимъ тамъ очень простую разгадку: въ греческомъ текстѣ стоитъ здѣсь „началь излагать „*δογματῆσαι*“, или что то же *δογματίζειν*—догматисати. Въ отр. 41 Кирилль отступаетъ отъ соотвѣтствующаго мѣста анонима, вставляя тѣ именно слова, которыя находятся въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Амартола: и ритори = книжници; горазди, вмѣсто „мнози“. Въ отр. 118 упоминаніемъ о римскихъ легатахъ Кирилль слѣдуетъ Амартолу, вопреки анониму. Наконецъ, отр. 38, гдѣ Кирилль упоминаетъ объ особо приготовленномъ домѣ, не есть ли отзвукъ отр. 33 Амартола? Но спрашивается: откуда же явилось греческое слово „власфимисающе“, если въ соот-

вѣтствующемъ мѣстѣ греческаго источника вовсе нѣтъ этого слова (оно стоитъ лишь въ отр. 154; ср. 7, 19)? и зачѣмъ: какимъ образомъ вмѣсто выраженія Амартола *δογματῆσαι* въ текстѣ Кириллова источника оказалось „*δογματίζειν*“, переведенное имъ черезъ догматисати? На это отвѣчаемъ: кому могло притти желаніе для выраженія своей мысли измѣнить встрѣтившуюся существительную греческую форму въ глагольную греческую же? Думаемъ, что это могъ сдѣлать только грекъ. Славянскій авторъ оставилъ бы встрѣтившееся характерное греческое слово въ той же самой грамматической формѣ, много-много прибавивъ къ нему славянское окончаніе соотвѣтствующей же грамматической формы, но никакъ не сталъ бы производить операціи по законамъ греческаго языка. Очевидно, что текстъ, вошедшій въ хроникъ Амартола, попалъ въ руки Кирилла, въ особой, греческой же, редакціи, въ которой были нѣсколько иныя грамматическія формы и выраженія, а текстъ дополненъ такими малопонятными для славянскаго автора терминологическими выраженіями, каково въ отр. 52: „ни же есть слово Божіе въ единство“. Несвѣротно, чтобы Кирилль самъ по собственному почину прибавилъ столь непонятное выраженіе къ греческому или славянскому тексту, нарочито избравъ такое выраженіе изъ посторонняго источника; то же должно отчасти сказать и объ отр. 18: „ни въплотися Богъ въ чловѣчество“. Такъ какъ самый текстъ даннаго мѣста Амартола непосредственно не былъ у Кирилла, то естественно, что Кирилль допустилъ нѣкоторыя уклоненія отъ историческихъ данныхъ Амартола. Въ отр. 39 онъ, напримѣръ, говоритъ: „царевнъ же сѣдшо на престолѣ, и старейшины святитель Христовыхъ одесную его на престолѣхъ посажены быша“. Слова эти представляютъ ничто иное, какъ распространеніе фразъ анонима: „и сѣдоша со царемъ“. Но если бы Кирилль имѣлъ подъ руками самый *Χρονικὸν* Амартола, то онъ такъ не выразился бы: у Амартола не царь сѣлъ сначала, а епископы, царь же сѣлъ послѣ по просьбѣ епископовъ (по изд. Муральта стр. 405; по древнеслав. перев. рук. Моск. Дух. Акад. л. 211 об.). Какую же форму имѣла эта передѣлка Амартола, бывшая подъ руками Кирилла? Чтобы понять это, нужно обратить вниманіе на отр. 1—22. Анонимъ здѣсь помѣщаетъ то, чего нѣтъ у Амартола, и при этомъ оказывается, что онъ и тутъ списываетъ съ греческаго

источника, текстъ котораго чрезвычайно близокъ къ тексту греческаго *Ῥρολόγιον*-а. Спрашивается: что же дѣлалъ анонимъ при составленіи поученія—удалось ли ему случайно найти два источника, изъ которыхъ одинъ—Амартоль начался тамъ, гдѣ обрывался другой (Часословъ), и онъ, переведши то и другое, соединилъ въ одно повѣствованіе; или же онъ имѣлъ подъ руками такой источникъ, въ которомъ эти два источника уже были объединены въ одно цѣлое, такъ что ему оставалось только перевести уже готовое цѣльное повѣствованіе? Чтобы писатель русской нравоучительной повѣсти предпринялъ такую сложную затѣю, какъ отправиться на поиски за матеріаломъ въ громоздкій греческій историческій трудъ, а затѣмъ еще въ другой греческій же источникъ и при томъ настолько рѣдкій, что онъ не оставилъ по себѣ никакихъ слѣдовъ,—и затѣмъ свободно оперировалъ надъ объединеніемъ того и другого греческаго матеріала—вещь маловѣроятная. Напротивъ, вполне естественно, если славянской авторъ для составленія своего поученія взялъ уже готовый греческій источникъ, въ которомъ обѣ части сказанія уже были соединены, и перевелъ его съ тѣми или иными измѣненіями. Такимъ образомъ, есть полное основаніе утверждать, что анонимъ имѣлъ подъ руками такую греческую редакцію сказанія имѣющагося у Амартола, въ которой оно было объединено въ одно повѣствованіе съ повѣствованіемъ, вошедшимъ въ сказаніе *Ῥρολόγιον*-а. Отсюда слѣдуетъ первый важный выводъ: анонимъ совпадаетъ съ Кирилломъ въ томъ, что имѣлъ подъ руками, какъ и тотъ, не подлинный текстъ Амартола, а иной, близко, совпадавшій съ нимъ греческій же источникъ. Но имѣлъ ли источникъ Кирилла также и ту начальную часть сказанія, которая имѣлась въ редакціи анонима? Въ той части слова Кирилла, въ которой онъ передаетъ сказаніе, имѣющееся въ *Ῥρολόγιον*-ѣ (отр. 1—22), онъ дѣлаетъ такіа отступленія отъ текста анонимнаго поученія, которыя явно выдаютъ свое греческое происхождение. Такое, на примѣръ, греческое выраженіе богословской терминологіи древности, какое заключается въ отр. 13: „и Сыномъ Божиимъ нарицается тварь“, конечно, внесено изъ греческаго источника; равно и историческое свѣдѣніе въ отр. 21 о распространеніи ереси Арія до Антиохіи не могло быть заимствовано иначе, какъ изъ

подробнаго же источника. Мало того Источникъ этотъ былъ тождествененъ съ источникомъ анонима. Если обратить вниманіе на отрывки 11—13, то можно видѣть, что терминологическія греческія выраженія отр. 11 и 13, вставленные Кирилломъ спереди и сзади терминологическаго же выраженія 12 отр. анонима, несмотря на ихъ догматическую отвѣченность, представляютъ съ послѣднимъ нѣчто совершенно неразрывное по внутреннему смыслу. Этого не могло бы быть, если бы Кириллъ вставилъ указанные новыя выраженія, заимствовавъ ихъ изъ другихъ источниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, краткая формулировка анонимомъ ученія Арія: „вся тварь Сынъ Божій есть“, нѣсколько неожиданна: изъ нея выходитъ, какъ будто Арій излагалъ ученіе не о томъ, что такое Сынъ Божій, а о томъ, что такое тварь. Но стоитъ только всмотрѣться въ текстъ Кирилла, чтобы понять въ чемъ тутъ дѣло, зачѣмъ анонимъ заговорилъ вдругъ сразу о твари. Въ общемъ для обоихъ греческомъ источникѣ, текстъ котораго въ данномъ мѣстѣ Кириллъ представилъ болѣе точно, чѣмъ анонимъ, выраженіе анонима есть одно изъ придаточныхъ пояснительныхъ предложений. По изложенію греческаго источника, Арій училъ: „Христосъ не есть Сынъ Божій (отр. 11), потому что всѣ творенія суща чада Божія (12 отр.) и какъ одна изъ этихъ тварей называется „Сыномъ Божиимъ“ и Христосъ (13 отр.)“. Анонимъ неудачно выхватилъ только одну среднюю фразу, выпустивъ объяснительныя предыдущую и послѣдующую. — Итакъ и анонимное и Кириллово поученія произошли независимо другъ отъ друга отъ греческаго источника, весьма близкаго къ тексту хроники Амартола. О приблизительномъ видѣ этого источника можетъ свидѣтельствовать то любопытное отношеніе, которое обнаруживаютъ оба поученія другъ къ другу. Изъ своего греческаго источника Кириллъ беретъ поразительно мало лишняго, сравнительно съ тѣмъ, что взялъ анонимъ: только нѣсколько краткихъ дополнительныхъ выраженій, нѣсколько случайныхъ мыслей, а на протяженіи всей остальной работы передаетъ содержаніе греческаго источника, совпадая съ анонимомъ. Объясненіе этого явленія, полагаемъ, можетъ заключаться только въ томъ, что анонимное и Кириллово поученія, происходя независимо другъ отъ друга отъ греческаго источника, использовывы-

ваютъ этотъ источникъ почти полностью и съ вербальной близостью ¹⁾).

Представленный нами анализъ съ наглядностью, какъ намъ кажется, вскрываетъ, что творчество знаменитого древне-русского витии—вполнѣ компилятивнаго характера. Но и компиляція бываетъ различнаго рода и различной цѣнности. Бываетъ компиляція грубо-механическая, и можетъ быть компиляція талантливо - художественная. Творчество Кирилла, это—художественная мозаика. Здѣсь отдѣльные

¹⁾ Самое слово „Днесь память св. отецъ чтется“ встрѣчается въ двухъ редакціяхъ. Въ одной, древнѣйшей, представителемъ которой является текстъ № 1265 Соф. Спб. Академіи библиотеки, слово имѣетъ тотъ видъ, въ которомъ напечатано въ „Златоустѣ“. Въ другой, представленной въ рукописи № 406 Рум. Музея, (лл. 242-243) слово не имѣетъ начальныхъ строкъ или введенія: „Днесь, вѣрнии, память св. отецъ чтется. По вѣрованіи бо, еже Сынъ Божій (въ рук. Лавр. Библи. № 18 (146) послѣ „Божій“ стоитъ союзъ „и“) человекъ бысть, волею пострада и умре и погребенъ бысть и воскресе и вознесеся на небеса, и прочее правовѣріе утвердиша святіи отцы. Мнози же отъ еретикъ исповѣдаша, яко Христосъ пострада и воскресе, а еже подобенъ Сынъ Отцу, то никакоже, но мнози хулы на Божество вѣдаша еретицы, святіи же отцы правовѣрное церкви ученіе пзъясниша, и вѣру утвердиша. Тѣмъ, по Господскимъ праздницѣхъ, память Святыхъ Отецъ празднуется“. Во второй редакціи слово начинается прямо съ историческаго повѣствованія: „Бѣ во Александріи...“ Равно и конецъ слова въ каждой изъ двухъ редакцій различенъ. Во второй (назовемъ ее „краткой“) редакціи послѣ словъ печатнаго Соборника—„Сей бысть первый соборъ въ Никіи, триста осмьнадесятъ святыхъ отецъ въ двадесатое лѣта царства Константинова“—нѣтъ восхваленія отцевъ собора, какъ это находится въ печатномъ Соборникѣ, а вмѣсто этого идетъ такой текстъ: „Тѣ заточина Арія и прославиша Христа единосущна Отцу Божіа Слова, прежде вѣкъ рожденна по глаголющему пророку: изъ чрева прежде днницы родихъ тя, и въ послѣдняя отъ Дѣвы нашего ради спасенія вочеловѣчлхася. И тако вѣрующе, поклоняемся святому его образу и славимъ въ Троици единаго Бога Отца и Сына и Св. Духа“. (№ 406. Рум. Муз.). Несомнѣнно, первое предложеніе приведеннаго варианта принадлежитъ къ первоначальному чтенію, такъ какъ оно имѣетъ прямое соотвѣтствіе въ томъ греческомъ источникѣ, изъ котораго взята предшествующая фраза: *Ου ("Αρειον) καθελοσαι ἀθειάτισε... τὸν δὲ τὸν ὑμοῦσαιον καὶ συνέταρχον, τῷ πατρὶ καὶ θεῷ ἀληθινὸν καὶ χριστῆν πάντων (ὀρθοδόξως) ἐδοξιάτισε κατὰ τὸν προφήτην τὸν λεγόντα: „Ἐκ γαστέρος πρὸ ἐωσφόρου ἐγέννησά σε (Ed. Muralt p. 414; Рук. № 100 Моск. Дух. Акад. I. 214—об.,—„Его же соборъ свергъ, прокляша и съ мыслящимъ съ нимъ купно, Сына же единосущна Отцу и Бога истинна, Творца всемъ преславно проповѣда соборъ; отъ пророка глаголющему: „изърева прежде днница родихъ тя“). Какъ разъ этими*

мелкіе элементы, какъ драгоценные камни взяты готовыми изъ различныхъ источниковъ; оттуда же берется и самый планъ, канва, по которой размѣщаются эти чудные идейные и словесные перлы... но выборъ ихъ, взаимносочетаніе, наконецъ, слияніе ихъ съ канвою новаго плана—все это выполнено самостоятельно и высокохудожественнымъ образомъ.

Въясняя истинный характеръ проповѣдническаго творчества Кирилла, нашъ анализъ вскрываетъ предъ изслѣдователемъ Уставныхъ Чтеній важнѣйшіе составные элементы греческаго „Торжественника“ на Руси времени Кирилла. Въ него входили слѣдующія произведенія древне-византийской церковно-учительной литературы.

Недѣля Ваіи.

1. Тита Бострійскаго „Яко неизмѣрима глубина“
2. Иоанна Златоуста „Отъ чудеса на чудеса Господня“
3. Кирилла Александрійскаго „Царскій днесь, вѣрнии, прихоть празднующе“.

именно словами и заканчивается у Амартола рѣчь о I вселенскомъ соборѣ. Почти тѣми же словами и тѣмъ же текстомъ св. Писанія заканчивается разсматриваемая краткая редакція нашего слова. Отсюда слѣдуетъ, конечно, что *краткая редакція отнюдь не есть сограженіе болѣе полной, какъ думаетъ преосв. Макарій* (Ист. Р. Ц. т. III стр. 118, Спб. 1857 г.). Съ другой стороны, и варианты первой редакціи имѣютъ сплннѣйшіе признаки одновременности своего происхожденія вмѣстѣ съ остальнымъ текстомъ поученія. Предисловіе поученія уже самою неправильностью своего грамматическаго построенія показываетъ, что его авторъ, такъ же какъ и авторъ дальнѣйшаго текста, пользовался греческимъ источникомъ и слѣдовательно тождествененъ съ послѣднимъ. Заключение первой, распространенной редакціи *по мыслямъ* (о трудности подвига путешествія на соборъ св. отцевъ и восхваленіе послѣднихъ) сходно съ словомъ Кирилла „Якоже историци и вѣта“, но по краткости и общности своего выраженія эти мысли должны быть признаны не за извлеченіе изъ указаннаго слова Кирилла, а за его первичную, греческаго происхожденія, основу, получившую въ послѣднемъ детальное раскрытіе. Такимъ образомъ, въ словѣ Кирилла „Якоже историци“ мы имѣемъ уже третью по времени славянскую переработку греческаго сказанія о I вселенскомъ соборѣ; при чемъ первая, самая древняя и краткая была просто переводомъ и изложеніемъ греческаго сказанія, вторая легкой обдѣлкой его въ форму поученія, а третья использованиемъ его по ораторски-художественному замыслу и плану.

Великая пятница.

4. Георгія Никомидійскаго „Высочайшее намъ востекая слово горѣ“

5. Иоанна Златоуста „На утрія, еже есть по пятцѣ“.

Великая суббота.

6. Епифанія Кипрскаго „Что се днесъ безмолвіе много на земли“

7. Григорія Богослова „На стражи моеѣ“

8. Иоанна Златоуста „Зѣло ми умъ держать Господскаго воскресенія чюдеса“.

Пасха.

9. Иоанна Златоуста „Воста въ третій день“

10.* Иоанна Златоуста „И се два бѣста отъ нихъ“

11.* Иоанна Златоуста „Воскресенія день“

12.* Иоанна Златоуста „Радуйтеса всегда о Господѣ“.

Недѣля Антипасхи.

13. Григорія Богослова „Поновленія чтете“ въ толкованіи Никиты Ираклійскаго.

14. Иоанна Златоуста „Се бо приспѣхъ вамъ долгъ повѣдати.“

Прецеловеніе.

15. Иоанна Златоуста „О еже не судити: Якоже свѣтоносна луна“.

Вознесеніе Господне.

16. Иоанна Златоуста „Свѣтло ми се церковное позорище“

17. Иоанна Златоуста „Конечно всякій праздникъ“.

[18. Отрывокъ слова Иоанна Златоуста „На слова: „Помянухъ Бога и возвеселихся“.

Недѣля св. отецъ Никейскихъ.

19. Греческое сказаніе о 1-мъ вселенскомъ соборѣ.

Звѣздочками отмѣчены произведенія, зависимость отъ которыхъ Кирилла устанавливается менѣ твердо.

IV.

Основной пласть въ составѣ „Златоуста“.

Основное ядро однотипнаго съ „Горжественникомъ“, но уже чисто славянскаго происхожденія, сборника „Уставныхъ Чтеній“ — „Златоуста“ составляетъ открытая въ половинѣ прошлаго столѣтія покойнымъ ректоромъ и профессоромъ Московской Духовной Академіи прот. А. В. Горскимъ девятичленная группа поученій на недѣли (воскресные дни) постнаго тріоднаго круга, начиная отъ недѣли мытаря и кончая пятой недѣлей великаго поста (см. Прибавл. къ Твор. свв. отецъ, ч. XVII, 1858 г., стр. 49—64). Вопросъ о происхожденіи, характерѣ и составѣ этой основной группы поученій „Златоуста“ является краеугольнымъ при выясненіи исторіи происхожденія и развитія всего сборника; между тѣмъ вопросъ этотъ до настоящаго времени остается открытымъ за недостаткомъ надлежащихъ научныхъ данныхъ. Общепринятый взглядъ на этотъ вопросъ сводится къ слѣдующимъ тезисамъ:

а) группа представляетъ единое самостоятельное цѣлое, быть можетъ, принадлежащее одному автору;

б) поученія представляютъ не переводъ съ греческаго, а оригинальное произведеніе неизвѣстнаго славянскаго проповѣдника;

в) поученія составлены въ первыя времена христіанства или въ Болгаріи, слѣдовательно въ концѣ IX-го и въ X-мъ вѣкахъ, или на Руси, слѣдовательно, въ XI—XII вѣкахъ.

Занимаясь изслѣдованіемъ исторіи церковно-учительныхъ сборниковъ Уставныхъ Чтеній, мы натолкнулись на новыя данныя, позволяющія сдѣлать къ указаннымъ тезисамъ серьезныя ограниченія и проливающія здѣсь значительно новый свѣтъ.

А. В. Горскій, изслѣдуя вопросъ о литературныхъ источникахъ поученій, писалъ о поученіи на пятую недѣлю поста: „въ словѣ на 5 недѣлю изъясняется дневное чтеніе евангельское, именно сказаніе евангелиста Марка объ ученикахъ Іаковѣ и Іоаннѣ, просившихъ Господа, да сядутъ въ царствіи Его, одинъ одесную Его, другой — ошуюю. При изъясненіи евангельскаго чтенія проповѣдникъ, какъ видно, пользовался сокращеннымъ толкованіемъ евангелія Марка, извѣстнымъ на греческомъ языкѣ (*Catenaе in Evangelia. S. Matthaei et Marci. Ed. a Cramero 1840. Oxonii, p. 383*), или словомъ, на томъ же толкованіи основаннымъ: но сокращалъ его еще болѣе такъ, что иногда для ясности необходимо имѣть въ виду полный текстъ“. Для примѣра Горскій дѣлаетъ одно сопоставленіе съ текстомъ катень по изданію Крамера. „Такъ, продолжаетъ Горскій, говоря о предреченіи Господомъ страданій, ожидающихъ Его въ Іерусалимѣ (Марк. 10, 32 и сл.), проповѣдникъ прибавляетъ: обаче еще и скорбная вся повѣдаеть имъ: но они имяху три дня воскресенія Его“. Въ греческомъ толкованіи читается: „ясно говорить имъ Господь о будущемъ, упомянулъ и о томъ, что будетъ оплеванъ; не хотѣлъ ничего умолчать такого, что, безъ предреченія, могло бы смутить очевидцевъ своею внезапностью: но врачествомъ противъ сего поставилъ слово: „въ третій день воскреснетъ“. Изъ этого примѣра сопоставленія съ текстомъ катень слѣдуетъ, что наше поученіе стоитъ въ отношеніи къ нимъ болѣе въ идейной, чѣмъ текстуальной зависимости, и потому можетъ быть разсматриваемо какъ самостоятельное, оригинальное съ литературной стороны произведеніе. Но почтенный ученый не имѣлъ нужды отправляться такъ далеко для отысканія греческаго источника указаннаго поученія; на самомъ дѣлѣ этотъ источникъ былъ у него гораздо ближе. Въ примѣчаніи (стр. 44), цитую катены, А. В. сдѣлалъ замѣчаніе: „то же толкованіе и въ словѣ на ту же недѣлю, помѣщенномъ въ „учительномъ“ евангеліи (изд. Моск. 1839, л. 85 об.)“, т. е., пояснимъ мы, въ извѣстномъ Учительномъ Евангеліи, носящемъ имена патриарховъ Константинопольскихъ Каллиста и Филоея (XIV в.), составленномъ, по предположенію Горскаго, въ 1343 г. и переведенномъ на славянской языкъ въ началѣ XV вѣка (1407 г.). Къ сожалѣнію, А. В. не попытался сравнить текстъ Учительнаго Евангелія

въ данномъ мѣстѣ съ текстомъ, съ одной стороны, катень, а съ другой—нашего поученія; онъ увидѣлъ бы, что наше поученіе, лишь идейно приближаясь къ тексту катень, повторяетъ буквально хотя я съ большими сокращеніями, текстъ Учительнаго Евангелія, которое въ данномъ мѣстѣ имѣетъ; „обаче же, еще и сѣтованная и скорбная вся глаголетъ, и извѣщаетъ ученикомъ, но обаче о всѣхъ онѣхъ скорбныхъ едино утѣшеніе даеть имъ, еже въ третій день воскреснути“ (приводимъ по имѣющемуся сейчасъ у насъ подъ руками печатному славянскому изданію 1762 г.). Сравненіе *всего* поученія съ текстомъ тѣхъ же источниковъ приводитъ къ тому же самому заключенію въ отношеніи *всего* поученія. Что же это значитъ? Значитъ ли это, что именно Учительное Евангеліе было источникомъ или, вѣрнѣе, оригиналомъ, который переводилъ составитель поученія на 5 недѣлю? Но въ такомъ случаѣ составленіе поученія пришлось бы отнести не ранѣе, какъ ко второй половинѣ XIV вѣка, что невѣроятно. Повидимому, это именно соображеніе помѣшало Горскому при изслѣдованіи источниковъ открытыхъ имъ поученій въ должной мѣрѣ заинтересоваться текстомъ Учительнаго Евангелія. На самомъ же дѣлѣ фактъ буквальной зависимости поученія на 6 недѣлю отъ Учительнаго Евангелія не означаетъ, что именно Учительное Евангеліе было оригиналомъ, съ котораго переводилъ авторъ поученія. Дѣло въ томъ, что существуетъ болѣе ранній греческій источникъ, въ отношеніи котораго само Учительное Евангеліе во многихъ случаяхъ является буквальнымъ, хотя и сокращеннымъ воспроизведеніемъ. Это *Благовѣстникъ* или *Толковое Евангеліе Осеофилакта, архієпископа Болгарскаго*, второй половины XI—начала XII вѣка. При сличеніи нашего поученія съ соответствующими мѣстами того и другого источниковъ не остается сомнѣній, что наше поученіе слѣдуетъ именно Благовѣстнику, такъ какъ воспроизводитъ особенности содержания и конструкціи послѣдняго, отличающія его отъ текста Учительнаго Евангелія. Почти все поученіе представляетъ сокращенную, но преимущественно буквальную передачу текста Благовѣстника, которая предваряется краткимъ вступленіемъ, а заключается краткимъ нравственнымъ приложеніемъ. Это открытіе получило въ нашихъ глазахъ особую цѣнность, когда сопоставленіе другихъ поученій изуча-

емой группы съ текстомъ Учительнаго Евангелія и Благовѣстника показало намъ, что въ этой группѣ есть *еще одно* поученіе совершенно такого же характера. Это именно поученіе на недѣлю блуднаго сына, заключающее объясненіе евангельской притчи, о которомъ Горскій замѣчаетъ: „стоитъ сличить его съ болѣе пространнымъ первообразомъ его на греческомъ языкѣ, между словами ложно приписываемыми св. Иоанну Златоусту (Opp. s. Iohannis Chrysostomi, VIII, ed. Montfaucon. Spuria, p. 331), или съ бесѣдою на тотъ же день, помѣщенной въ такъ называемомъ „учительномъ евангеліи“, которое переведено также съ греческаго. Всѣ они имѣютъ въ основаніи одно и то же изъясненіе притчи“. Сдѣланное нами сличеніе со словомъ съ именемъ Златоуста (Присно убо Божіе челоуѣколюбіе. Migne, P. Gr., t. LIX, col. 515 et saet. Творенія Златоуста въ русскомъ переводѣ, т. VIII, стр. 646—653. Ср. наше изслѣдованіе „Уставныя Чтенія“, вып. I, стр. 44) показало, что поученіе изслѣдуемой группы имѣетъ съ нимъ только отдаленное идейное родство¹⁾, тогда какъ съ Учительнымъ Евангеліемъ — текстуальное тожество, обусловленное однако ничѣмъ инымъ, какъ непосредственной полной зависимостью отъ первоисточника послѣдняго — отъ Благовѣстника Теофилакта.

Для доказательства этого положенія, достаточно указать на тотъ любопытный цѣнный фактъ, что при помощи текста Благовѣстника легко восстанавливается смыслъ и первоначальный текстъ ряда темныхъ или осложненныхъ вариантами мѣстъ указанныхъ двухъ поученій. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ поученіи на пятую недѣлю по тексту сборника Т.-Серг. Лавры № 9, изданному Е. В. Пѣтуховымъ въ Сборникѣ Отд. Русск. Яз. и Слов., т. XL, № 3 (С.-Пб. 1884), въ строкахъ 13—15 этого изданія находится тирада уже цитованная у насъ со словъ Горскаго: „кромѣ же отведъ ученики, обаче

¹⁾ Въ болѣе близкой идейной и текстуальной зависимости отъ указаннаго слова съ именемъ Златоуста стоитъ поученіе на недѣлю блуднаго сына въ сборникѣ Рум. Музея XV в. № 406 (л. 6 и 8), изданное по сербской рукописи XVI в. (№ 450 Бѣлградской народной библіотеки) Л. В. Стояновичемъ въ книгѣ „Новыя слова Климента Словѣнскаго“. Сборникъ Отд. Русск. Яз. и Слов. Имп. Ак. Наукъ, т. LXXX, № I (С.-Пб. 1905) стр. 119—122.

аще и скорбѣная вся повѣдаеть имъ, но они имяху 3-и дни воскресенія его“. Тирада, какъ отмѣтилъ уже Горскій, мало осмысленная. Придаточному предложенію „кромѣ же отведъ ученики“ недостаетъ главнаго, равно какъ и противоположительному „обаче“ нѣтъ предшествующаго противоположаемаго предложенія. Въ редакціи Златой Цѣпи Троице-Серг. Лавры № 11 безсмыслица исправлена вставкой послѣ придаточнаго: „кромѣ же отведъ ученики“ соотвѣтствующаго главнаго предложенія „глаголетъ“ и къ нему пояснительной тирады: „тайная бо бысть страсти и подобаше своимъ ученикомъ открыти и того ради варяеть на путь отходя отлучи отъ инога рода ученики“. Въ свою очередь и эта пояснительная тирада построена также невразумительно. Къ чему относится: „на путь отходя“? Если — къ предшествующему „варяеть“, то слѣдующее предложеніе: „отлучи отъ инога рода ученики“ является совершенно не связаннымъ съ предыдущимъ; если — къ глаголу „отлучи“, то отсутствуетъ связь логическая. Что означаетъ вставка Златой Цѣпи? Представляетъ ли она позднѣйшее поясненіе какого-либо писца или редактора, или же она принадлежитъ къ первоначальному тексту? Текстъ Благовѣстника позволяетъ отвѣтить на этотъ вопросъ совершенно рѣшительно. Сличеніе съ текстомъ Теофилакта показываетъ, что именно чтеніе Златой Цѣпи есть болѣе первоначальное, такъ какъ представляетъ букввальное его воспроизведеніе, испорченное нѣсколько писцомъ. У Теофилакта здѣсь (по изданію Migne P. Gr., t. CXXXIII и славянскому переводу, напечатанному въ Москвѣ 1698 г., читается: „особо же приемлетъ ученики и съ тѣми едиными глаголетъ (*ιδίᾳ δὲ παραλαβὼν τοὺς μαθητὰς, μόνοις αὐτοῖς διαλέγεται*), тайно бо баше страданіе и своимъ лѣпо открыти (*μυστήριον γὰρ ὄν τὸ πάθος, τοῖς οἰκειότεροις ἔδει ἀποκαλυφθῆναι*), того ради и варяеть на пути вся, хотя отлучитися отъ множества ученикъ (*διὰ τοῦτο γοῦν καὶ προλαμβάνει πάντας ἐν τῇ ὁδοῦ, βουλόμενος ἀποχωρίσαι τοῦ ἄλλου πλήθους τοὺς μαθητὰς αὐτοῦ*). Приведенный текстъ Теофилакта показываетъ, что въ текстѣ Златой Цѣпи по ошибкѣ писца вмѣсто словъ: „вся хотя“ поставлено „отходя“ и соотвѣтственно этому неопредѣленное наклоненіе „отлучити“ передѣлано въ „отлучи“; ближе къ первоначальному тексту вариантъ сб. № 39 Тр.-Серг. Лавры: варяеть на путь, хотя отлучити. Выраженіе

„рода“ ошибочно передѣлано изъ „народа“ (*πλήθους*), очевидно, писцомъ уже общаго оригинала наличныхъ списковъ, такъ какъ всѣ они имѣютъ эту ошибку. Странное выраженіе сб. № 9 „но они имяху 3-и дни воскресенія“ передается въ Златой Цѣпи болѣе осмысленно: „но они имяху *си уπὸ τῆς* въ третій день воскресенъ“, что близко соотвѣтствуетъ тексту Теофилакта: *ἀλλ' οὖν πάντων ἐκεῖνων παραμυθία μὲν, τὸ καὶ τῆ τρίτῃ ἡμέρᾳ ἀναστήσεται*. Въ греческомъ текстѣ здѣсь дѣлается буквальная цитата изъ преждеприведенныхъ евангельскихъ словъ Спасителя: Сынъ Человѣческій преданъ будетъ... и въ третій день воскреснетъ — *καὶ τῆ τρίτῃ ἡμέρᾳ ἀναστήσεται* (Марк. X, 33—34). Въ Благовѣстникѣ рѣчь Спасителя уже была приведена выше полностью, и потому въ данномъ мѣстѣ отдѣльная фраза изъ этой рѣчи цитируется какъ уже известная, безъ особыхъ поясненій, предваряемая членомъ *τὸ*: *τὸ καὶ τῆ τρίτῃ ἡμέρᾳ*, и т. д.; составитель же поученія сохранилъ лаконизмъ оригинала, не стѣняясь тѣмъ, что выше самую цитируемую евангельскую рѣчь Спасителя опустили. На стр. 42—43 того же поученія чтеніе сб. № 9: „нѣсть мое праведнаго судии дати вама по благодати честь“ показалось издателю не имѣющимъ смысла, и онъ счелъ нужнымъ исправить текстъ, согласно чтенію Златой Цѣпи и сб. № 406 Рум. Музея, вставкою союза „но“: нѣсть мое, *но* праведнаго судии (то же въ Пам. др.-руск. ц. лит. III (1897), стр. 191) и т. д. Фраза получила тотъ смыслъ, что Христось отличаетъ себя, какъ человѣка, отъ Бога Отца, какъ судья вселенной. Но въ такомъ смыслѣ фраза противорѣчила бы контексту: вѣдь, Христось въ ней утверждалъ бы, что дѣло праведнаго судии — воздавать каждому честь по благодати, т. е. по милости или любви, между тѣмъ какъ, судя по дальнѣйшему взятому для поясненія примѣру и по всей дальнѣйшей рѣчи, эта фраза должна означать какъ разъ обратное: праведный судья даетъ честь не по милости, а по заслугамъ. На самомъ дѣлѣ правильный первоначальный видъ разсматриваемой фразы есть тотъ, который находится въ сборникѣ № 9. Въ такомъ именно видѣ она взята изъ Благовѣстника, но, къ сожалѣнію, безъ того поясненія, которое она здѣсь имѣла: нѣсть мое праваго судии (мнѣ, праведному судѣ не свойственно—*οὐκ ἔστιν ἐμοῦ τοῦ δικαίου κρίνω*). еже дати вамъ по любви сицевую честь, не бо праведенъ былъ

быхъ.—Приводимый въ дальнѣйшихъ (стр. 44—47) словахъ примѣръ является страннымъ, если принимать употребленный здѣсь терминъ „брань“ буквально въ смыслѣ война: царь присутствуетъ на битвѣ, чтобы раздавать какіе-то вѣнки, и при томъ во время самой брани! Чтобы понять, о чемъ здѣсь идетъ рѣчь, необходимо принять во вниманіе, что употребленная здѣсь въ поученіи фраза: „якоже бо царь нѣкто право судий при брани“ есть переводъ греческой фразы Благовѣстника: *ὡππερ ἄν εἰ βασιλεὺς δίκαιος προεκάθητο ἀγώνος υἱος*; греческое *ἀγών*, переведенное здѣсь словомъ брань, означаетъ собственно борьбу, состязаніе на народномъ зрѣлищѣ.—Въ поученіи на недѣлю блуднаго настоящій *сгх interpretum* представляетъ слово „анагности“ во фразѣ: „наимници же суть оглашеніи и анагности црковнїи“. А. В. Горскій полагалъ, что въ словѣ „анагности“ мы имѣемъ неудачную, вытекающую изъ недостаточнаго знакомства съ значеніемъ указаннаго термина, вставку славянскаго сочинителя въ греческое толкованіе, которымъ послѣдній пользовался; но причины и цѣли, ради которой сочинитель могъ бы сдѣлать такую вставку, Горскій не объясняетъ. По мнѣнію Филарета, архіепископа Черниговскаго, сочинитель разумѣлъ здѣсь именно чтецовъ или причетниковъ церковныхъ, упомянулъ же ихъ здѣсь потому, что они въ русской церкви домонгольскаго періода были людьми наемными Проф. Е. В. Пѣтуховъ не соглашается ни съ объясненіемъ Горскаго, ни Филарета. Противъ Филарета онъ совершенно справедливо возражаетъ, что объясненіе послѣдняго противорѣчитъ всему характеру аллегорическо-метафорическаго толкованія евангельскаго текста: „тутъ ни въ какомъ случаѣ „наемници“ не можетъ имѣть прямого смысла, такъ какъ это слово взято изъ евангельскаго текста и метафорически поясняется въ поученіи, вѣдь если бы принять это, то пришлось бы объяснять, почему проповѣдникъ и оглашенныхъ называетъ „наемниками“, т. е., по толкованію Филарета, наемными людьми“. Противъ Горскаго Пѣтуховъ столь же справедливо возражаетъ, что его объясненіе требуетъ неестественнаго предположенія, что „проповѣдникъ не понималъ греческаго языка; это тѣмъ болѣе невѣроятно, что онъ въ широкой мѣрѣ пользуется сочиненіями отцовъ греческой церкви, и нужно доказать еще, были ли для времени составле-

нія словъ (которое намъ неизвѣстно) переводы этихъ отцовъ въ той мѣрѣ, въ какой ими пользуется нашъ проповѣдникъ“. Но въ свою очередь и съ объясненіемъ, которое даетъ самъ Пѣтуховъ, нельзя согласиться. Онъ предполагаетъ, что первоначальнымъ здѣсь было чтеніе Измарагда Румянц. Музея № 186, гдѣ вмѣсто „анагности“ стоитъ „агности“, „т. е. не свѣдующіе, если только возможно допустить существованіе рядомъ съ страдательнымъ значеніемъ прил. *ἀγροστος* (не узанный, не узнаваемый) еще и дѣйствительное (не знающій, не свѣдущій)“. „Не есть ли, догадывается онъ, форма „агности“ болѣе первоначальная, и не испорченъ ли потомъ переписчиками текстъ постановкою вмѣсто „агности“ болѣе знакомаго по звуку, какъ обычнаго техническаго въ церковной практикѣ греческой церкви, слова „анагности“? Догадка Е. В. Пѣтухова, счастливо освобождая отъ необходимости прибѣгать къ „неестественному“ предположенію Горскаго, приводитъ однако къ другому столь же, какъ намъ кажется, неестественному предположенію. Если догадка Горскаго предполагаетъ утвержденіе, что проповѣдникъ не зналъ греческаго языка, то догадка Пѣтухова требуетъ предположенія, что проповѣдникъ не зналъ, сколько-нибудь удовлетворительно, славянскаго: вѣдь онъ оказывается неспособнымъ передать по славянски такое совершенно простое, слово какъ *ἀγροστος*! Но такой писатель долженъ былъ бы испещрить греческими словами и всю свою рѣчь, а такимъ, очевидно, не могъ быть авторъ нашего поученія, написаннаго, какъ и всѣ прочія поученія на Четырдесятницу, чистымъ славянскимъ языкомъ. Справка съ текстомъ Благовѣстника даетъ дѣлу совершенно иное освѣщеніе. Въ Благовѣстникѣ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ читается: наемники же глаголетъ оглашенныя — *μισθίους δὲ λέγει οἷον τοὺς κατηχομένους...*; не оглашенныхъ же токмо разумѣти яко наемникомъ глаголемымъ, но и сущимъ въ церкви просто, не перваго достоинства сущимъ (*οὐδὲ γὰρ περὶ τῶν κατηχομένων μόνον χρὴ νοεῖν ὡς μισθίων λεγομένων, ἀλλὰ καὶ τῶν ἐν τῇ Ἐκκλησίᾳ ἀπλῶς μὴ τῆς πρώτης τάξεως ὄντων*). (Ср. слав. рук. Син. б. Чуд. собр. № 9 (XIV в.) л. 142 об.; греч. рук. Син. б. № 380 (XIV в.) л. 171 об.). Словомъ „анагности“ славянскій проповѣдникъ передаетъ такимъ образомъ фразу: *καὶ τῶν ἐν τῇ Ἐκκλησίᾳ ἀπλῶς μὴ τῆς πρώτης τάξεως ὄντων*. Въ поученіи мы имѣемъ собственно не

переводъ приведеннаго греческаго текста, а его толкованіе. Теофилактъ мыслить подъ наемниками не только оглашенныхъ, но и всѣхъ тѣхъ, которые, хотя и находятся въ церкви, однако не суть въ ней по своимъ достоинствамъ и правамъ члены перваго, такъ сказать, ранга. Теофилактъ хочетъ, такимъ образомъ, сказать, что просьба блуднаго сына: „сотвори мя, яко единаго отъ наемникъ твоихъ“, въ устахъ кающагося грѣшника означаетъ: желаю быть оглашеннымъ или вообще, хоть послѣднимъ, самымъ недостойнымъ, но только членомъ церкви. Въ источникѣ, которому слѣдуетъ Теофилактъ при толкованіи притчи, именно въ толкованіи на нее, приписываемомъ Златоусту (см. слово „Присно убо Божіе челоуѣколюбіе“ и *Catenæ ed. a Cramero, t. II, Oхoni. 1844, p. 119*), подъ наемниками мыслятся *только* оглашенные; расширеніе же метафорическаго смысла этого евангельскаго образа сдѣлано самимъ Теофилактомъ, конечно, потому, что въ его время института катехумената для кающихся не существовало, и просьба блуднаго сына въ ея древнемъ комментарий („дозволь мнѣ быть съ оглашенными“), естественная и необходимая въ положеніи кающагося грѣшника древней церкви, была не мыслима въ томъ же положеніи во времена Теофилакта и требовала дополнительнаго, соотвѣтствующаго наличнымъ условіямъ церковнаго покаянія комментарія. Такъ какъ въ современномъ каноническомъ бытовомъ раздѣленіи церковнаго общества Теофилактъ не нашелъ состоянія, соотвѣтствующаго „оглашеннымъ“, то онъ сталъ искать соотвѣтствующей параллели съ точки зрѣнія *внутренняго нравственнаго* дѣленія членовъ церкви на членовъ перваго ранга и не перваго (*μὴ τῆς πρώτης τάξεως*). Славянскій составитель поученія на недѣлю блуднаго сына не въ состояніи былъ въ должной мѣрѣ уловить этотъ переходъ метафорическаго экзегезиса Теофилакта изъ сферы каноническо-бытовыхъ и литургическихъ представлений въ область нравственныхъ отношеній. Отсюда въ нѣсколько неопредѣленной фразѣ Теофилакта: не перваго достоинства сущихъ—*των... μὴ τῆς πρώτης τάξεως ὄντων*—онъ ищетъ не премѣнно каноническо-бытового смысла, указанія на опредѣленный церковно-іерархическій чинъ или рангъ (*τάξις*) соотвѣтственно тому, какъ это дѣлается далѣе у самаго Теофилакта (и въ его первооригиналѣ—словъ съ именемъ Зла-

тоуста) въ отношеніи параллельнаго образа евангельской притчи—„рабовъ“: „рабы ангелы разумѣвай и іереи (*καὶ τοὺς ἱερεῖς*)“. И очень естественно, что наряду „съ іереями“, выступившими въ притчѣ подъ образомъ „рабовъ“, авторъ поученія подъ „сущими въ церкви не въ первомъ чину“, подъ образомъ наемниковъ, представилъ себѣ носителей низшаго, въ сравненіи съ священническимъ, іерархическаго достоинства—анагностовъ, чтецовъ. Употребленіе авторомъ греческаго названія чтеца свидѣтельствуешь, конечно, что поученіе писано въ такой славянской странѣ, гдѣ этотъ терминъ былъ общепринятымъ техническимъ для обозначенія должности чтеца. Неупоминаніе о посредствующей между іереемъ и чтецомъ должности діакона свидѣтельствуешь, быть можетъ, что представители этой должности не были для автора достаточно распространеннымъ явленіемъ. Наконецъ, самый характеръ этой квалификаціи авторомъ даннаго текста Теофилакта, имѣющей лишь *внѣшнее* соотвѣтствіе *буквѣ* текста, но совершенно расходящейся съ его смысломъ, свидѣтельствуешь, что авторомъ поученія былъ не особенно еще далеко поднявшійся въ духовномъ развитіи и потому нѣсколько наивно-простодушный компиляторъ.

Установленный нами тезисъ чреватъ серьезными послѣдствіями для вопроса о составѣ и происхожденіи разсматриваемой девятичленной группы великопостныхъ поученій. Два звена этой группы и при томъ второй и девятый оказываются не оригинальнаго славянскаго, а *переводнаго* происхождения, заимствованными изъ Благовѣстника—произведенія писателя второй половины XI начала XII вѣка и, слѣдовательно, появившимися не ранѣе этого времени. Наличіе этихъ двухъ характерныхъ звеньевъ разбиваетъ всю группу на разнохарактерныя со стороны источниковъ и построения части. Поученія на недѣлю блуднаго сына и пятую суть поученія на евангельское чтеніе дня. Но въ разсматриваемой группѣ есть еще два поученія также на евангельское чтеніе дня, именно поученія на недѣлю мытаря и фарисея и мясопустную. Если бы эти два послѣднія поученія писалъ тотъ же авторъ и въ одно и то же время, что и первыя два, то онъ, конечно, писалъ бы ихъ тѣмъ же способомъ, что и первыя, т. е. заимствуя толкованіе дневнаго евангельскаго текста изъ Теофилакта; а между тѣмъ поуче-

нія на недѣлю мытаря и фарисея и мясопустную составлены совершенно независимо отъ Теофилакта, что тѣмъ болѣе замѣчательно, что и по литературному вкусу и по построению поученіе на недѣлю мытаря и фарисея совершенно родственно поученіямъ на недѣлю блуднаго сына и пятую: *почти все* поученіе занято *аллегорическимъ* истолкованіемъ евангельскаго текста и только нѣсколько строкъ сначала посвящены самому *дѣловому* приступу („придѣте убо днѣсь, братіе, послушавше божественнаго гласа Христова, бодритиши будемъ. Притчу бо о мытаря и фарисѣи нашего ради спасенія глаголатъ, не бо сице праведныхъ ради, но грѣшныхъ на покаянь“). Очевидно, поученія на недѣлю мытаря и фарисея, съ одной стороны, и на недѣли блуднаго и пятую, съ другой—составлены, если и однимъ лицомъ, то въ разное время (до знакомства съ Благоговѣстникомъ Теофилакта и послѣ знакомства), и потому представляютъ въ группѣ разновременныя звенья. Съ своей стороны, поученіе на недѣлю мясопустную, сходясь съ поученіемъ на недѣлю мытаря и фарисея въ отрицательномъ свойствѣ—независимости отъ Теофилакта, совершенно рѣзко отличается отъ нихъ, а равно и отъ первыхъ двухъ, на евангельскій текстъ написанныхъ поученій, какъ по способу трактаціи евангельскаго текста, такъ и по построению и характеру содержанія. Тогда какъ тѣ даютъ замысловатое *аллегорическое истолкованіе* текста, это—лишь простой до буквальности пересказъ: по справедливому замѣчанію Горскаго, здѣсь „собственныхъ замѣчаній проповѣдника, при объясненіи евангелія, весьма не много: но большею частью только перифразируется текстъ евангельскій“. Еще важнѣе то, что, тогда какъ въ тѣхъ трехъ поученіяхъ истолкованіе или изложеніе дневнаго евангельскаго чтенія—главная и единственная задача, которой посвящено почти *все* поученіе, за исключеніемъ нѣсколькихъ начальныхъ и заключительныхъ строкъ, въ поученіи на недѣлю мясопустную пересказъ евангельскаго текста, не занимающая и половины поученія, приводится въ серединѣ въ качествѣ основного аргумента къ увѣщанію объ *истинномъ* покаяніи, которое собственно и составляетъ *главный предметъ и задачу* поученія. Всѣ эти свойства, а особенно послѣднее, органически свиваютъ поученіе на недѣлю мясопустную со слѣдующими поученіями на недѣлю сыропустную и первыя

четыре поста въ единую шестичленную группу, связанную тонкой психологической и идейной связью, единством приемовъ изложенія, отношенія къ источникамъ и обличающую единство автора. Для всей этой шестичленной группы поученіе на недѣлю мясопустную является какъ бы вступительнымъ: „се приближися, братіе, время покаанію, се настають днѣ оцѣщенію“.

Такимъ образомъ, вся девятичленная группа дѣлится на 3 части, разновременнo вошедшія въ нее. Въ основѣ лежитъ шестичленная, принадлежащая одному автору, группа на недѣли, начиная отъ мясопустной и кончая четвертой поста. Добавочными и позднѣйшими въ ней звеньями являются, во-первыхъ, поученіе на недѣлю мытаря и фарисея, и во-вторыхъ, два поученія—на недѣли блуднаго сына и пятую поста.

По вопросу о времени происхожденія и авторѣ шестичленной группы исходнымъ пунктомъ для сужденій по прежнему является обращеніе автора въ поученіи на вторую недѣлю къ „новопросвѣщеннымъ“ людямъ, свидѣтельствующее, что поученія произнесены среди народа въ начальный періодъ его пребыванія въ христіанствѣ. Сопоставленіе этихъ поученій съ чрезвычайно, по нашимъ наблюденіямъ, родственными съ ними проложными словами на двенадцатые праздники и нѣкоторыми другими, при наличіи двухъ изъ указанныхъ великопостныхъ поученій (на недѣли мясопустную и сыропустную) въ южно-славянскихъ спискахъ (см. Стояновичъ, Новыя слова Климента Словѣнскаго. Сб. Русск. Яз. и Слов., т. LXXX, № 81 (1905), стр. 123—127; 130—133; ср. рецензію А. И. Соболевскаго, Ж. Мин. Нар. Просв., 1905, декабрь, стр. 433—434), склоняетъ къ признанію за ними болгарскаго происхожденія и, слѣдовательно, къ отнесенію ихъ къ IX—X вѣкамъ.

По вопросу о происхожденіи поученій на недѣли блуднаго сына и пятую поста ¹⁾ (второе изъ которыхъ находится также въ сербскомъ спискѣ № 139 Хлудовской бібліотеки, 1434 г.), намъ удалось сдѣлать наблюденія, открывающія

¹⁾ Съ открытіемъ настоящаго литературнаго источника этихъ поученій, конечно, само собою падаетъ предположеніе проф. А. И. Соболевскаго о возможной принадлежности ихъ болгарскому епископу Григорію конца (II—начала X вѣка (см. Извѣст. Отд. Русск. яз. и слов., т. XIII, кн. 4 X908), стр. 270—271).

любопытныя научныя перспективы. Въ древне-русской письменности, оказывается, есть *цѣлый рядъ поученій той же конструкции*, что и два указанныхъ, т. е. представляющія изъ себя такое же, только еще болѣе сокращенное и упрощенное воспроизведеніе Благовѣстника Теофилакта. Въ этотъ рядъ входятъ послѣдовательно поученія на періодъ тріодный цвѣтной на всѣ недѣли отъ Антипасхи до недѣли о слѣпомъ включительно. Вотъ этотъ рядъ, полностью и исключительно воспроизводимый въ простѣйшемъ и древнѣйшемъ представителѣ пространныхъ списковъ Златоуста № 1265 Соф. б. С.-Пб. Дух. Академіи и частично въ другихъ спискахъ и прежде всего въ древнѣйшихъ, сравнительно сборникахъ (XV в.): № 406 Румянц. Музея и № 17 (48) Тр.-Серг. Лавры Москов. Дух. Академіи (и въ печатномъ „Златоустѣ“).

Недѣля Антипасхи.

Господа Бога и Спаса нашего.

Недѣля Мироносиць.

Возлюбленніи, солнце красуеся во облацѣхъ.

Недѣля о разслабленномъ.

Человѣколюбець благый Господь нашъ Иисусъ Христосъ не токмо душамъ врачъ. (Ср. А. И. Пономаревъ, Пам. др.-р. ц. учит. лит. I (С.-Пб. 1894), стр. 190).

Недѣля о самарянинѣ.

Не чудеса токмо Господь, но и ученіемъ (находится также въ сборникѣ № 9 Тр.-Сер. Лавры XIV в.).

Недѣля о слѣпомъ.

Христосъ Богъ нашъ отъ евангельскихъ словесъ.

Не трудно замѣтить, что этотъ пятичленный рядъ представляетъ прямое продолженіе рассматриваемой группы поученій на недѣли постнаго тріоднаго круга, возглавляющейся и заканчивающейся такими же поученіями, извлеченными изъ Теофилакта. Пропущены лишь недѣли Ваий и Пасхи, но это, конечно, потому, что онѣ—не рядовыя недѣли, а великіе Господскіе праздники. Возможно, что одно и то же лицо, которое восполнило первоначальную шестичленную группу поученій на воскресные дни тріоды постной поученіями, составленными по Теофилакту, сдѣлало то же и въ отношеніи *рядовыхъ* недѣль тріоды цвѣтной, только выполнивъ это съ меньшей тщательностью, чѣмъ въ отношеніи двухъ недѣль постнаго тріоднаго круга.

О Г Л А В Л Е Н І Е .

	СТР.
I. Уставныя Чтенія, какъ предметъ изученія съ историко-гомилетической и историко-литургической точекъ зрѣнія . . .	3
II. Древне-русская школа и просвѣщеніе по даннымъ уставной агиографической литературы.	53
III. Основной древне-русскій пласть въ составѣ „Торжественника“ --поученія Кирилла, епископа Туровскаго . . .	97
IV. Основной пласть въ составѣ „Златоуста“	179

О П Е Ч А Т К И .

Страница III, стр. 3-я снизу. Напечатано: Такъ,—надо читать: Такъ какъ.

Стр. 97 и 192. Напечатано: Основной,—надо читать: Основной.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ АЛЕКСАНДРОВЪ

Цѣна 1 р. 50 коп.

Складъ изданія у автора:

Сергіевъ Посадъ, Имп. Московская Духовная Академія.